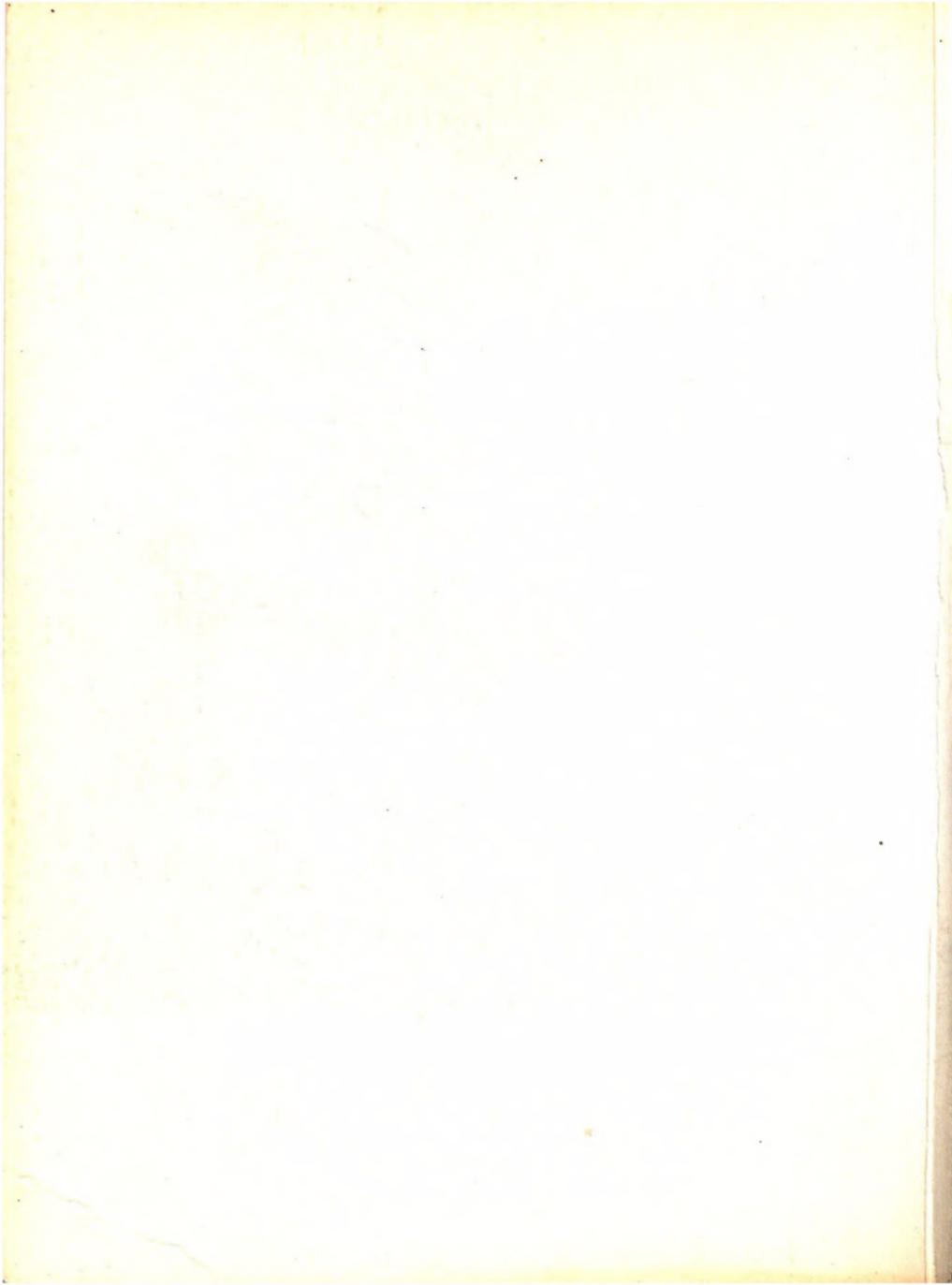

Анна
Клодзинская

Летучие Мыши

Анна
Клодзинская

Летучие
Мотыши
роман

«ОРБИТА»
МОСКОВСКИЙ ФИЛИАЛ
1989

ББК 84.4П
К50

Перевод с польского
А. О. Давтяна, В. С. Дунина

Клодзинская А.

К50 Летучие мыши: Повесть / Пер. с пол. А. О. Давтяна, В. С. Дунина; Худож. Г. Ю. Корнышев.— М.: Орбита, 1989.— 192 с. с ил.

ISBN 5—85210—003—Х

2 р. 50 к.

Повесть известной польской писательницы Анны Клодзинской рассказывает об изощренных методах, которыми действуют спецслужбы Запада для достижения своих целей и как польская контрразведка распутывает одно хитроумное дело.

К 4703010100—06
066(01)—89 без объявл.

ББК 84.4П

К50

ISBN 5—85210—003—Х

© Wydawnictwo Ministerstwa Obrony Narodowej,
Warszawa, 1985

© Перевод, оформление «Орбита», 1989

Глава 1

Шестой сидел неподвижно, держа руки на руле.

Конечно, он мог уступить, раньше он так и делал. Хотя Третий не был его непосредственным начальником, тем не менее в служебной иерархии с ним считались, как с Первым. Вообще-то Первого видели так редко, что... Ну, нет, никто даже и не пытался его забыть.

Однако сегодня Шестой не хотел уступать. Его угловатое лицо с резко очерченной челюстью выражало решительное несогласие.

— Чего ждем? — буркнул он.

— Я уже сказал. Разворачивайся.

— Ни за что. Если ты намерен туда возвращаться, то вылезай из машины. На шоссе кого-нибудь остановишь и доберешься. А можешь и пешком, — съязвил он.

Третий сидел рядом, слегка скривившись, мешали длинные ноги. Он смотрел как бы прямо перед собой, но Шестой знал, чувствовал, что взгляд Третьего ни на секунду не теряет его из поля зрения. С давних пор в памяти были закодированы эти правильные черты лица, прекрасно поставленная голова и глаза цвета

темного пива. Глаза убийцы. Так, во всяком случае, думал Шестой. Ведь кое-что он знал.

— Я слишком хорошо знаю тебя, — сказал он. И тут же пожалел о своих словах. Капельки пота выступили у него на носу и подбородке.

Третий только прищурил глаза, улыбнулся. Засунул левую руку в карман плаща. И если бы Шестой в самом деле хорошо знал его, должен был понять, как опасен этот жест.

— Разворачивайся! — В его голосе теперь зазвучала угроза.

Шестой пожал плечами, включил зажигание. Серебристая «ауди» бесшумно и плавно двинулась в сторону шоссе, с каждой минутой все дальше удаляясь от Варшавы. Внезапно Третий молниеносно рванул руку из кармана. Насадка приглушила звуки выстрелов. Череп, простреленный с расстояния пятнадцати сантиметров, разлетелся на мелкие куски. Третий притормозил, спрятал пистолет, взял с заднего сиденья коричневую сумку, вышел из машины и осмотрелся. В перелеске, густо заросшем ельником и кустами дикой сирени, не было никого и ничего, что могло бы вызвать подозрение. Раннее утро. Хорошая погода. Осень еще только приближалась — начало сентября.

Он знал, что делать дальше, хотя для этого требовалось определенные усилия и хладнокровие. У него было немало сил, причем не только физических. Со своей первной системой онправлялся прекрасно. Снова сел рядом с убитым и осторожными движениями начал обыскивать. Отлично знал, чего ищет. Не интересовали его ни деньги, ни паспорт.

Внезапно, скорее инстинктивно, чем взглядом и слухом, почувствовал опасность. Выглянул из машины. Так и есть. По лесу шли люди. Еще далеко, но быстро приближались. Уже слышны голоса, разговоры, смех, возгласы. Нахмурился. Не успел найти то, что ему бы-

ло нужно. Это плохо, очень плохо. Ничего не поделать, нужно уходить как можно скорее. Снял плащ, свернул и убрал в сумку. В спортивной одежде, загорелый, с фотоаппаратом через плечо он выглядел как турист. Быстрыми шагами удалялся от машины и через несколько минут уже стоял на шоссе. С улыбкой поднял руку и остановил «Фиат-126п». За рулем сидела девушка. Одна. «Хорошо», — подумал он. По-польски он говорил без иностранного акцента, если, конечно, старался. Сейчас это необходимо. Она ехала в Варшаву. Скорее от нечего делать спросила его, что случилось, раз в такой ранний час он ищет «оказии». Ответил, что ехал вместе со знакомыми, которые могли довезти его только до того места, а сами свернули на проселочную дорогу.

Заметил, что время от времени она бросала на него взгляды с явной симпатией. Это было знакомо ему, знал цену своей привлекательности и использовал этот козырь в случае необходимости. В особенности в контактах с женщинами.

Во время банального, доброжелательного разговора она спросила:

— А вы левша?

Понял ее наблюдательность, и это насторожило его. Выразила нечто вроде сочувствия. В свое время его раздражало то обстоятельство, что он левша, в школе посмеивались над ним, обзывали. Пробовал научиться владеть также и правой рукой, но ничего не получалось. Потом кто-то сказал, что левшой был президент Форд и еще несколько знаменитостей, и это его немного успокоило. Со временем он привык к этому недостатку и не ощущал неудобств.

Прошло полчаса. В брошенном автомобиле, скорчившись на переднем сиденье, лежал убитый. Люди, которые шли лесом, обогнули стороной серебристую «ауди», к ней было не по пути, они даже не подозревали о

ее существовании. Однако вскоре поблизости оказался человек, гулявший по лесу с натренированной овчаркой.

У старшины Стшалковского был выходной. До этого двое суток он и собака Тракс помогали в поисках группы грабителей, пытавшихся любой ценой скрыться от погони. Поздно вечером Тракс настиг их в старой канализационной канаве и, исполнив задание, слегка сжал довольно пастью руку проводника. В награду оба позволили себе продолжительную прогулку по лесу. Однако ей не суждено было закончиться спокойно.

— Ну и ну! Ничего себе находка, — проворчал старшина.

Пес напрягся всем телом, потом тихо заскулил. Проводник натянул перчатки, открыл переднюю дверцу и несколько минут размышлял, что же делать. Срочно надо сообщить коллегам из угрозыска, а в то же время следовало бы оставаться у машины. В конце концов он выбрал первый вариант: выбежал на шоссе, сохранив в памяти то место, где стояла «ауди».

Остановил зеленый «фольксваген» с офицером за рулем. В двух словах объяснил ему, в чем дело, и вместе с Траксом вскочил в машину. До Варшавы было недалеко, всего несколько километров.

Прошел еще час. У машины, стоящей в перелеске, уже толпился народ. Старшина Стшалковский и Тракс с интересом наблюдали за работой двух экспертов из отдела криминалистики Главного управления милиции. Интерес вызывали не люди, а обслуживаемая ими техника: применялся термовизор, а точнее — «Термовизион-750», шведского производства, с цветным монитором.

И старшина подумал, что, видимо, убийство человека в автомобиле с регистрационным номером ФРГ имеет какое-то особенное значение.

— Как вы думаете, сколько прошло времени? — спросил майор Щенсный.

— Около двух часов,— ответил один из экспертов.— Прибор еще показывает.

— И достаточно четко! — с удовлетворением заметил эксперт-капитан.— Рядом с водителем сидел высокий, стройный человек в плаще, без головного убора. Пистолет находился у него в кармане.

— Когда будут готовы снимки? — спросил Щенсный. Он еще не дотрагивался ни до чего внутри машины, самое важное — показания термовизора, а у этого прибора строго ограниченное время действия.

— Завтра.

— Сзади никого не было?

— Пожалуй, нет.

— Что значит пожалуй?

Эксперт пожал плечами.

— Там могло сидеть целое стадо,— ответил он с укором.— Но не два-три часа тому назад. Займись-ка лучше трупом. Может, он назовет тебе имя убийцы.

— Может, и назовет,— согласился Щенсный, не обращая внимания на иронию.— Не такое говорили.

Через минуту техническая машина медленно двинулась в сторону шоссе. Тракс проводил термовизор взглядом, полным одобрения.

Следственная группа приступила к работе. Каждый делал то, что положено.

Судебно-медицинский эксперт осмотрел и ощупал то, что осталось от раздробленного черепа, сделал общий осмотр тела. Вскрытие покажет... и т. д.

Обнаружили две пули и две гильзы. Одна из них пробила насквозь череп, потом стекло возле водителя и застряла в ближайшем дереве. Вторая увязла в дверцах.

— Калибр девять,— определил капитан Полонский.

— Гильзы, пули,— подумал Щенсный.— Выходит, он и не собирался замазывать следы. Наверное, тороп-

пился. Что-то искал, расстегнул на жертве плащ, пиджак.

— Шофер и сам мог расстегнуться, жарко.

— Мог. А ты посмотри... пуговица оторвана, держится на нитке. У пиджака карман распорот. Обрыв свежий. Этот тип не похож на оборванца, все вещи высокого качества, чистейшая рубашка, элегантный галстук.

Достал из бокового кармана убитого бумажник, взглянул на документы. Паспорт гражданина ФРГ, польская въездная виза, срок еще не истек. Пара фотографий: какая-то вилла в саду, автомашина, люди, вроде бы семья. Две тысячи западногерманских марок, сто двадцать долларов и почти тридцать тысяч польских злотых. Еще кое-что из мелочи, использованный билет в варшавский кинотеатр, счет из гостиницы «Виктория» за четырехдневное пребывание. В плаще пачка «Честерфильдов», не хватало двух сигарет.

— Вернер Киршвальд, гражданин ФРГ.— Полонский сравнил фото с лицом, скорее, попытался это сделать, так как на месте лица зияла кровавая маска.— Сорок шесть лет. Постой, здесь еще...— Он вытащил из бумажника визитную карточку.— Какая-то строительная фирма, и он там был инженером. Интересно, кто же его пристукнул? Явно не вор, так как оставил самое ценное: бумажник, деньги, золотой перстень, часы.

— В багажнике чемодан,— добавил дактилоскопист.— Прекрасная вещь. Черная кожа, металлические оковки. Ну и роскошная «ауди».

— Можно считать, что убийцу не интересовали материальные ценности,— добавил Полонский.— Если действительно он что-то искал у покойного, то нашел и спокойно удалился. Следы от ботинок ведут в сторону шоссе, но кто подтвердит, что это именно его обувь?

Когда все действия, необходимые в подобной ситу-

ации, были закончены и тело убитого можно было поместить в «летающий гроб» — так называли спецмашину, Щенсный, преодолевая чувство отвращения, очистил стекло и руль, потом запустил двигатель. Полонский сел рядом, остальные поехали в технической машине. «Ауди» тихо заурчала, и через несколько минут они уже были на шоссе, ведущем в Варшаву.

*

На следующий день после полудня оба офицера сидели в служебном помещении в столичном Управлении милиции и рассматривали фотоснимки. На письменном столе Щенсного их был целый ворох. Отдельно лежали — снятые с помощью термовизора.

Следственная машина со вчерашнего дня работала на всех оборотах. В адрес указанной строительной фирмы ФРГ и на домашний адрес убитого высланы телеграммы нейтрального содержания, в особенности вторая. Из паспортных данных было неясно, имелись ли у Вернера Киршвальда ближайшие родственники. Если бы он их имел, то не следовало безжалостно тотчас сообщать им страшную правду. Для этого всегда найдется время. Открыт и тщательно исследован черный чемодан, однако его содержимое не дало никакой конкретной пользы следствию. Белье, выходной костюм, две пары ботинок, туалетные принадлежности высокого качества, проспекты фирмы, разные мелочи.

Тем не менее в ходе тщательного обследования одежды, которая была на убитом, сотрудники лаборатории криминалистики, ощупывая подкладку пиджака, обнаружили маленький плоский и твердый предмет вроде визитной карточки, окантованной металлической рамкой. Эксперт отдела достал эту вещь, размером с месячный проездной билет, осмотрел, задумался, а потом отнес в помещение, где находились Щенсный и Полонский.

— Это было зашито в подкладке,— четко сказал он, положив предмет на стол.— Осмотрите сами, у меня и так полно дел.

— А у нас нет? — проворчал капитан. Взял в руки странную визитку или как там ее, внимательно осмотрел со всех сторон. Щенсный глянул ему через плечо, и в его черных глазах мелькнул интерес:

— Дай-ка!

Карточка была герметически покрыта целлофаном, свободно умещалась на ладони. Неизвестно почему окантованная в рамку, белая бумага была идеально чиста — никаких надписей, фамилий и фирменного знака. Майор повертел ее в руках, осторожно ощупал — целлофан слегка согнулся. Перебирая пальцами по поверхности рамки, искал какую-нибудь зацепку. Не нашел. Взял перочинный ножик и осторожными движениями снял целлофан.

Металл вначале сопротивлялся, потом рамка вдруг открылась, и на стол выпал сложенный вдвое листок бумаги. Щенсный развернул его. Там был текст, напечатанный, видимо, на самой миниатюрной машинке ми-ра. Буквы микроскопические, но очень четкие.

— По-английски, — определил Щенсный.— Читай. Ты ведь знаешь язык, — обратился он к Полонскому.

— Значит, так. «Small nocturnal mammal of the order Chiroptera, resembling a mouse...»

— И что это значит? Ты давай переводи. Потом будем вместе удивляться!

— Сейчас. Не торопи меня. Итак: «Малое ночное млекопитающее из семейства Chiroptera, похоже на мышь, с крыльями, напоминающими кожу»... Подожди, слово забыл. Ага, вспомнил: «состоящими из перепонки, простирающейся от шеи через передние конечности и уменьшенные пальцы»... Какая-то чертовщина! «...пальцы, вдоль боков тела до задних конечностей и хвоста». Конец. Ты что-нибудь понял?

Майор подошел к шкафу, порылся, достал старую, зачитанную до дыр энциклопедию. Полистал.

— Да ведь это описание летучей мыши. Вот, слушай! «Chiroptera, семейство летучих мышей, насчитывает около 750 разновидностей» и так далее.

— Не понимаю, какого-же черта этот тип так старательно спрятал текст, который можно найти в каждом учебнике зоологии или в энциклопедии?

— И я не понимаю. А не заинтересует ли это дело контрразведку?

— Ты думаешь, это шифр?

— Похоже на то.

*

Однако через несколько дней контрразведка дала знать, что в описании летучей мыши невозможно усмотреть какую-нибудь шифrogramму. Правда, на всякий случай текст сфотографировали, будут еще искать, думать. Личность убитого им неизвестна.

— В таком случае,— сказал полковник Данилович, шеф отдела угрозыска столичной милиции,— продолжим поиски. Поступил ли ответ из Федеративной Республики?

— Вчера,— ответил Щенсный, внутренне удовлетворенный тем, что следствие по делу таинственного убийства вновь вернулось к нему.— Фирма господина Киршвальда с глубоким сожалением восприняла известие о смерти своего инженера, а за телом убитого приедет его брат Эдвин Киршвальд — совладелец этой фирмы.

— Брат... Он тоже откликнулся?

— Нет, это известие фирмы. Из домашнего адреса Вернера, куда мы посыпали телеграмму, не пришло ответа. Видимо, у него не было семьи или он не жил с ней. Возможно, что он проживал вместе с этим Эдви-

ном, которому было вполне достаточно, что нас уведомила фирма.

— Когда он приедет?

— Послезавтра. Самолетом. Я думаю, что с ним прилетит кто-то, кто заберет автомашину, так как гроб наверняка пихнут в поезд. Нам для следствия машина не нужна. Все, о чем мы должны были узнать с ее помощью, мы уже знаем. Приобщили к делу обе пули и гильзы, простреленное стекло, отпечатки пальцев, номер двигателя, данные...

— Ближе к делу! — прервал Данилович. — Ты что, впервые ведешь дело об убийстве в автотранспорте?

— Одиннадцатый раз, — буркнул Щенсный и рассмеялся: — Порядок. Я это только так. Покойник тут тоже лишний, протокол вскрытия имеется перед тобой.

— Жаль, что ничего не обнаружено о летучей мыши.

— А может быть, здесь нет никакой тайны? — заметил Полонский. — Может быть, это, скажем, условный знак общества друзейочных млекопитающих из семейства Chiroptera?

— Ты ошибаешься, — сказал полковник. — Знаков или другой символики таких невинных обществ не зашивают в подкладку пиджака. Нет, тут скрывается какая-то особая история. Может быть, редкая или для контрразведки. Однако пока суд да дело, давайте займемся поисками убийцы Вернера Киршвальда.

*

Щенсный сидел в кабинете шефа, дежурил. Дворец Мостовских, где находилось Управление милиции, опустел, приблизилась полночь. Оживление было, как обычно, только у пульта управления. В остальных отделах дежурили по одному офицеру.

С некоторых пор он полюбил этиочные, одинокие часы. Редко звонили телефоны, сослуживцы не слоня-

лись по комнатам, не было проблем с выездом по очередному делу. Как заместитель шефа, Щенсный сам организовывал группу, вытаскивая из кровати заспанных подчиненных, посылая их «в город». А в общем-то, такие выезды случались не часто.

Он просматривал вчерашию хронику происшествий, как вдруг дверь открылась и заглянул Полонский.

— Что пришел? — спросил майор, не отрывая взгляда от бумаги. Они узнавали друг друга по походке, по манере открывать дверь. Работали вместе вот уже несколько лет, чаще всего совместно решая одни и те же задачи.

Капитан присел с другой стороны стола, снял куртку. Лицо его напоминало морду кота — треугольное, с необычайно черными глазами. По сравнению с ним, глаза Щенсного казались слегка коричневыми.

— Послушай. — Пришедший смахнул со стола все бумаги и разложил несколько фотографий. — Кажется, я сделал открытие. Или нет, подожди! Поступим иначе.

Он вскочил, передвинул на середину кабинета два стула. Достал из сейфа пистолет, разрядил его, отложил в сторону обойму, для уверенности заглянул в ствол, нажал на спуск. Тихо стукнул боек. Щенсный смотрел на все это с умеренным интересом, потом сказал:

— Пока что я пришел к выводу, что ты собираешься убивать меня. Зачем стулья?

— Садись на этот — слева. Это место убитого, понял? Я сажусь рядом, как там, в «ауди». А теперь посмотри на мою правую руку.

— Вижу. Ты вынимаешь пистолет, видимо, из кармана плаща, так как термовизия показала: убийца был в плаще. И что дальше?

— Смотри внимательно. Предположим, что водитель не ожидал выстрелов, однако заметил это движение в последнюю минуту. Он должен был заметить, так как моя рука, то есть рука убийцы, описала в воздухе

довольно большой полукруг справа налево. Он не мог этого не увидеть, в особенности потому, что есть все основания предполагать, что атмосфера взаимоотношений между этими людьми была напряженной. А обнаружив этот резкий жест, как ты думаешь, что он делает? Что бы ты сделал?

— Скорее всего обернулся бы к нему лицом. Хотя бы для того, чтобы сориентироваться в его намерениях.

— Вот именно! Тогда убийца стреляет ему прямо в лицо. А что показали осмотр тела и вскрытие?

— Что стреляли в правый висок. Там находились входные отверстия обеих пуль. Ну а если бы он попытался выскочить из машины?

— То получил бы в затылок.

— В таком случае... Постой! — Щенсный вскочил со стула, еще раз взглянул на снимки, которые знал почти на память, и видел их теперь как бы другими глазами. — В таком случае тип стрелял левой рукой. Он левша. Ну и осел я! Ведь термовизор ясно показал, что пистолет находился в левом кармане. Никто, кроме левши, его туда не положит.

— Вот видишь, — Полонский удовлетворенно улыбнулся. — Как говорится, точка зрения зависит от точки сиденья. В общем-то, и я тоже проглядел. — Он спрятал оружие в сейф, задумался на минуту. — Скажи-ка мне, я тогда не успел спросить, а потом забыл: откуда в лесу так быстро оказалась термовизия? Ведь ее нет в нашей лаборатории.

— Просто коллеги из отдела криминалистики показывали шефу ее работу. А как только поступил сигнал об убийстве, он уговорил их поехать. В конце концов, нам тоже полезно чаще, чем раз в два-три года, видеть это чудо в действии.

— Во сколько прилетает этот Киршвальд?

— В десять или одиннадцать, не помню. Проверь в расписании. Богдан, ты хорошо говоришь по-немецки,

съезди-ка завтра в аэропорт. Отвезешь Киршвальда вначале в морг на опознание. Затем сюда на беседу. Может, знает, кто мог убить его брата. Если это иностранец,— добавил он, задумавшись.

Полонский пожал плечами.

— Если бы это был кто-то из местных, то не оставил бы бумажник, часы и чемодан. Конечно, нельзя исключить каких-то шпионских связей, попытка шантажа или что-нибудь в этом роде. Мы, к тому же, ничего не знаем о предполагаемом хозяине машины, который потом подвез убийцу. В Варшаву или еще кудато? Ведь он не мог идти по шоссе пешком, весело на свистывая. Наверняка с кем-то подъехал по пути.

— Да. Пока что ничего не знаем. Ищут коллеги из соответствующих подразделений. Может, в конце концов кто-то и объявится, мы дали объявление. Либо наши сами нападут на след. Суть в том, что мы не знаем, кого искать. «Высокий, стройный» — такие приметы все равно что никаких. Сейчас еще добавим: левша. Если бы у нас была стопроцентная уверенность, что это стоящий след. А такой уверенности у нас тоже нет.

*

Богдан Полонский стоял возле лейтенанта-пограничника и внимательно присматривался к пассажирам из Франкфурта, проходящим паспортный контроль. Он не представлял, как выглядит Эдвин Киршвальд, и пытался его угадать на основании черт лица, одежды и даже багажа.

«Может быть, этот? — подумал он, глядя на приближающегося крепкого мужчину с красивой дорожной сумкой.— Загорелый, серые короткие усыки. Быстро осматривается вокруг, наверное, кого-то ищет».

Когда пограничник брал его паспорт, грузный мужчина обратился к нему на чистейшем польском языке. Полонский на всякий случай заглянул в паспорт. Со-

отечественник, из Познани, инженер с завода Цегельского.

«Или этот? — предположил Полонский.— Высокий, слегка сгорбленный, без головного убора, плащ перекинут через плечо, хотя на улице холодно. Смотрит исподлобья, двигает челюстями, будто жует».

Высокий, подойдя к паспортному контролю, заговорил быстро, резко, по-итальянски. Опять неудача.

Ну, этот уж точно Киршвальд! Одет в черное, на лице тень печали. Остановился. Подождал своего спутника. Тоже в черном. Взволнован, осматривается... Да, это они. Подходят к контрольному пункту.

Полонский сделал шаг вперед в их направлении.

— Извините,— сказал по-немецки.— Господин Эдвин Киршвальд?

Мужчина поднял опухшие глаза, губы задрожали.

— Да,— ответил тихо.

— Я капитан варшавской милиции — Полонский.

— Киршвальд. А это сотрудник нашей фирмы. Боленц.

Второй мужчина как бы нехотя поклонился, не протягивая руки.

— Я хотел бы выразить вам глубокое соболезнование по поводу трагической смерти брата,— сказал Полонский.

— Благодарю,— ответил Киршвальд.— Это страшно, в самом деле...

У капитана мелькнула мысль о том, что в телеграмме о смерти не сообщалось, а лишь о несчастном случае, который произошел с Вернером Киршвальдом. Однако не было времени на обдумывание, и он решил проанализировать свою догадку позже. Пограничник вернулся прибывшим паспорта, таможенники бегло осмотрели их багаж — небольшие дорожные сумки. Выяснилось, что для них забронированы места в «Виктории».

— Я хотел бы встретиться с вами,— сказал Полонский.— Когда можно будет приехать в гостиницу?

— Да, конечно.— Немец утвердительно кивнул головой.— Я хочу узнать все подробности, и если вы сможете мне рассказать...— Посмотрел на часы.— Скажем, через час?

— Хорошо. Через час я буду в гостинице и позвоню от администратора. До свидания.

Он не хотел заранее предупреждать о том, что должен отвезти Киршвальда в морг, надеясь на то, что тот сам догадается о необходимости такого неприятного посещения. Правда, Вернеру кое-как склеили череп и косметически обработали лицо, однако его вид оставляет желать много лучшего. Полонский невольно пожалел Эдвина: все же брат.

К счастью, тот пережил встречу с братом спокойно. Посмотрел, тронул кончиками пальцев окаменевшее лицо, как бы прощаясь с умершим, тяжело вздохнул и сказал — да, он узнает своего брата Вернера. Потом они вышли из унылого здания, поехали во дворец Мостовских. Боленц не поехал с ними, ему предстояло уладить ряд необходимых формальностей.

Данилович и Щенсный с нетерпением ожидали Эдвина Киршвальда, рассчитывая на то, что этот человек хотя бы кое-что мог прояснить. Сели в кабинете шефа, секретарша принесла кофе. Полковник, взглянув на побледневшее лицо гостя, предложил виньяк и достал из шкафа бутылку венгерского бренди «Труа Тур», который, по мнению Щенсного, составляет недостающее звено между коньяком и виньяком. Офицеры более-менее знали немецкий язык и могли обойтись без переводчика.

Страяясь опускать ужасающие подробности, Полонский кратко проинформировал о том, что произошло в серебристой «ауди». Эдвин Киршвальд слушал внимательно, только временами болезненная судорога своди-

ла его лицо. Когда капитан закончил и наступила тишина, Данилович кашлянул, подождал немного и, не услышав вопросов, сказал:

— Здесь, в Польше, мы будем продолжать энергично следствие, чтобы как можно скорее обнаружить и задержать убийцу. Однако вы могли бы помочь нам в этом, если бы подумали, кто, по вашему мнению, мог быть заинтересован в смерти вашего брата. Не было ли у господина Вернера врагов там, в Федеративной Республике? Может, это была месть?

— Месть? — Эдвин на мгновенье опустил глаза, вытер со лба пот. — Нет. Я уверен. Я не могу назвать никого, кто бы был его врагом. У Вернера был покладистый характер, уступчивый.

— Он жил один? — спросил Щенсный. — Был женат?

— Нет. То есть жил в одиночестве после смерти жены. Она умерла четыре года тому назад. Он работал инженером в фирме, совладельцем которой я являюсь, хотя я уже перестал фактически там работать из-за болезни. У них не было детей.

— Вы часто встречались с братом?

— Нет.

Поскольку ответ был лаконичным, майор пояснил:

— Речь идет о том, знали ли вы всех его знакомых, его контакты. Поймите, это не любопытство... — В голосе Щенсного прозвучала нотка раздражения.

— Я думаю, что знал, — осторожно ответил Киршвальд. — Однако не обижайтесь, но я бы подозревал в убийстве все же местного преступника. В конце концов, Вернер спокойно жил в своей стране более сорока лет, а как только приехал в Польшу, был убит.

Полонский прикусил губу, так как чуть было раньше времени не сказал о том, что у убитого ничего не взяли, хотя брать было что.

Данилович, снова вступив в беседу, начал спокойно, методически выспрашивать о знакомых и дальних родственниках Вернера, об их возможном пребывании в Польше, о контактах покойного в Польше. Эдвин Киршвальд, отвечая на эти вопросы, соблюдал осторожность и задумывался над каждым предложением. По его словам, Вернер поехал в Польшу впервые, один, в качестве туриста, у брата не могло здесь быть никаких контактов и знакомств. Естественно, оговорился Киршвальд, что ему ничего не известно о пребывании брата в Польше, может, он и с кем-то познакомился здесь.

После небольшой паузы, не глядя ни на кого, гость спросил:

— Вы уже знаете, как и, собственно говоря, когда его убили?

— Я же говорил вам,— ответил Полонский,— одинако повторю. Господин Вернер получил два выстрела из пистолета в голову, когда находился в автомобиле.

Щенсный и капитан украдкой переглянулись. Первый раз Богдан говорил о выстрелах в правый висок, а теперь опустил эту подробность.

— Значит, вы считаете, что убийца ехал вместе с ним? — уточнил Киршвальд, не поднимая головы.

— Да. Больше того, мы предполагаем, что именно убийца заставил вашего брата свернуть с шоссе и заехать на два километра в лес,— сказав это, Данилович выждал, не последует ли новый вопрос, и затем продолжил: — Вы можете осмотреть личные вещи брата, включая автомобиль. Нам кажется, что ничего не украдено, хотя покойный имел при себе, когда мы его обнаружили, бумажник с приличной суммой денег, перстень, часы, паспорт и чемодан, который, судя по его содержимому, убийца не открывал.

Гость продолжал молчать. Допил бренди, закурил новую сигарету, при этом рука его слегка дрожала.

— А ваш брат,— вдруг спросил Щенсный,— не интересовался естествознанием? Предположим, как хобби?

Киршвальд с удивлением посмотрел на него.

— Естествознанием? — переспросил он.— Что вы имеете в виду? Бабочек, жуков?

— Что-то в этом роде.

— Почему это пришло вам в голову? В автомобиле были какие-нибудь экземпляры?

Несколько секунд черные узкие глаза Щенсного напряженно вглядывались в лицо сидящего перед ним иностранца. Наконец он ответил небрежно:

— Действительно, на заднем сиденье «ауди» лежал прекрасный экземпляр королевского пажа. Знаете, такая бабочка. Видимо, она просто залетела через спущенное стекло. И все же, не был ли господин Вернер членом какого-либо научного общества? Я не спрашиваю о политических организациях,— пояснил Щенсный, заметив на лице гостя недовольную гримасу.

— Научного? Нет. Видимо, нет. Если и мог быть, то скорее всего членом объединения строителей, хотя сомнительно. Он не участвовал ни в каких политических и общественных акциях. Могу сказать, что он любил одиночество, и я иногда предъявлял к нему из-за этого претензии. Ну, да это все уже было... Я хотел бы напомнить, что наша фирма ANB находится во Франкфурте, и Вернер там жил, а я, с тех пор как перестал там работать, переехал в Мюнхен. Только иногда я навещал брата и посещал фирму.

Потом Киршвальда проводили в комнату, где лежали разложенные вещи Вернера. Полонский положил перед немцем список передаваемых ему предметов, и тот, прежде чем расписался на нем, проверил соответствие всех предметов этому списку. Когда чемодан был упакован, все спустились во двор. Киршвальд получил ключи от машины, открыл ее и какое-то время неподвижно смотрел на переднее сиденье и руль, как бы ри-

ся в воображении страшную драму, которая тут разыгралась. После этого он попрощался с офицерами, оставил им свой адрес и телефон в Мюнхене, еще раз просил как можно быстрее найти убийцу и уехал. А Щенсный и Полонский вернулись в кабинет шефа.

— Собственно говоря, почему мы не спросили его о летучей мыши? — начал Щенсный разговор и взял свой кофе. Кофе был холодным, и сахар застыл на дне чашки. — Почему мы не показали ему эту визитку или как там ее назвать?

— Мы ведь договаривались, о чем будем спрашивать, — ответил Данилович. — И так ты ни к чему вылез с этим естествоведческим хобби.

— Но это же ничего не испортило, — не то оправдываясь, не то возражая, заметил Щенсный и покал плечами. — И вообще — что вы думаете об этом Эдвине Киршвальде?

— По-моему, нормальный тип, — определил Полонский. — Расстроен смертью брата, сердит на нас. Но вежлив. Пунктуальный, как каждый немец. Заметили, с каким вниманием он просматривал вещи Вернера? Мне аж не по себе стало. Впрочем, он имел право. Меня удивило только его поведение в аэропорту. Когда я выразил ему соболезнование по поводу смерти брата, мне показалось, что он уже знает об этом. А ведь в телеграмме мы писали о несчастном случае. Вернер мог лежать в больнице, ведь не каждый несчастный случай кончается смертью. А немец не удивился, не поразился моим словам. Короче говоря, он знал. Откуда?

— Кто-нибудь из вас информировал консульство? — спросил шеф.

Оба офицера отрицательно покачали головами.

— Я думаю, что наш гость был в значительной степени готов к твоим словам, — сказал Данилович, обращаясь к капитану, и добавил, как бы разъясняя: — Не исключал возможности смерти. Поэтому принял твое

соболезнование спокойно.— И уже с вопросом к Щенсному: — Ты отдал эту мышиную визитную карточку в отдел криминалистики?

— Да. Обещали поработать. Они знают разные тонкости лучше, чем мы,— заявил Щенсный с такой редкой для него скромностью, что шеф на него посмотрел с удивлением.

Однако на следующий день, обдумав все основательно, полковник решил еще раз побеседовать с Эдвином Киршвальдом.

Глава 2

Вначале ему показали фотографию карточки с текстом о летучих мышах. Он осмотрел ее внимательно и сказал, что, к сожалению, не знает английского языка, поэтому не может понять, что означают эти несколько предложений. Щенсный перевел, а по мере того, как он говорил, на лице Эдвина Киршвальда проступало удивление.

— *Quatsch**! — проворчал он.— Я полностью уверен, что этот... документ,— подчеркнул с презрением,— не принадлежал моему брату. Он не занимался летучими мышами.

— Однако это было зашито в подкладке его пиджака,— сказал полковник.— Или в тот день он надевал чужой пиджак?

Эдвин заколебался. Минуту помолчал, кусая губы, а потом сказал:

— Господа говорили об убийце, который мог сидеть рядом с Вернером в автомашине. Откуда вам это известно?

* Вздор (*нем.*).

— Мы располагаем фотографией, сделанной термовизором, если вы ориентируетесь в такой терминологии. Прошу.— Майор разложил несколько фотографий.— Здесь запечатлена фигура человека высокого, стройного, в плаще и без головного убора.

Киршвальд посмотрел, пожал плечами. Щенсный продолжил, стараясь сдерживать себя, что было нелегко:

— Судя по фотографии, у человека в кармане пистолет, из которого и были сделаны выстрелы.

Эдвин засмеялся.

— Чушь какая-то! Где тут пистолет? — презрительно заметил он, показав пальцем на фотографию.— Эта... это какое-то туманное привидение. Здесь ничего невозможного распознать.

— Для кого невозможно, а для кого — возможно, — проворчал Щенсный, а Данилович, дабы избежать «международного скандала», поспешил пояснить цель разговора:

— Итак, мы хотели бы знать, не приехал ли ваш брат в Польшу с кем-нибудь из знакомых. Может быть, сегодня вам об этом неизвестно, однако вы могли бы порасспросить дома у соседей и приятелей господина Вернера.

— Я совершенно уверен, что он приехал сюда один. Когда я говорил об убийце, который, судя по вашим данным, сидел рядом с ним, я имел в виду возможную замену пиджаков. По какой-нибудь неизвестной мне причине такое могло произойти. Таким образом текст о летучих мышах мог бы принадлежать тому, второму человеку.

— И вы ничего не можете сказать нам об этом тексте? — еще раз спросил Данилович, делая какую-то пометку на листке бумаги.

— Нет.— Киршвальд наклонился над карточкой и добавил: — Это, если я не ошибаюсь, фотография, а не

оригинал. Я хотел бы увидеть оригинал. Может быть, тогда я чем-то смогу быть полезен.

Офицеры быстро переглянулись, а шеф отдела сказал с сожалением в голосе:

— Жаль, но у нас сейчас нет оригинала.

— Мы передали его на экспертизу, то есть...— Плонский поперхнулся, видя предостерегающий взгляд своего товарища.— Копия абсолютно точная.

Киршвальд посмотрел на него снисходительно.

— Даже самый лучший снимок с оригинала не является точной, абсолютно точной его копией,— заметил он.— И я считаю, что если бы у меня в руках был оригинал, если бы, к примеру, я смог его ощупать пальцами, определить сорт бумаги, посмотреть на металлическую рамку, то я мог бы сказать вам несколько больше об этом странном документе.

— Сожалею,— повторил полковник и замолк.

Немец сидел еще с минуту молча, а потом спросил, имеются ли к нему еще какие-либо вопросы, а то он вечером уезжает и хотел бы вернуться в гостиницу. Попрощались. Капитан проводил Киршвальда к выходу. Когда он вернулся, то Щенсный недовольно покачал головой:

— Какого черта ты намеревался ему сообщать, когда мы передали оригинал?

— Да ничего страшного,— включился в разговор шеф.— У них там тоже есть свои институты и лаборатории криминалистики и криминологии. Эти заведения известны во всем мире. Меня насторожило вот что.— Он тронул кончиком авторучки то место, где на визитной карточке в самом деле есть металлическая рамка.— Но на фотографии-то ее не видно. Здесь только текст. Откуда же ему известно об этой рамке?

— Это уже второй его просчет,— констатировал Плонский.— Первый, я все-таки считаю, был сделан в аэропорту.

Водарилась тишина. Бывают такие моменты, когда предпочтительнее ничего не говорить. В конце концов нарушил молчание шеф:

— По первому случаю — повторяю, что в событии приняло участие прямо или косвенно множество лиц. Начнем с проводника с собакой, потом местное подразделение, в лесу наверняка болтались зеваки. Каким-то путем до немца могла дойти весть о смерти брата. Зато эта визитка в металлической окантовке... — Он замолчал и вытер пот со лба.

— Договаривай, чего уж там! — воскликнул Щенсный. — Ты, я, Богдан и Марек из лаборатории. Ну и коллеги из отдела. Десять человек, не больше. Значит, у кого-то из нас был контакт с Киршвальдом?..

*

Полковник Данилович остановил машину возле ворот министерства, предъявил часовому пропуск и въехал на стоянку. С трудом отыскал свободное место, выключил двигатель, но еще не выходил из машины. Он знал, что человек, к которому он должен был идти на беседу, с некоторых пор не переносит табачный дым, поэтому следовало сигарету выкурить «про запас». Он оперся на руль, затягиваясь и думая о деле, с которым приехал.

Наконец потушил окурок и вылез из «фиата», стараясь не ступать сильно на левую ногу. Больше всего она болела при первых нескольких шагах, а потом както удавалось расходиться. Пока что не помогали ни прогревания, ни массаж, ни ультразвук — самые эффективные средства при такого рода заболеваниях. «Видимо, у меня нетипичные кости, — сказал он однажды же-не. — Надо с этим смириться».

Он вошел в здание, поднялся на третий этаж, здороваюсь по пути и отвечая на приветствия, и наконец дотащился до нужных ему дверей. Улыбнулся светло-

волосой Ане-секретарше и заглянул в приоткрытые двери кабинета:

— Можно?

— Входи, я жду. Аня, сделай нам кофе,— попросил хозяин кабинета полковник Полевский.— Садись, Стефан.

Данилович уселся в одно из двух кресел у журнального столика, по привычке сунул руку в карман за сигаретами, но тут же спохватился.

— Кури,— сжался над ним хозяин.— Окно открыто, осень теплая. Где отдыхал?

Несколько минут они разговаривали о малозначащих вещах, пока секретарша не подала им кофе. Когда двери за ней закрылись, Данилович произнес:

— Слушай, Тадек, у меня неприятности.

— У меня тоже.

— Ты потом расскажешь о своих, вначале послушай, с чем я к тебе пришел.

Он передал содержание бесед с Киршвальдом, сделав акцент на своих догадках, и закончил так:

— Может быть, это сущая ерунда, но она меня очень беспокоит. Я слишком давно работаю в милиции, чтобы не знать, до какой степени ерунда может приобрести колоссальное значение. Поэтому вопрос остается открытым: контактировал ли кто-то, а если да, то кто, с Киршвальдом за моей спиной? Уведомление о смерти брата — еще куда ни шло. Однако же он был осведомлен и о так называемой мышиной визитной карточке, возможно даже, что она ему предварительно показана. Я убежден, что английский текст, хотя он и сказал, что не знает языка, ему знаком, а может быть, даже имеет к нему отношение.

Полевский слушал внимательно, поигрывая авторучкой. Время от времени характерным жестом проводил рукой по густым, седеющим на висках волосам. Наконец сказал:

— Понимаю твою обеспокоенность. Однако скажи, чего ты ждешь от меня? Мы работали с этим текстом и не обнаружили в нем шифра. Братья Киршвальд в нашей картотеке не зарегистрированы. Никаких данных, которые бы могли свидетельствовать об их шпионской деятельности, мы не находим. Что ты хочешь, чтобы я сделал?

— Я скажу, чем ты можешь мне помочь. Проверь через своих коллег, прежде всего через кого-то, кто уже длительное время находится в Бонне, во Франкфурте либо в Мюнхене, кем на самом деле являются Киршвальды? Что это за строительная фирма? И вообще... — Подумав немного, добавил: — Я сомневаюсь, что действительно ли тот тип, который к нам приехал как Эдвин Киршвальд, таковым является.

Полевский поморщился и вскинул брови:

— Ты считаешь, что это подставное лицо?

— Может быть, подставное. А может, и нет. Но я уверен, что он прекрасно знал, что означает текст о летучих мышах. Скажу также, что он был заинтересован, даже очень, в том, чтобы найти эту визитку.

— Постой, что-то не сходится. После вашей первой беседы он забрал все вещи Вернера в гостиницу. Если этот текст действительно для него был важен, то он наверняка все тщательно осмотрел. А вы зашили потом этот пиджак?

— Да.

— Такими же нитками?

Данилович заколебался:

— Пожалуй, нет. Зашили так, на скорую руку, чтобы не отдавать разорванную.

— Это ошибка. Давай предположим, что Эдвин Киршвальд не заметил разницы. Зато когда не нашел этой условно называемой визитной карточки в одежде либо в других вещах, принадлежащих брату, не знаю, кем он там был для него, то он должен был бы пред-

ложить вам побеседовать еще раз. Не ожидая твоего приглашения. Мог, например, заявить вам о нехватке плаща, папки, черт знает чего. Настаивать на их получении. Даже устроить скандал.

— И в конце концов я должен был бы спросить у него, чего он все же ищет, да? Тадеуш, он не хотел, явно не хотел начинать первым беседу о летучих мышах. Только тогда, когда он увидел фотографию, дважды спросил, где же оригинал. Сделал это осторожно, не настаивая, хотя даю голову на отсечение, что ему это было крайне необходимо. Считаю, что Эдвин этот очень опытный игрок. Знаешь, у меня складывается впечатление, что в следствии по этому делу я ступаю как бы по тонкому льду. Очень многие вещи здесь не сходятся.

Помолчали. Зазвонил телефон, но Полевский не поднял трубку. Наконец вымолвил:

— Предположим, что те двое, убитый и тот, кто приехал, а также третий — убийца, составляют чем-то взаимно связанную группу лиц, общающихся между собой условным знаком визитной карточки с мышным текстом. Я не знаю, что он может означать и зачем он им. Однако возьми в расчет такую ситуацию: один оказывается убитым по известным только им мотивам. Очень плохо, что это произошло в нашей стране, а не у них, но что делать, раз уже произошло. Визитка Вернера оказалась в руках польской милиции. Хорошо. Ну и что из этого? Это не шифр, шпионские связи отсутствуют, если я не очень ошибаюсь. Мышиный текст может преспокойно лежать в архиве либо в отделе криминалистики как заграничная диковина пусть хоть сто лет. Почему же тогда эта группа так заинтересована, как ты говоришь, в получении этой визитной карточки? Ведь могли бы сделать новую, в чем проблема? Твоя задача: обнаружить убийцу. Хотя я должен тебе сказать, что очень сомневаюсь...

— Что найду?

— Вот именно. Не первничай. Я считаю, что убийца был иностранец, что это сведение счетов, убийца уд-
рал и больше никогда не появится в Польше. Ищи вет-
ра в поле. Видимо, случайно, что преступление соверше-
но под Варшавой. Может быть, так им было удобнее.
Конечно, я понимаю твои сомнения и постараюсь тебе
помочь. Поищем этих Киршвальдов за Рейном, прове-
рим, сколько их там и кем в действительности был твой
Эдвин. Только это займет какое-то время.

Данилович вернулся во дворец Мостовских в глубоком раздумье. Он сознавал, что Полевский, возможно, прав. Преступник испарился сразу же после ликвида-
ции Вернера, спокойно вернулся в свою страну и не думает вновь пересекать польскую границу. В таком
случае следствие никогда не закончится.

— А я это очень не люблю,— сказал он Щенсному,
упоминая о предположениях полковника из контрраз-
ведки.

— Известное дело,— проворчал майор, в сотый раз
просматривая снимки термовизии. Молчал так долго,
что шеф спросил с нетерпением:

— Чего молчишь?

— Буду искать левшу,— ответил Щенсный, и глаза
его блеснули.

— Где? В ФРГ?

— Нет, здесь, в Польше.

— Ты считаешь, что он вернется?

— Не знаю. Хотя... Стефан, я наблюдал за лицом
этого немца, особенно во время второй беседы. Ему в
самом деле крайне необходимо достать эту визитку.
В этом что-то должно быть.

— Но этот немец не левша, если ты имеешь в виду
его.

— Знаю. Он невысокий, плотный и никак не соот-
ветствует облику убийцы.

Щенсный встал, прошелся по кабинету. Его смуглое, худое лицо с мелкими морщинками у рта и глаз, лицо подвижное, часто меняющее выражение, сейчас было как бы замкнутым. Полковник смотрел на него выжидающе, он уже чуть поддался влиянию необузданного воображения своего друга-подчиненного.

— Итак, ты думаешь, что Эдвин или же кто-то из них приедет в Польшу, чтобы вернуть визитную карточку Вернера? Подожди-ка, — Данилович вдруг оживился, — а ведь ты, может, и прав. Если эта визитка была единственной в своем роде. И имеет для них особое значение, кто-то должен за ней вернуться. Но кто? Будет ли это тот, кто убил Вернера?

— Не знаю. Может быть, тут действует целая группа, может быть, только три человека, одна или десять визиток... Безразлично. Наша задача — найти убийцу Вернера Киршвальда, который избрал нашу страну для преступного сведения счетов.

Щенсный возвращался Краковским предместьем в своей серой ладной куртке и синей кепке, надвинутой на лоб. Как обычно, держал руки в карманах. По мнению коллег, он ходил «как хулиган», а причина такой манеры была прозаической: он часто терял перчатки и очень редко их находил.

Зашел на чашку кофе в бар «Кухчик», машинально наблюдал за входящими и выходящими посетителями, а мыслями был далеко от этого места. Трудно было бы ему сейчас кому-то доказать, что рано или поздно он найдет убийцу Вернера. Однако он был уверен, что найдет.

*

Иоланта не читала объявления в печати. Обычно она, просматривая газеты, останавливалась лишь на том, что ее интересовало больше всего, то есть на статьях о живописи, скульптуре, музыке. О новостях дня

предпочитала узнавать из передач радио или телепрограмм. Чаще все же по радио, так как его можно слушать не глядя. Могла при этом рисовать, а информация сама при этом проникала в уши.

Обращение к водителю, который в такой-то сентябрьский день подвез по пути, по всей вероятности в направлении Варшавы, мужчину, высокого и стройного, в плаще,— на момент заинтересовало ее. Однако она не помнила даты, когда возвращалась в столицу из Krakова. Поэтому тотчас же забыла об этом объявлении. Однако когда его повторили, что-то привлекло ее внимание и обострило память.

— Левша? — удивилась она.— Наверное, это был тот красавчик.

— Ты о ком говоришь? — спросил муж, занятый приготовлением на ужин салата из помидоров. Он готовил его со знанием дела и с удовольствием.

— Э, да ничего, так,— небрежно ответила она.

Вечером, однако, вернулась памятью к тому дню. Только сейчас вспомнила, что незнакомый мужчина вел себя не так, как обычный польский пешеход, пользующийся автостопом. Элегантный, лет сорока, внешне спокойный, однако внимательно наблюдающий по сторонам, как бы опасаясь чего-то. Она издалека увидела, что он выходил из леса. И там — она это хорошо знала — не было никакой проселочной дороги, на которую должны были свернуть его так называемые знакомые с автомобилем.

— Подозрительно,— пробормотала она. Повернулась лицом к мужу, намереваясь рассказать ему эту историю, но тот уже спал. Засыпал мгновенно, как только касался головой подушки. Она посмотрела с обидой, как он ровно и глубоко дышал, слегка посапывая, время от времени даже посвистывая, что ее раздражало, однако не настолько, чтобы его будить.— Ну и спи себе,— промолвила тихо, взбила свою подушку и при-

няла решение, что завтра же пойдет во дворец Мостовских и все расскажет.

Так и сделала. Когда она позвонила из бюро пропусков, трубку снял майор Щенсный. Спустя несколько минут она уже сидела наверху в кабинете у стола, с другой стороны которого на нее с напряженным вниманием смотрел человек с узкими черными глазами.

— Ну и ну! — воскликнула, забывая, где находится и для чего пришла.

Щенсный изумился, но сразу рассмеялся.

— Удивило вас сочетание светлых волос и черных глаз? — спросил весело. — Бывает и такое.

— Чрезвычайно редко. Не согласились бы мне позировать?

Майор разразился смехом. С таким предложением к нему еще ни разу в жизни не обращались.

— Нет. А вы художник или скульптор? Скорее художник, коль вас заинтересовала цветовая гамма. Однако давайте поговорим не обо мне. Что вы можете рассказать в связи с нашим объявлением?

— Значит, так,— начала, подумав.— Возвращалась я тогда из Кракова на своем малом «фиате». На шоссе в районе... ну, вблизи того места, что называлось по радио, из лесу, который там тянется по обеим сторонам дороги, вышел какой-то мужчина и поднял руку, как делают все путешествующие автостопом. Вообще-то я не останавливаюсь, не люблю подвозить, особенно незнакомых мужчин. Но был ясный день, на шоссе большое движение, и я рискнула. Спросил, могу ли довезти его до Варшавы. Ответила, что могу. Сел рядом со мной.

— Прошу по возможности точно описать его.

— Высокий, загорелый. Симпатичный. Прямой нос, красивые очертания головы и шеи, темные глаза. Думаю, что ему чуть более сорока лет.

— Как был одет?

— На нем была какая-то спортивная одежда. Кажется, серого цвета.

— И плащ?

— Нет.

— Не было плаща? — Щенсный нахмурил брови. Но ведь термовизионный снимок... — А чемодана?

— Только небольшая дорожная сумка. Тонкий плащ мог бы в ней поместиться, если вас это интересует.

— Интересует. А вы острый наблюдатель. Какого цвета была сумка?

— Коричневая, с металлической окантовкой. Без сомнения заграничная. Этот человек был левша.

Щенсный на мгновение подумал, что это сказано под воздействием услышанного по радио сообщения.

— Почему вы так думаете?

— Просто обратила на это внимание. Смотрела, как садился в машину, как закуривал сигарету, как выходил. Часы носил на правой руке, не как все мы. Даже спросила его.

— О часах?

— Нет, не левша ли он.

— И что ответил?

— Несчастный случай или что-то в этом духе, правая рука болит, и поэтому временно больше действует левой. Но вышло это у него неубедительно. Ага, еще у него был фотоаппарат.

— Какой марки?

— Не заметила. В коричневом футляре, на ремне через плечо.

— Какое плечо?

Она задумалась:

— Не помню. Когда садился в машину, то положил сумку и аппарат на заднее сиденье.

— О чем вы еще говорили?

— Ну, знаете, так, ни о чем. Спросила, как случилось, что такой мужчина, как он, вдруг оказался один

на шоссе, без машины. Он ведь не походил на парня, путешествующего автостопом.

— И что он ответил?

— Что какие-то знакомые подвезли только до того места, а сами должны были свернуть на боковую дорогу.

— А он вышел из леса?

— Да. И еще могу вам сказать вот что. Может, ошибаюсь, но вообще-то слух у меня хороший. Он говорил чисто по-польски, однако с едва уловимым акцентом. Так говорят люди, которые не являются поляками, а выучили наш язык, владеют им очень хорошо, и с виду нельзя их ни в чем упрекнуть. Но все же я таких распознаю. Так вот, этот тип не был поляком.

— И куда вы его привезли?

— Вышел, если верно помню, где-то в районе площади Конституции.

— И больше вы его не встречали?

— Нет. Вообще забыла о его существовании,— рассмеялась.— Только это сообщение по радио заставило меня задуматься и припомнить.

— Хотел бы вас попросить пройти со мной к нашему эксперту по фотоработам и подробно описать внешность...

— Нет необходимости. Я уже сама все приготовила.

Она вынула из большой цветастой сумки свернутый в рулон лист плотной бумаги «бристол» и протянула его Щенсному. Майор долго вглядывался в лицо человека, нарисованного твердой рукой цветными пастельными красками. Из глубины белого фона на него смотрел бесспорно красивый мужчина с правильными чертами лица и с глазами цвета темного пива. Чтобы подчеркнуть, что он левша, Иоланта четко вырисовала сигарету в левой руке и часы на правой.

— Гениально! — восхлинул Щенсный с нескрываемой радостью.— Надеюсь, вы оставите мне этот эскиз?

— Для того и принесла его сюда. Но прошу, расска-

жите мне, в чем дело. Что случилось с этим незнакомцем? Его убили?

— Скорее наоборот. Есть основания подозревать, что это он кого-то убил. Поэтому его и ищем. Моеей признательности вам нет предела, но прошу вас никому ни слова обо всем этом. Также и для вашего добра. Впрочем, скажу прямо — для вашей безопасности.

Она смотрела на него, слегка наклонив голову, будто прислушивающаяся к голосу собаки. У нее были короткой стрижки светлые волосы, круглое лицо, смешливый носик и живые острые глаза непонятного цвета, не то серые, не то зеленые. «Какая милая! — подумал он. — В другой ситуации с удовольствием бы...»

— Несомненно, вы талантливый художник. Но все же скажите мне честно, сколько в этом портрете правды, а сколько художественной фантазии? Я хорошо выразился?

— По крайней мере вежливо. Я сидела рядом с этим мужчиной около сорока минут. Нужно было часто притормаживать, ждать на перекрестках, при светофорах. В такие моменты присматривалась к нему бесцеремонно, такое лицо интересно для художника. Думаю, что знакомые без труда узнали бы его на этом портрете. Но поскольку у вас появляются, скажем так, сомнения, договоримся, что покажете мне его фотографию после того, как задержите. Хорошо?

— Согласен. А если вы встретите его еще раз, то прошу сделать две вещи. Во-первых, «не узнавать» его, даже если он сам вспомнит вас и захочет завязать разговор.

— А во-вторых?

— Во-вторых, — Щенсный протянул ей небольшую карточку, — прошу как можно скорее позвонить мне по одному из этих телефонов. В любое время дня и ночи.

— Я по ночам сплю. Но в крайнем случае могу сделать для вас исключение.

Усмехнулась, показав прекрасные белые зубы. Уже в дверях оглянулась и еще раз спросила, не надумает ли он ей все-таки позировать.

— Найдутся и поинтереснее лица,— заверил ее, смеясь.

После этого он пошел к шефу, показал ему полученный портрет. Данилович дал указание сделать с него цветные фотографии и, когда они были готовы, с одной отправился снова к полковнику Полевскому. Тот пару минут сам изучал портрет, потом пригласил еще двух коллег. Все вместе заявили, что лицо этого человека им незнакомо.

— Может быть...— Один из них многозначительно посмотрел на Полевского.

— Имеешь в виду «Р-8»?

— Да, он лучше всех их знает и имеет феноменальную память. Только сейчас его нет в Польше.

— Он вернется через неделю,— добавил другой.

— Хорошо, спасибо.

После ухода офицеров Полевский вынул из ящика стола какой-то документ и сказал:

— Стефан, у меня уже накопились кое-какие данные о братьях Киршвальд. Действительно, есть два брата, то есть было два. Эдвин, совладелец фирмы ANB, и погибший Вернер, инженер той же фирмы. Он, впрочем, имел и свой капитал в ее оборотах. Подтверждается, что Вернер был вдовцом, жил одиноко, в Польшу приехал впервые. Эдвину сейчас пятьдесят восемь лет, женат, имеет детей. Проживает во Франкфурте-на-Майне... Нет, подожди. Проживал, пока работал в фирме, поскольку там ее штаб-квартира. Потом переехал в Мюнхен. К сожалению, у нас нет его фотографии, так как он после смерти брата вместе с женой выехал в США к ее родственникам. Наш агент «К-5» будет стараться добыть фотографию только ему известными спо-

собами, но предупредил, что если ему это и удастся, то не скоро.

— Я понимаю. Но, откровенно говоря, именно фотография Эдвина представляет для меня огромный интерес.

— А если выяснится, что под его именем приехал кто-то другой, что будешь делать?

Данилович развел руками:

— Не знаю. Ведь я же не могу вести следствие на территории ФРГ. А твоему сотруднику удалось установить, что именно Эдвин Киршвальд приезжал в Польшу тогда, в сентябре? Понимаешь, что я имею в виду? Паспорт может быть так ловко подделан, что наше консульство без заминки выдаст такому гостю визу. Они ведь всех граждан ФРГ знать не обязаны.

— «К-5» этого проверить не мог. Формально все в порядке. Тело Вернера было привезено во Франкфурт, состоялись похороны, на них присутствовали, совершенно точно известно, члены семьи и представители фирмы. К сожалению, мой сотрудник там получил указание заинтересоваться Киршвальдами спустя неделю после похорон. А к тому моменту Эдвин уже выехал в США. Если бы речь шла о кинозвезде, певце или министре, не было бы проблемы получить фотографию! Дали бы тебе целую пачку. Но Киршвальды обычновенные люди от строительства, таких не фотографируют для печати... Подожди-ка, может быть, в местных газетах были какие-нибудь фотографии с похорон. Мигнитку, что он об этом пишет,— вынул письмо, присланное по служебным каналам, пробежал по нему глазами.— Да, «К-5» просмотрел газеты за те дни. Действительно, была статья об убийстве Вернера в Польше. Журналист полагает, что целью преступления был грабеж, естественно, вкрапил и политические намеки и едкости по нашему адресу... Поместил также и фотографию похорон, но Эдвин на ней стоит спиной, впрочем,

и снимок сделан издалека, возможно, семья не хотела ни интервью, ни фотографий в связи с похоронами. Ничего не поделаешь, дорогой Стефан, придется тебе подождать. Когда дело из разряда дурно пахнущих, не стоит искать снимков в редакциях газет и в фотоателье. Надежда на нашего сотрудника, который должен вернуться из Штатов.

Данилович вернулся к себе, но был уже вечер, и он решил поехать домой. Жена сидела перед телевизором, ожидала начала программы новостей дня.

— Что у нас на ужин? — спросил он; был голодный и злой, не успел днем пообедать.

— Сейчас приготовлю, — ответила спокойно. Она почувствовала, что день ему выдался трудный, принесла тарелку супа, порезала колбасу, пожарила яичницу, заварила свежий чай. После еды настроение у него поднялось. Он поцеловал жену и буркнул:

— Повезло мне, что женился именно тогда и на той, что надо. Вчера в столовой известного тебе министерства был кошмарный суп и такая же кошмарная котлета.

— А почему ешь бог знает где? — накинулась на него. — Дома тебя всегда ждет обед.

*

Майор Щенсный приглушил телевизор и пошлепал своими старыми, безмерно удобными тапочками к телефону. Поглядывая на экран — показывали интересный фильм, — снял трубку:

— Слушаю.

— Щенсный? — Узнал голос Анджея Ланецкого, эксперта лаборатории криминалистики.

— Он самый. Не можешь после фильма?

— Могу, я его не смотрю. Впрочем, лучше загляни ко мне с утра. Увидишь кое-что интересное.

— По какому делу?

— Это не телефонный разговор. Привет.

Вернулся к телевизору и вспомнил, что Анджей работает в отделе исследования документов, быстро прокрутил в памяти дела, которыми последнее время занимался, но не припомнил в них ни одного документа, переданного им в лабораторию.

Поживем — увидим. Рассеянно смотрел, как на экране темнокожие полицейские из многосерийного фильма «Участок на Хилл-стрит» устраивали облаву на взломщиков и как-то не очень удачно у них это получалось. Из профессиональной солидарности должен был бы им сочувствовать, но уж так много было там шуму-гаму, что трудно было даже определить, кто из них преступник, а кто полицейский, да и выглядели они похоже. Досмотрел все-таки до конца и пошел спать.

Ранним утром он входил в серое здание на Уяздовской аллее, все еще размышляя, что ему могут показать и действительно ли нельзя было об этом рассказать по телефону. Разыскал Анджея в одном из кабинетов, расположенных по обе стороны коридора. Он был здесь время от времени. Последний раз в сентябре — в связи с убийством немца. Сейчас уже шел конец октября.

Щенсный знал всех присутствующих экспертов. Как всегда, они были в белых халатах и выглядели как доктора медицинских наук, пришедшие на важный консилиум. Разница была только в том, что вместо кровати с пациентом здесь стояли солидный зеленый сейф и разные приборы. Одной миловидной девушкой Щенсный даже немного увлекался в свое время. Но, впрочем, его увлечения никогда долго не длились. И сейчас они поздоровались как двое добрых старых знакомых.

— Садись. — Анджей пригласил его к своему столу, который стоял у окна с левой стороны. — Выкрои-

лось у меня вчера несколько более свободных, чем обычно, часов, и занялся я еще раз той таинственной визитной карточкой с мышиным текстом. Помнишь, той, связанной с убийством Вернера Киршвальда?

Глаза Щенсного загорелись, как два огонька.

— Ну-ну? — поторопил он. — Нашел что-нибудь новенькое?

— Да, нашел. Значит, так. Исследуя визитку кварцевой лампой, заметил в правом нижнем углу маленькую римскую цифру шесть. Невидимая невооруженному глазу, она проявилась под воздействием ультрафиолетовых лучей. Затем установил, что цифра нанесена на бумагу флюотексом. Как сам, наверное, знаешь, это растворяющийся химический состав.

— Знаю, знаю,— поддакнул Щенсный, хотя это и не совсем соответствовало правде. Но ведь не мог он признаться в неведении, особенно в присутствии симпатичной знакомой.

— Далее. Текст о летучих мышах напечатан на машинке «Оливетти» дорожного формата, такая умещается в папке и имеет микрошрифт. Подобные машинки часто используют агенты разных разведок. Машина, на которой напечатан данный текст, не имеет литер польского языка, исправна, думаю, что практически новая или, в любом случае, в очень хорошем состоянии. Лента черная, волокнистая, ширина десять миллиметров. Теперь бумага. Без всякого сомнения — заграничная, ибо ее волокнистая структура и наполнитель приготовлены по совершенно иной, чем польская, рецептуре. Послушай, что еще удалось обнаружить. В ходе исследования микроскопом, а также на специальном приборе «Произктин» замечены остаточные частицы окрашенных волокон.

— Это важно?

— Очень. Это гарантия от всякого рода подделки.

— Следовательно, можем предположить, что хозяи-

ну этой визитной карточки очень не хотелось, чтобы кто-то без его ведома сделал себе подобную.

— Именно. Но это еще не все. Исследовали мы, теперь уже вместе с коллегами, и металлическую окантовку визитки. Графические и металловедческие исследования показали, что для ее изготовления использован сплав олова, сурьмы и свинца. Все это металлы мягкие, плавятся при температуре около двухсот семидесяти градусов, а значит, податливы любой обработке. Окантовка, то есть сам использованный сплав, не застрахована от подделки, но внутри рамки, невидимая для глаза, необыкновенно тонко выбита также римская цифра шесть.

— Анджея, твое открытие крайне важно! — восхищенно сказал Щенсный. — Думаю, что... — Замолчал, переводя задумчивый взгляд то на лежащую на столе невзрачную визитку, то на лицо капитана. — Эта шестерка должна быть чем-то вроде псевдонима Вернера Киршвальда.

— Скорее шифра, — поправил Анджея. — Еще хочу сказать о бумаге визитки. В инфракрасных лучах в диапазоне волн восемьсот пятьдесят миллимикрон обнаруживаются также своего рода обеспечивающие страховку от подделки знаки, а точнее, голубенькие волокна длиной около двух миллиметров. Так что ты совершенно прав. Кто-то там, за границей, сделал максимум, чтобы затруднить, а может, даже и сделать невозможным подделку оригиналов.

— Говоришь: оригиналов? Во множественном числе?

Ланецкий мельком усмехнулся:

— Не притворяйся. Конечно, во множественном числе. Если тут, — показал на визитку, — выбита цифра шесть, то явно существуют первые пять, а может быть, и семь, и восемь, и так далее. Занятно было бы, например, при задержании убийцы Вернера Киршваль-

да обнаружить у него такой же самый опознавательный знак, только с цифрой два, четыре или даже пять надцать.

Щенсный какое-то мгновение рассматривал спокойное, слегка усталое лицо сидящего рядом с ним человека, после чего спросил вроде бы безразлично:

- Ты бы такую мог изготовить?
- Мог бы.
- Сделаешь?
- Нет.
- Почему?
- Мы не занимаемся подделкой документов.
- Даже в добрых целях?

Ланецкий рассмеялся:

— Даже в самых добрых. Зачем тебе вторая визитка?

Майор вздохнул, сделал совершенно певинное лицо, но Анджей не дал себя перехитрить.

— Хотел бы забраться в эту стаю шакалов? Искренне не советую.

- Разное случается, когда требуется.
- Ничто меня так не злит, как игра в героя! — подала голос симпатичная знакомая. Голос выдавал ее волнение.

Щенсный поднялся, присел на краешек стола и с улыбкой посмотрел ей прямо в глаза.

— Не хочешь, чтобы мне там где-нибудь развалили черепушку, как Вернеру? — спросил шутливым тоном.

— Глупая шутка!

— Не бойся, дорогая, — вмешался Ланецкий. — Я ему другой визитки не сделаю, и вообще его никто с подобной штучкой в мир не отправит. Если, конечно, он не перейдет в контрразведку, в чем я сомневаюсь.

Щенсный еще некоторое время продолжал поддразнивать девушки, потом записал подробно все, что узнал

от Анджея, и, довольный своим пребыванием в лаборатории, поехал в Управление.

Шеф воспринял открытие экспертов несколько скептически. Собственно, и без этого можно было догадаться, что мышиная визитка является важным опознавательным знаком. Цифры, оригинальное страхование от подделки, флюотекс — все это никак не продвигало следствие по делу об убийстве. Полковник, хотя и не признавался в этом, с каждым днем все сильнее опасался, что прав все-таки Полевский. Убийца в Польшу не приедет, и преступление под условным названием «Летучие мыши» останется только в папках архива. Еще год, от силы два в отделениях милиции и на границах постовые будут приглядываться к мужчинам, похожим на того, что нарисовала Иоланта.

«Если, конечно, рисунок отвечает оригиналу, — подумал он с грустью. — А что, если девушка по каким-либо причинам нарисовала совершенно другое лицо. Мы о ней ничего не знаем. Убийца не оставил в машине ни одного оттиска пальца. И понятно. Сегодня, наверное, даже пятилетний ребенок пошел бы на взлом в перчатках, все уже в этом смысле образованы. Правда, в салоне над дверью нашли три волоса. И они не принадлежали Вернеру. Видно, когда убийцу что-то спугнуло и он заспешил, ударился головой, покидая машину. Но и это нам ничего не даст, пока не будем иметь материала для сравнения. А он растет себе спокойно на его голове. Следовательно, нужна голова вместе со всем остальным. Черт бы его побрал!»

Уже дома, засыпая, он снова в мыслях вернулся к вопросу, который поставил капитан Полонский: «А если он вообще из Польши не уезжал? Можем мы его искать, полагаясь только на рисунок, без какой-либо уверенности, что рисунок правдив?»

Глава 3

Первая неделя ноября не принесла улучшения погоды. По-прежнему было облачно, серо и грустно. Анджей шел по Уяздовскому парку, под ногами шелестели опавшие листья, с веток деревьев падали большие тяжелые капли, и время от времени им удавалось попасть ему за воротник. Он присел на скамейку и только тогда заметил, что на соседней скамейке двое пожилых мужчин о чем-то ожесточенно, но тихо спорят.

— А ты знаешь, что такоеabolиция? — Один из них вдруг повысил голос.

— Нет, — парировал другой. — Но если она у тебя есть, то наверняка краденая.

Капитан Ланецкий рассмеялся, чем вызвал подозрительные взгляды обоих мужчин, поэтому встал и двинулся в сторону улицы Пенькной. Небо потемнело, в лицо ветром бросало струи дождя. Он поднял ворот куртки, а в мыслях вернулся к письму, которым в последнее время занимался. Письмо было обнаружено при осмотре трупа женщины в ее небольшой, неимоверно грязной квартире на четвертом этаже старого дома. Написала, что покидает этот мир, поскольку он ей опротивел. Однако Анджей был почти уверен, что письмо кто-то подделал, хотя и очень ловко, не оставив отпечатков пальцев. «Наверняка убийство, — думал он, сворачивая на тротуар. — Она не выпила и глотка чая с мышьяком, убийца должен был его ввести с помощью какого-то шприца. Вскрытие покажет. Уже недолго...»

Дальнейший ход его размышлений был прерван совершенно неожиданным способом. Что-то, а точнее, кто-то врезался в него с полного разбега. Поскольку это была женщина, он потом часто повторял: «Она просто бросилась мне в объятия...» В ту же минуту он

пошатнулся, прижал покрепче то, что само попало ему в руки, и смотрел с удивлением и интересом. Мгновением позже его заинтересованность возросла до десятибалльной отметки по шкале Бофорта.

— Может, вы меня все-таки выпустите? — спросила она с очевидным дружелюбием.

Он пришел в себя, сделал маленький шаг назад, во все не желая этого. Уловив тонкий запах духов, снова приблизился — на несколько сантиметров. И смотрел. Она не возражала и наконец рассмеялась:

— Благодарю за вовремя протянутую руку помощи. Если бы не вы, растянулась бы на тротуаре. Так скользко, просто ужас.

Неожиданно выражение ее лица изменилось. Теперь уже она всматривалась в него с таким напряжением, что ему стало не по себе. Он хотел что-нибудь сказать, спросить, почему так смотрит. Не успел.

— Анджея! — вскрикнула она радостно. — Анджея, это же ты! Не узнаешь?

Он был совершенно уверен, что ее не знает, красивых женщин не забывают. Пробурчал что-то невнятное, она не расслышала, подошла ближе. Их лица почти соприкасались.

— Ты что, действительно не помнишь Дороту? — прошептала с улыбкой на прекрасных полных губах.

Дорота! Конечно же, он знал ее, но...

— Тебе было тогда одиннадцать лет, — промолвил он, стыдясь и волнуясь, — а мне шестнадцать. Ты стала такой красивой, что тебя просто не узнать. Я помню толстощекую школьницу... Пальцы у тебя были всегда испачканы пастой. И носила ты цветастые фартуки. Дорота! — Обнял за плечи, его так и подмывало поцеловать ее, но вдруг она обидится. Впрочем, ей ведь уже не одиннадцать, а... сколько же? Бог мой, двадцать семь. Женщина.

— Так и будем стоять под дождем? — спросила она, откидывая со лба намокший локон рыжеватых волос.

— Ну и дурак же я! У тебя есть время? Пойдем в кафе. — Посмотрел по сторонам, еще не совсем прия в себя. Можно было выбирать из трех вблизи. — В «Амбассадор»?

— Пошли, — согласилась. — Вспомним молодость, Анджеяка.

Внутри, когда уже сдали плащи гардеробщику и Дорота подошла к зеркалу, он смог полностью оценить ее красоту. Стройная, в меру высокая, в элегантном бежевом платье из мягкой шерсти, на шее ожерелье молочно-белых жемчугов, которое подчеркивало красоту густых рыжих волос. Выглядела как красотка с обложки «Плейбой» или «Вог».

— А помнишь? — сказал, подходя к ней. — Девочкой ты мечтала иметь собственный флакон «Шанель». Эти духи казались тебе вершиной красивой жизни. Исполнилась твоя мечта?

Она повернулась к нему, улыбнулась.

— Теперь у меня «Ив Сен-Лоран», — ответила. — Те уже не в моде.

Заняли столик в конце зала, у окна. Официантка, принимая заказ на две чашечки кофе, смерила Дороту взглядом, в котором было искреннее восхищение и капелька зависти. Ланецкий смотрел на свою знакомую из давних детских лет, и с каждым мгновением восхищение его росло. При рыжих волосах кожа ее была чисто белой, без веснушек, брови изгибались узкими дугами, темно-зеленые глаза блестали в оправе черных ресниц, у нее был необыкновенной красоты нос. Анджея отдавал себе отчет о присутствии на ее лице лучших косметических средств, но ему это как-то не мешало. Как и всякий на его месте, он был горд, что с ним сидит такая «классная баба», которая притягивает буд-

то магнитом с момента своего появления в кафе тосклиевые взгляды всех без исключения мужчин в зале.

— Не видел тебя... подожди, сколько же лет прошло? Шестнадцать лет! Немало. Чем занимаешься? Где живешь? А как родители? Насколько помню, у твоего отца была мастерская электроизделий.

— И есть. И еще магазин с такими разными бездешушками. Мать там работает, а я ей помогаю. Люблю это дело,— рассмеялась.— Но мы уже переехали с Сеной. Теперь у нас халупа на Горашевской.

— Халупа? — не понял.— В деревне?

— Ты что? Ну, халупа — значит вилла. Придешь, увидишь.

Он на мгновение серьезно задумался.

— Мастерская, магазин, вилла. Да вы просто классический пример частного предпринимательства,— подметил с оттенком иронии.— Я, пожалуй, не вписываюсь в это великолепие.

Она перегнулась через столик, чмокнула его в лоб, на мгновение он даже потерял контроль над собой. Понимал непреодолимое желание обнять и расцеловать ее на глазах у всех, будь что будет.

— Дорота,— с трудом произнес он,— не делай этого больше. То есть не делай этого здесь,— поправился, улыбнувшись.— Не терплю знаков нежности перед публикой.

— Люблю тебя,— прошептала.— Впрочем, я тебя всегда любила. Даже тогда, когда таскал меня за волосы и ворил: «рыжая».

— Неужели я себя так мерзко вел? Прошу прощения сейчас за то, что было тогда. Мне очень нравятся твои волосы. И вообще, ты прекрасна! — Вдруг помрачнел: — И чересчур элегантна для меня.

— Что ты плетешь? Расскажи лучше что-нибудь о себе. Женился?

— Нет.

— Ясно, что где-то работаешь. Может, во внешней торговле?

— Никогда не имел склонностей к торговле. А ты где-нибудь потом учишься?

Она скривилась немного, отпила глоток кофе.

— Год учишься на юридическом. Потом два года в Академии художеств. Потом... — громко рассмеялась. — Потом уже ничего. А ты?

— На юридическом.

— Здесь, в Варшаве? — удивилась. — Когда? Ведь мы могли бы встретиться.

— Закончил в восемьдесят втором. Не могли мы встретиться.

— И что сейчас делаешь?

— Не вышла замуж? — уклонился от ответа.

— Представь себе, нет. Пару раз была в шаге от этого, но что-то меня всегда удерживало. В прошлом году чуть не стала женой французского кинорежиссера. Провела тогда чудный месяц в Сант-Тропез. — Задумалась, вынула из сумки пачку сигарет, взяла одну, предложила закурить Анджею. Он не знал этой заграничной марки, хотел спросить, откуда они у нее, но что-то удержало его от вопроса.

— Будучи женой режиссера, да с твоей красотой, могла бы сниматься в фильме, — сказал, предлагая ей огонь.

— Может, и могла бы. Жан был очень даже симпатичным, но никогда не имел времени. Впрочем, что там говорить. Так мне удобней, — закончила с неожиданной резкостью.

Он смотрел на ее руки, не перегруженные бижутерией: только деликатное колечко-сапфир между тоненькими золотыми стебельками. И маленькие золотые старомодные часики, антикварные либо хорошо подделанные под старину.

— Дай я запишу твой телефон, — попросил он. — Когда тебя легче застать дома?

— После обеда. Или поздно вечером. Можешь звонить даже в полночь, родителей не разбудишь. На ночь я переключаю телефон на свою спальню. У тебя есть на чем записать?

Вырвал листок из блокнота, подал ей вместе с авторучкой. Она записала номер телефона и адрес, рассмеялась:

— Смотри, я и сейчас запачкала пальцы.

— И носишь цветные фартучки?

— Иногда. Когда готовлю бутерброды для гостей. Анджейка, мне уже пора. Дорогой, я очень рада, что мы встретились! Звони и приходи. Не пугайся частных предпринимателей, не такие уж мы и страшные.

*

Бокалы слегка коснулись друг друга, тонко звеня. Третий произнес:

— Прозит!

Первый не отреагировал. Возможно, его задело такое фамильярное обращение, но он мог и просто-напросто не слышать, что ему говорят. Он сидел в глубоком, обитом черной кожей кресле, вертя пальцами инкрустированную зажигалку, и о чем-то размышлял.

Третий многое бы отдал, чтобы проникнуть в процессы, происходящие в этом круглом, почти лысом черепе, расшифровать его мысли.

Не дождавшись ответа, Третий отпил из своего бокала, делая вид, что восхищается вкусом ликера «Де Кайпер», хотя терпеть не мог сладкого алкоголя. Но Первый не признавал другого, и здесь, в этом кабинете, следовало подражать его вкусам. Третий почувствовал острую тоску и желание выпить обычной водки.

Он сидел немного боком, стараясь не смотреть в сторону шефа, чтобы не встретить взгляда его выцвет-

ших холодных глаз, которые, казалось, прошивали собеседника как два острых кинжала. Третий не припоминал случая, чтобы хоть раз выражение лица Первого смягчилось. Так же, как не видел он никогда и улыбки на этом лице. По правде говоря, Третий боялся шефа, не понимал его и не всегда ему в полной мере удавалось справиться с его приказами, хотя он очень старался. Дерзкий и беспощадный с другими, здесь он, по обыкновению, был тих и смирен. И не только от страха. Он ценил талант Первого, восхищался им, готов был расстелиться перед ним по земле, временами, правда, готовый убежать отсюда хоть на край света, но всегда подавлял такое желание и возвращался, словно послушный пес к ногам своего хозяина. Этот хозяин много требовал, но и платил тоже много.

— Плохая работа,— наконец-то отозвался Первый. Голос он имел приглушенный и никогда его не повышал.

Третий опустил голову. Не было у него весомых оправданий, однако он хоть что-то хотел объяснить, как-то защититься.

— У меня не было выбора,— начал тихо.— В лесу оказались люди, они шли в направлении машины. Мы ведь не знаем, где каждый из нас прячет свой знак. Шестой не выполнил задания, хотел уехать на Сицилию, я давно подозревал, что у него контакты с сицилийской мафией. У меня не было выбора,— повторил.

— Мог это сделать в другом месте.

— И хотел. А он...— замолк, так как Первый рукою подал знак замолчать.

— Надо вернуть знак,— проговорил тихо.

Третий погрустнел. Он знал, что польскую границу уже пересечь не может. Та женщина в малом «Фиате» его очень хорошо видела и наверняка запомнила лицо, цвет волос, рост. Даже то, что он левша. Конечно, он мог бы где-нибудь по дороге убрать и ее, но впутался

бы тогда в худшую историю. Нет, он в Польшу не вернется. А здесь его не найдут. Он говорил обо всем этом осторожно, очень старался, чтобы прозвучало убедительно. Под конец набрался смелости задать вопрос:

— Неужели это для нас так важно?

— Что — это? — Из-под тяжелых век в его сторону стрельнул недобрый взгляд.

— Вернуть знак. Ведь можно изготовить новый с такой же шестеркой и приготовить... — замолчал, заметив, что Первый снова поднял руку.

— Ничего ты не знаешь, Вилли. И не понимаешь.

Удивился. Впервые шеф назвал его по имени. Посмотрел ему в лицо и, как обычно, ничего на нем не прочитал. Первый продолжал:

— То, что я сейчас скажу, должно остаться исключительно в твоем ведении. Иначе... Впрочем, сам знаешь. Итак, слушай. Каждый из вас, хотя об этом и не догадывается, имеет по тринадцати своих дублеров. Таким образом складываются группы из четырнадцати человек. Твои дублеры находятся в Лондоне, Париже, Мадриде, Риме, Бангкоке, Стокгольме, — назвал по очереди все тринадцать городов. — У каждого из них знак с тройкой. Такой же, как у тебя. Друг друга вы не знаете, это необходимое условие в наших делах. Только я вас всех знаю. Только я!

Третий слушал, ошеломленный как необычной информацией, так и знаком доверия. «Только бы не пожалеть потом», — испугался. Он слишком хорошо помнил, что те «летучие мыши», которые много знали, исчезали при невыясненных обстоятельствах. Исчезали навсегда.

— Дублер, — продолжал шеф, — не двойник. Вы не похожи друг на друга. По крайней мере внешне. Этого и не требуется. Дублер — это тот, кто получает сходное с другими задание, но выполняет его исключительно на своей территории. Парижская «тройка» в прин-

ципе не может, не имеет права... — поколебался, следовало бы сказать «бесправия», неуловимо, как всегда, усмехнулся, — то есть не может действовать, скажем, в Риме или Берне. Повторяю: вы не знаете друг друга, не знаете ничего о себе подобных, делаете одно и то же дело, но каждый на своей территории.

Замолчал, отпил глоток ликера. Третий уставился глазами в узорчатый ковер. От страха у него разболелся живот. А может быть, от противного сладкого «Де Кайпера».

— К примеру, твой, назовем его «эквивалент» — в Бангкоке ликвидировал до настоящего времени четырех человек, кому-то неудобных, мешавших кому-то в финансовых сделках большого размера. Он очень хороший дублер. — Первый на минуту задумался. Третий хотел сейчас только одного: чтобы тот уже закончил, чтобы больше ничего не говорил, так как каждая новая, ранее не известная ему информация ложилась на его плечи грузом чудовищной ответственности, которой он вовсе не хотел. К его сожалению, шеф отставил бокал и продолжал вполголоса:

— Может быть, и существует некоторое подобие между нами и теми, кого называют «наемниками». Нас тоже можно нанять для ликвидации. Но разница в том, что это дорого стоит. Очень дорого.

В этот момент Третий подумал, что он, собственно, до сего времени не знает, почему Шестой в Польше не выполнил своего задания, однако спросить боялся. К тому же он все еще не понимал причины, по которой так важно вернуть знак. Первый, словно читая его мысли, объяснил:

— Поскольку вы не знакомы друг с другом, ни один из тринадцати дублеров «шестерки» не будет знать, если в один прекрасный день к нему заявится кто-нибудь с нашим знаком, принадлежит ли он в действительности к «Летучим мышам». Ты отдаешь себе отчет,

какую несет такая ситуация угрозу нашей безопасности? Конечно, я мог бы сразу же дать знать каждому из этих тринадцати о появлении такой опасности. Но тогда я должен был бы одновременно познакомить их всех друг с другом, сообщить фамилии и адреса, чтобы избежать ошибки. Но это невозможно сделать.

— Почему? — Третьему эта невозможность казалась нелогичной, лишенной смысла.

— Ибо это создало бы прецедент, противоречащий нашим основным правилам игры. Послушай, Вилли, весь предшествующий мировой успех деятельности «Летучих мышей» заключается именно в безусловной таинственности, в абсолютной конспирации. Только благодаря этому у нас есть гарантия, что в случае провала одного из дублеров он не выдаст других. Он просто не знает о существовании двойников и о том, что и кто из них делал. И такая таинственность должна соблюдаться. Вы получаете такие огромные деньги, что обыкновенные наемники не могут с вами сравниться. У вас нет родины, нет национальности. Вас связывает только этот знак,— он вытянул руку в сторону занимающей полстены картины: стая черных летучих мышей с распластертыми крыльями на темно-синем фоне ночного неба.— Приказы отдаю только я. Ты знаешь, что происходит в случае отказа от их выполнения, сам принимал участие в этом. Но ты совершил грубую ошибку, не взяв знака. Собственно, я должен был бы...— голос его замолк, а Третий ощущил, как струи холодного пота потекли у него по спине.— Но я ценю твои большие заслуги. Поэтому даю тебе шанс. Ты должен вернуть знак Шестого. Знаю, не можешь туда поехать сам. Посмотри среди помощников, выбери такого, который сделает это, кто или уже находится в Польше, или сможет туда безопасно поехать. Естественно, расскажешь ему ровно столько, сколько необходимо. После выполнения задания ликвидируешь его.

Это необходимость. Всю ответственность за возвращение знака сюда, ко мне, несешь ты. Со всеми вытекающими последствиями. А сейчас можешь идти.

Третий встал, низко поклонился, он знал, что Первый редко подает руку, не ожидал этого и сейчас, и сам руку не стал подавать, отошел, бесшумно ступая по пушистому ковру, и исчез за дверями кабинета.

Первый тяжело поднялся, подошел к окну, слегка отодвинул штору и долго смотрел с одиннадцатого этажа небоскреба на Терезиенштрассе 6, на ярко освещенный, шумящий сотнями машин, старый Мюнхен.

*

Торжественная церемония затянулась. Холодный ноябрьский ветер врывался под плащи, разевал волося и добился того, что большинство собравшихся нетерпеливо притоптывали ногами, исподтишка поглядывали на часы. Венки к памятнику уже были положены, но речи продолжались.

Двое репортеров, ссугулившихся около дерева, наблюдали за очередным выступающим.

— Спорим? — шепнул блондин в кожаной куртке.

— О чём? — удивился лысый в очках.

— Что капля, висящая у него под носом, спадет прежде, чем он кончит говорить. Ставлю на то, что спадет.

— Не спадет. Холодно, и капля превратилась в со сульку. На что спорим?

— На чашку кофе в «Виктории».

— Идет. — Быстро ударили по рукам.

Когда гость закончил свою речь, проиграл блондин. Церемония закончилась, собравшиеся трусцой посеменили к машинам. Площадь опустела.

Ланецкий оказался здесь, собственно, случайно. После дежурства у него был свободный день. Проснулся

ся он поздно, с головной болью, и пошел погулять по парку. Возвращаясь, набрел на собравшихся у памятника, остановился, частично слушал выступавших, частично размышлял о своих делах. Наконец ему надоело стоять в толпе, зашел в ближайшее кафе и заказал чашку кофе. И как все последние недели, на него снова нашло плохое настроение, беспокойство и злость, а может, просто печаль и жалость. Никак не мог с собой справиться. Все его мысли крутились вокруг Дороты. Трудно было ему сосредоточиться на работе, перед глазами то и дело вставало ее красивое лицо, изумительная улыбка, прелестная фигура. После долгих колебаний уговорил себя нанести визит семейству Викторских в их вилле на Горашевской улице. Пришел страшно смущенный, почти несчастный от своей стеснительности, с букетом красных роз, которые украдкой положил на столик в коридоре. Дорота мигом их обнаружила, поднесла к губам и поцеловала каждый из семи цветков.

Ее отец оказался совсем даже симпатичным — с седеющей головой и порядочным животиком, выпирающим из-под серого свитера. Он приветствовал Анджея так, будто они были знакомы много лет, сразу же предложил чего-нибудь выпить, что они и сделали, и поболтали о том о сем. Потом в комнату, где они сидели, вошла мать Дороты, и оказалось, что она прекрасно помнит того школьника, который жил по соседству через два дома и приходил к ним забрать Дороту в кино или на каток.

— А родители живы? — спросила она, усаживаясь в кресло. Ее лицо, увядшее, чересчур сильно накрашенное, так отличалось от лица той молодой женщины, какой запомнилась ему, что он с грустью подумал об уходящем времени. Ответил, что родители умерли. Она выразила сочувствие и сразу спросила, будет он пить чай или кофе с пирожными.

— Когда-то едал у вас прекрасный творожный пирог,— вспомнил он, улыбаясь.— По-моему, вы сами его пекли.

Она тоже улыбнулась в ответ, поддакнула. Дорота внесла поднос с чайным сервисом. Творожного пирога на нем не было, но были пирожные из кондитерской «Бликли».

— Сама уже не пеку,— сказала пани Викторская,— а Дорота не любит печь, вообще редко заглядывает в кухню.

— Мама, а зачем мне заглядывать, ведь у нас прекрасная кухарка.— Она легко повела плечами.— Анджеяка, что тебе налить?

Сидел тогда у них, в свой первый приход после шестнадцатилетнего перерыва, неприлично долго. Дорота все никак не хотела его отпускать. В конце концов предложила отвезти на своей машине. Пан Викторский небрежно добавил, что он ездит на «форде-мустанге», а дочери недавно купил голубую «ауди». Ланецкий вежливо, но твердо отказался. При этом в его голосе появилось что-то такое, что Дорота внимательно взглянула на него и перестала настаивать.

Ни ей, ни ее родителям он не сказал, где работает. Обдумывал, как ответить на этот вопрос, задолго перед приходом к ним, и кое-как ему удалось выпутаться. Когда зашла об этом речь, сказал, что работает юрисконсультом на полставки в двух кооперативах, названия их не имеют значения, такие они невидные. Не оставил им ни адреса, ни номера телефона, сочинив, что аппарат сломан, а квартиру обменивает на лучшую. Викторский сразу предложил свою помощь и в том, и в другом, но, когда капитан вежливо отказался, не стал настаивать.

Дорота попрощалась с ним холодно, с обидой. Когда он садился в автобус на аллее Собеского, принял решение больше не появляться на этой вилле. Даже по-

думал, что достаточно было бы им открыто признаться, что служит в милиции, и двери виллы перед ним закрылись бы навсегда. «Их общество не для меня,—убеждал себя потом уже дома.—Надо с этим кончать. Лучше сразу».

Легко было решать, труднее выполнить решение. Будто сама судьба взялась за него круто, ибо уже на следующий день он повстречал Дороту на площади Трех Крестов и не успел вымолвить и пары слов, как они оказались вместе с ней в кафе. Спустя час она уже записывала его телефон и адрес. Не сообщил он только место работы.

И вот сейчас, сидя с чашкой кофе в руках, он размышлял, как долго ему удастся держать в тайне свою профессию. Дорота была явно обижена, очевидно догадываясь, что он не сказал ей правды. Наверное, вел он себя неумело, поскольку не привык ни от кого скрывать своей службы в милиции и своего офицерского звания. Единственной причиной, по которой он до сих пор не сказал Дороте, что является капитаном милиции, была боязнь потерять ее, боязнь, что девушка перестанет с ним встречаться.

Перед тем как ей прийти к нему в дом, он тщательно поубирал все, что свидетельствовало о его службе. Снял со стены вымпел, посвященный сорокалетию Гражданской милиции и Службы безопасности, заихал на самую верхнюю книжную полку «Проблемы криминалистики» и другие книги из этой области, даже запер на ключ письменный стол, мысленно называя себя ослом, кретином и им подобным. Но зато в вазе стояли цветы, было самое лучшее вино, какое ему удалось купить, кассеты с новыми записями, а главное, было много-много ласковых слов, горячих поцелуев, которыми они, конечно, не ограничились.

«Свинья я, да и только,—думал он, допивая кофе.—Она мне верит, а я ее примитивно обманываю. Дальше

так продолжаться не может. Если я ей действительно дорог, она не уйдет. Ну, а если так случится, значит, не мне она предназначена. Переживу, что поделаешь». Но он уже не мог представить своей жизни без Дороты. И тут он неожиданно пришел к решению, что еще сегодня, не откладывая, скажет ей правду, и пусть раз и навсегда все прояснится в ту или иную сторону.

Сорвался со стула так стремительно, что испуганная официантка поспешила подбежала получить по счету. Вернувшись домой, сразу же набрал номер Дороты и с бьющимся сердцем ждал, пока кто-то ответит.

Дорота оказалась дома и сама сняла трубку.

— Дорогая, мне нужно с тобой встретиться,— сказал решительным тоном.— Сейчас же. Это очень важно. Можешь тотчас приехать?

На той стороне, правда, наступило молчание, прежде чем ответила, что может. Будет у него приблизительно через час. Был ей благодарен, что не спросила, в чем дело. Не смог бы всего объяснить по телефону. В этот раз он уже не успел купить цветы, но вымпел вернулся на место, так же как книги и журналы. Только письменный стол остался закрытым на ключ. Подумал, что даже если бы имел жену, то не посвящал бы ее в служебные дела.

Раздался звонок в дверь. Побежал открывать, не глядя ей в глаза, помогал снять пушистую шубку, старательно и долго возился с вешалкой, все хотел подольше оттянуть тот момент, когда придется начать говорить. Удивленная и как бы напуганная его серьезностью, Дорота остановилась на пороге комнаты. Он был уверен, что она увидела вымпел, но не произнесла ни слова. Пододвинув ей кресло, сам сел напротив, хотя обычно они садились рядом на диван.

— Анджеяка, что случилось? — наконец спросила она, вынимая из сумочки сигареты.— У тебя такое странное выражение лица, будто... Лучше сам все рас-

скажи. Надеюсь,— поколебалась, продолжать ли,— надеюсь, не хочешь, чтобы мы порвали друг с другом.

Вместо ответа он склонился и долго целовал ее руки, но когда она приблизила губы к его лицу, отпрянул. «Сначала пусть узнает,— решил,— а потом будет видно». Глубоко вздохнул и произнес:

— Послушай меня, дорогая, внимательно. Я пришел к выводу, что поступил по отношению к тебе нехорошо. Не сказал правды о себе.

Дорота посерезнела, нахмурила брови. Ее лицо приобрело чуждое ей выражение.

— Ты женат, да? — сухо спросила.— А то, что было между нами, только так? Развлечение? Мужское приключение?

— Ошибаешься. Я вовсе не женат и... сама прекрасно знаешь, что я тебя люблю. Никогда и никого до сих пор я так сильно не любил в своей жизни.

Она продолжала сосредоточенно смотреть на него без тени улыбки на лице:

— Тогда в чем дело? Ты что, убил кого-нибудь, ограбил банк или подделал чек? А может быть, ты наркоман или законченный алкоголик? Что?

Он засмеялся, но смех его был невеселым:

— Одни пороки, а хорошего во мне разве не заметила?

— Скажешь ты, наконец? — крикнула.— Что с тобой произошло? Только говори правду.

— Хорошо, скажу. Никаким юрисконсультом в никаком кооперативе я не работаю. Я офицер милиции, служу в отделе криминалистики. Вот, собственно, и все, что хотел тебе сказать.

Наступила тишина. Дорота смотрела на него с полуоткрытым ртом; выглядела так, будто ее только что разбудили, и со сна она еще не понимает, что вокруг происходит. Мгновение спустя она разразилась водопа-

дом громкого смеха, смеялась так, что лицо ее раскраснелось.

— Что тебя так рассмешило? — спросил он раздраженно.

— Ты, Анджеяка! Знал бы ты, как забавно сейчас выглядишь со страшно серьезными глазами и огромной складкой на лбу! Любимый, я ведь не вчера родилась. Живу в Польше, знаю, что такое милиция, и совершенно не понимаю только одного: почему ты это скрывал? С удовольствием читаю детективы, захватывают меня всякие фильмы, вроде «Кобр», по телевидению и очень рада даже, что один из наших отечественных Шерлоков Холмсов заинтересовался моей скромной особой. Тем более такой интересный мужчина.

Позднее, когда они уже лежали рядом на диване, объяснял ей:

— Боялся я, что ты... а еще больше, что твои родители не позволят нам встречаться.

— Милый мой, мне двадцать семь лет, не скрываю своего возраста, ведь знаешь меня с детства. Я сама за себя решаю, только я, не мама, не отец. Впрочем, — на мгновение задумалась, — ты не обязан им этого говорить.

— Вот видишь! — огорчился, хотел еще что-то добавить, но она не позволила.

— Ничего не вижу. Говорю так, потому что отец сразу бы попросил тебя похлопотать за него, как только его оштрафуют, а делают это часто, он ужасно водит машину. А мама, — махнула рукой, — я ее очень люблю, но мама ничего не смыслит в политике и во всех таких делах, — закончила невнятно. — Ее ничто другое не волнует, лишь бы торговля в магазине шла хорошо да в доме все было удобно. Так что, Анджеяка, — обняла, прижалась к нему, — мог бы и не снимать этого вымпела со стены, когда пришла первый раз.

«Р-8» вышел из самолета усталый и сонный. Вся минувшая неделя, которую он провел в разных городах Федеративной Республики Германии, представлялась ему единой цепью долгих, изматывающих нервы бесед и разговоров. Каждые сутки той безжалостной недели представлялись слишком короткими, каждая встреча тянулась бесконечно, спал он по два-три часа, просыпался в полубессознательном состоянии, ощущая пустоту в голове. Кофе уже не помогал, пришлось прибегнуть к таблеткам, они на время проясняли сознание, но с каждым разом на все меньший отрезок, организм начинал к ним привыкать.

Тем не менее «Р-8» был доволен поездкой. Задание, ради которого его, офицера контрразведки Министерства внутренних дел, послали за границу, хотя обычным местом операций его службы была родная страна, было выполнено, естественно, не без существенной помощи коллег из разведки. И сейчас он ощущал удовлетворение от хорошо сделанного очень трудного дела. «Должен теперь отдохнуть», — думал он, садясь в такси. Этого таксиста он уже раньше встречал, знал, что позовет его за польские золотые, а не потребует долларов.

Гражина имела выходной день, была дома и что-то готовила в кухне. Поцеловал ее крепче обычного, не виделись ведь семь дней, очень много для них. Когда сели ужинать, сказал:

— Иногда думаю о тебе, как о Джени. Вспоминаешь Голевице?

— Еще бы, Стах! Прошел всего год, — отозвалась, нарезая колбасу. — Ну, может быть, чуть больше года. You remember *, Кен?

Оба рассмеялись. Над тем заданием работали

* Помнишь (англ.).

вместе и вместе его успешно завершили, хотя жена выехала в Варшаву чуть раньше.

— А ты знаешь, капитан Скерко получил звание майора и женился. Когда встретила его, процитировал мне Штаудингера*: «Со временем Адама женщины боком выходят мужчине», но тут же добавил, что к нему самому это не относится, женился как надо.

Вечером Гражина включила магнитофон, погасила верхний свет. Полулежа, прикрыв глаза, «Р-8» отдыхал, окутанный глубокими, проникающими в каждую клетку звуками музыки Вангелиса. Это были лучшие часы его частной жизни в собственном доме, никто извне не имел сюда входа, тут он был самим собой — без воплощения в образ другого человека, без трудной и сложной игры офицера контрразведки. Нечасто выдавались ему часы такого отдыха.

На следующий день, когда он вошел в кабинет полковника Полевского, оказалось, что товарищи не только рады его видеть, но ждут по важному делу.

— Присаживайся, Стах. — Полевский открыл ящик стола, что-то в нем выискивая, и, найдя, протянул ему большую цветную фотографию какого-то рисунка: — Взгляни, не знакомо ли тебе это лицо?

«Р-8» взял в руки фотографию и увидел цветной портрет приятной внешности темноволосого мужчины с правильными чертами лица, несколько выпирающим, чисто выбритым подбородком. Мужчина был левшой, таким, по крайней мере, представлял его рисунок.

— Нет, — ответил. — Чей это портрет?

— Ха, если бы мы знали. — В нескольких словах Полевский рассказал капитану, что за человек может быть изображен на фотографии, отметив при этом, что нет ни малейшей уверенности, что рисунок является действительно портретом, а не плодом фантазии одной

* Ян Штадингер — польский поэт, сатирик (1904—1970).

симпатичной художницы. Затем полковник еще покопался в ящике стола и вынул несколько новых фотографий. Разложив на столе, поделил на две части. Капитан внимательно рассматривал выложенное, наконец коснулся пальцем фотографии по правой стороне и сказал:

— Череп разбит. Должно быть, стреляли с очень близкого расстояния. Трудно что-либо разглядеть, лицо целиком деформировано.

— Да, получил две пули девятого калибра в автомашине. Убийца сидел рядом с водителем. Потерпевший — некий Вернер Киршвальд из ФРГ. Приехал в Польшу как турист. Тот второй, — показал на фотографии, — его брат, который приезжал увезти тело, Эдвин Киршвальд. Кстати сказать, у нас есть сомнения в их родстве. А теперь, Стах, послушай, что скажу. — Положил рядом фотографии обоих Киршвальдов и портрет неизвестного.

— Этих трех человек связывает какая-то странная тайна. Волновала бы она нас, как прошлогодний снег, если бы убийство не произошло на территории Польши. Следствие по делу в нормальном порядке ведет столичное Управление внутренних дел, хотя нормальным порядок назвать трудно, поскольку я почти уверен, что убийца никогда уже больше здесь не появится.

— Есть какие-либо данные, что это был иностранец?

— Откровенно говоря, немного. Именно поэтому Щенсный, Данилович, еще пара человек и ведут это дело. Тянется это у них как резина, чему, в общем-то, я не удивляюсь. Но ты понимаешь, как заграница, да еще учитывая, что речь идет о Федеративной Республике...

— Понимаю, — прервал «Р-8». — Наше самолюбие и так далее. Более того, согласен с таким подходом. Од-

нако ты не сказал мне, что за странная тайна их связывает.

Полевский молчал, уставившись куда-то в угол кабинета. Голубые спокойные глаза капитана следили за этим взглядом, как бы стремясь угадать мысли полковника.

— Хочешь, чтобы я подключился и помог им? — спросил. — Но тогда должен знать чуть больше.

— Естественно. Посмотри тогда еще на это.

«Р-8», все больше удивляясь, рассматривал фотографии маленькой визитной карточки, затем по очереди фотографии металлической окантовки, микроскопического текста о летучих мышах, римской шестерки. Одновременно слушал объяснения Полевского.

— Прежде чем делать какие-то предположения, — сказал капитан, — позволь еще спросить, не припомнил ли кто-нибудь из наших коллег-пограничников или таможенников лица с этого рисунка?

— Нет. Однако следует, во-первых, учитывать, что преступление совершено в конце туристического сезона, когда они просто валятся с ног, измотанные нашествием иностранцев и наших соотечественников, сидящих в ту и другую сторону. Во-вторых, как я уже говорил, нет никакой гарантии, что портрет правдив. До сих пор эта художница, которая подвозила предполагаемого убийцу до Варшавы, является единственным свидетелем по делу. В подлинность ее показаний мы можем только верить или не верить. Никаких доказательств нет. Коллеги из столичного Управления опросили гостиничных администраторов, горничных, таксистов, официантов — всех, кто мог бы иметь хоть какой-нибудь контакт с человеком на портрете. Никто его не опознал. Можно подумать, что он в Польшу припорхнул, как птичка, и так же выпорхнул. Конечно, остаются еще частные контакты, частные квартиры, дома

дипломатов, законспирированные «малины» и черт его знает что еще.

— Почему сомневаешься в родстве этих Киршвальдов, если принять, что оба носят одну фамилию?

Полевский сделал неопределенный жест рукой, запустил пальцы в густую седую шевелюру.

— Я уже говорил тебе о двух фактах, которые возбудили у нас подозрение: уверенность в смерти Вернера, как только Эдвин встретился в аэропорту с офицером из Управления милиции, и его слова о металлической окантовке. Понимаю, что все это можно объяснить, хотя... Не знаю. Короче говоря, постарайся разобраться с этим, когда будешь в ФРГ. Может, наши из разведки что-то знают. Не столько о Киршвальдах, сколько о «Летучих мышах».

— Бэтс! — неожиданно воскликнул «Р-8», глаза у него засияли.— Подожди, вот может быть что! Понимаешь, Тадек? «Бэтс» — ну это же по-английски «летучие мыши». Не в ФРГ, а в Лондоне на некоем приеме для избранных, куда меня пригласил глубоко законспирированный... не важно кто, в одном разговоре я подслушал несколько интересных фраз. Подожди, должен припомнить. Было это два года тому назад.— Закрыл глаза, пробуя вызвать в памяти тот вечер.— Значит, так. Сидели мы с тем знакомым немного сбоку, в такой полукруглой нише, расположенной на некотором возвышении, остальные столики стояли чуть ниже. Собралось более десяти человек, небольшая вышивка, никаких официантов, вообще никакой obsługi, все делали сами хозяева, кажется, их было трое... скорее всего, братья, очень походили друг на друга. В метре от нашей ниши внизу за столиком сидели несколько мужчин, впрочем, на приеме были только мужчины. Мой знакомый потягивал виски и молчал. Сейчас мне кажется, что делал он это специально, хотел, чтобы я услышал, о чем говорят те, внизу. И точно, в какой-то

момент один из них сказал чуть громче, не громко, но я расслышал, примерно следующее: «Можем это устроить только с помощью летучих мышей». На что другой голос: «Конечно, но это очень дорогое удовольствие, они берут кучу денег». А тот первый ответил: «Другого выхода не вижу».

— Больше ничего не расслышал?

— Нет. Мой знакомый посмотрел на меня пристально, будто хотел, чтобы я запомнил эти фразы. Не мог его ни о чем расспрашивать. Понимаешь, между нами так сложилось, что время от времени он меня куда-нибудь приглашал, таким образом молча информировал, но ни за что не хотел на эти темы разговаривать. Знаю, что иначе он не мог поступать. В случае чего — он был чист. В таких местах, куда мы ходили, установлены микромикрофоны, потайные «клопы», фотокамеры и самые разные другие чудеса электроники. Там и слова не вымолвишь, чтобы его не уловили эти невидимки, даже каждый жест фиксируется. Настоящая дьявольская ловушка для непосвященных.

— Он кто, англичанин?

— Нет. Из третьего мира. Умнейший человек, с железными нервами и, что самое главное, доброжелательно ко мне относится. Хорошо, Тадеуш. Поеду в ФРГ, а может, и в Лондон. Попробую собрать все, что удастся, о «бэtsах».

Глава 4

«Малюх» уперся четырьмя колесами и жалобно запыхтел. Щенский любил свою машину кроме всего прочего и за то, что если уж ломалась — всегда недалеко от ремонтной мастерской или заправочной станции, во всяком случае не в лесу. Так было и сейчас.

«Ремонт любых машин», — прочитал он вывеску над входом в двухэтажное здание на окраине большой деревни, которая называлась Заленжная.

Вышел из машины, толкнул дверь под вывеской. Дверь легко отворилась, весело зазвенел колокольчик, как в старых магазинчиках. Старым оказался и мастер, седобородый, но на удивление бодрый. Вытер замасленные руки, осмотрел профессионально его «фиат» и сказал:

— Сделаем. Приходите через два часа.

— А раньше нельзя?

— Можно, только я не люблю, когда стоят у меня над душой во время работы. Такой уж у меня характер.

Майор вынул пачку «Клубове», угостил мастера, сам закурил и после этого спросил:

— Может быть, вы знаете Игнаци Волчака? Кажется, он живет где-то здесь.

— Есть такой. Пойдете все время прямо, как стрела, пока не окажетесь на кладбище.

— Пока еще не хотел бы, — заметил Щенсный.

— Да вы не бойтесь. Надо пересечь кладбище около костела, затем свернуть влево, там увидите дом с огородом. В нем и живет Волчак.

Он шел «как стрела» и всю дорогу думал о странном письме, которое пришло несколько дней тому назад в варшавскую милицию из далекой деревни Заленжная. Автор кривым корявым почерком сообщал, что имеет сведения по делу Вернера Киршвальда, сам приехать в Варшаву не может. Больше ничего в письме не было.

Пресса дала маленькое сообщение об убийстве Киршвальда. Видимо, этим путем и до деревни дошла весть, что милиция ищет убийцу.

Миновав кладбище и костел, он увидел дом с огородом, оказавшийся двухэтажной виллой. Внешне дом выглядел старым и неухоженным. Его встретила лаем пятнистая собака, рвущаяся с длинной цепочки. Майор

обогнула ее по дуге и постучала в дверь. Открыла женщина, в платке, с опухшой щекой.

— Пан Волчак дома? — спросил и, заметив, что она смотрит на него неуверенно, громче повторил свой вопрос.

— Пошел в трактир, — ответила со стоном, схватившись за щеку и добавила, хотя это его вовсе не интересовало: — Зубы у меня болят, всю поченьку не спала. Вернется через полчаса.

— Надо пойти к зубному, — посоветовал. Посмотрел на часы: было около одиннадцати. — Вернусь в половине двенадцатого, — крикнул ей прямо в ухо, — пусть пан Волчак меня подождет.

— Хорошо, — согласилась, — а зубного у нас нет, умер на прошлой неделе.

Майор повернулся в сторону кладбища. Его заинтересовал построенный из почерневшей лиственницы костел с крутой высокой крышей. «Не меньше ста лет», — подумал, обходя его дорожкой, усыпанной сухими листьями. Неожиданно наткнулся на мужчину, который свернулся с улицы и остановился при его виде.

— Нравится? — скорее подтвердил, чем спросил незнакомец приятным баритоном. На вид он мог быть певцом или местным органистом.

— Да, ценный памятник, — ответил Щенсный, — хорошо, что уцелел в войну.

— Уцелел, — вторил незнакомец, — да люди не уцелили.

— Люди? Из этой деревни?

Незнакомый присел на скамейку, рукой пригласил офицера сесть рядом. Закурили. Потом мужчина спросил:

— Вы не знаете легенду о колоколе? Нашу, местную легенду?

— Нет.

— Тогда послушайте. Дело было осенью третьего

года гитлеровской оккупации. Как-то почью в нашей деревне гестаповцы забрали девять молодых ребят и повезли их на допрос в центр повята. Среди этих девяти оказался шестнадцатилетний сын железнодорожника Ян. Местного священника вместе с викарием гитлеровцы арестовали и вывезли в Освенцим раньше. Вскоре после этого сняли прекрасный старый медный колокол, который, подобно другим, должен был пойти в переплавку на орудия. Так и молчала опустевшая колокольня, умерших хоронили в печали и тишине.

Однажды утром, примерно в середине октября, а день был теплый, как летом, мы услышали нарастающий гул моторов. Этот звук уже издавна вызывал только страх. Все поу碌ывались в домах, закрыли окна и двери, поглядывая осторожно, через щели, что творится вокруг. На площадь посередине деревни въехали три автомашины. Это было там,— незнакомец повел рукой и продолжал: — грузовик и две легковушки. Из них выскочили немецкие солдаты, один в гражданском и те в черных мундирах. Потом из грузовика вытолкали и бросили наземь тех девятерых, что недавно арестовали в деревне. Все избиты, в крови, они едва держались на ногах, руки у них были связаны.

Гитлеровцы поставили узников на площади в ряд. Напротив тоже в ряд встали солдаты в полевых мундирах, было их вдвое больше. Скинули они с плеч автоматы. Шестнадцатилетний Ян стоял прямо, с поднятой головой. Ни один из этих молодых ребят не просил о пощаде, не плакал. Железнодорожник все это видел. Он тоже не заплакал. «Прощай, сынок,— прошептал,— прощайте, хлопцы. Провожу вас как подобает». Он не заметно бросился через кусты, густо облепившие тропинку к костелу.

Обитатели деревни с ужасом взирали на происходящее. Солдаты взвели затворы на автоматах. Но не успела прозвучать команда, как с пустой колокольни раз-

дался глубокий медный звон колокола. Он гудел все громче, его звук заливал деревню и близкие поля. Немец с черепом на каске оторопел, все колокола из окрестностей давно были увезены в Рейх. Однако взмахнув рукой, отдал приказ. Прогремел залп. Девять хлопцев рухнули на землю. Охваченные ужасом, изумленные сельчане приоткрывали окна, ибо колокол все гудел грозно и торжественно, на тревогу и на смерть.

Гитлеровцы с несколькими солдатами поспешили к костелу. Как только первый из них переступил порог, наступила мертвая тишина. Гитлеровец открыл двери, ведущие к колокольне, посмотрел наверх. На самом верху, вцепившись обеими руками в веревку, которая осталась от снятого колокола, висел человек. Его тело в изорванном окровавленном свитере и выцветших от времени штанах все еще покачивалось в такт медным звукам колокола. Прозвучал выстрел, и оно бессильно рухнуло вниз.

— Такова наша легенда, — закончил незнакомец, посмотрел на колокольню и добавил: — А может, и правда.

Ушел так внезапно, что Щенсный, под впечатлением услышанного, не успел ни о чем ни спросить, ни поблагодарить. Еще какое-то время сидел, мысленно возвращаясь к действительности. Наконец встал, посмотрел на часы. Половина двенадцатого. Пора идти к Игнацию Волчаку.

На этот раз двери отворил маленького роста мужчина, почти карлик, с иссущенным, словно старый пергамент, лицом и глазами цвета темного ореха. Только эти глаза и жили, сверкали мелкими огоньками, тогда как вся его фигура производила впечатление обветшавшего манекена, делающего неловкие шаги, как заводная кукла. Пальцы на его руках были странно изогнуты и почти не сгибались, очевидно от ревматизма. Он взглянул на Щенсного и впустил его в дом. Вошли

в большую захламленную комнату, пахнуло затхлостью, табаком и чем-то еще, чего в первую минуту он не мог распознать. Потом догадался, что это запах сушеных трав, которые были густо развешаны пучками вдоль всех стен.

— Вы меня искали. Волчак,— представился карлик. Голос у него был высокий, скрипучий. Пригласил рукой сесть в кресло, согнав с него кота.

— Майор Щенсный из варшавской милиции. Мы получили ваше письмо относительно Вернера Киршвальда.

Щенсный показал свое служебное удостоверение. Волчак внимательно изучил его, и нечто вроде облегчения отразилось у него на лице. Усевшись, какое-то время собираясь с мыслями и наконец произнес:

— Он был здесь.

— Киршвальд?

— Да. Немного говорил по-польски. Приехал на машине. Я в них не разбираюсь, но машина была хорошая, серебристого цвета.

— Когда он тут появился?

— Сейчас, дайте припомнить.— Потер лоб, сморщил брови, неожиданно сорвался с места, подбежал к письменному столу, стоящему в углу комнаты. Склонился над какой-то книжкой или календарем, зашелестел страницами.— Четвертого сентября. Записал, всегда записываю, если случится важное событие.

— А это было событием?

— А вы думаете, у нас как в Варшаве? У нас, майор, неделами, даже годами ничего не происходит. По крайней мере я так считаю.

— К кому приезжал Киршвальд?

— Думал, ко мне. Потом только оказалось, что нет. Сейчас все объясню. Так вот, этот немец приехал где-то около полудня, остановил машину перед домом, вышел из нее и начал осматриваться. Как раз я в то вре-

мя копался в огороде, услышал, как залаяла собака, она чужих не любит, подошел к калитке и спрашивал немца, кого ищет. Спрашивал по-польски, ихнего языка не знаю. Но, видно, он понял, вначале взглянул на меня как-то странно, казалось, будто сравнивает меня с фотографией, но тут я могу и ошибаться. Потом сказал на польском, только плохом, что ищет Рудольфа Шнайдера. «Здесь такой не живет», — говорю. А он: «А где живет?» На это я ответил, что вообще не знаю никакого Шнайдера. Тот посмотрел по сторонам и спрашивает, можно ли войти в дом воды напиться. Жарко было, решил, что он едет издалека, устал, ну и пригласил зайти, хотя чужих не люблю, как и моя собака. Угостил его чаем, простую воду как-то неудобно было предлагать. Выпил, что-то там болтал о моих травах, а глазами так и шарил вокруг, будто стены хотел ими просверлить. Спросил, как давно я тут живу. Говорю, что не очень давно, только полгода назад купил этот дом у гмины. «А раньше он кому принадлежал?» — спрашивает. Тогда я и припомнил, что прежний владелец и назывался Шнайдер. Ну и говорю ему, что и как. Спрашивает, где его можно сейчас найти. Объяснил, что Шнайдер дом продал гмине и выехал из Заленжной. Еще спросил, не знаю ли нынешнего адреса этого, значит, Шнайдера, на что я ему ответил, откуда же могу знать, мне на него вообще наплевать, и в глаза не видел никогда. Ага, еще забыл, как тот немец уезжал, оставил мне листок с адресом. Чтобы написал, если чего узнаю об этом Шнайдере.

— Этот листок у вас сохранился?

— Конечно. — Он протянул Щенсному маленький, немного помятый и грязноватый кусок бумаги. На нем был записан адрес фирмы ANB во Франкфурте-на-Майне и фамилия Вернера Киршвальда.

— Что-нибудь еще говорил? Скажем, для чего ищет этого Шнайдера?

— Нет. Я и не спрашивал, не любопытствую по чужим делам.

— Он еще к кому-нибудь в Заленжной заходил?

— Насколько знаю, нет. Если, конечно, кто-нибудь не укрывает этого. Но зачем?

Щенсный попрощался с Волчаком, пообедал в местной корчме, забрал своего готового в путь «малюха». По дороге в Варшаву размышлял, зачем, собственно, Киршвальд приезжал в Заленжную. Неужели действительно искал Шнайдера?

— Ну, и мы тогда его поищем,— пробурчал про себя.

В правлении гмины ему дали только такую информацию: Рудольф Шнайдер, рождения... года в Сосновце, прописан в августе сорок пятого, выписан в апреле восемьдесят четвертого. Выехал в Щецин. По специальности — ветеринар. Работал в государственных учреждениях, последнее время имел частную практику. Ничем специальным не выделялся.

Местная милиция не имела к Шнайдеру никаких претензий. Выезжая из Заленжной, продал дом гмине. Зато почтальон, который жил тут от рождения и знал всех в округе, по крайней мере он сам так считал, припомнил, что за несколько месяцев до отъезда отсюда Шнайдер получил два письма из ФРГ, два письма с интервалом в пару недель. Что в них было, почтальон, конечно, не знал.

— Будем искать в Щецине,— сказал Щенсный.— Стоит посмотреть и в Сосновце. В конце концов, это пока единственный след поездки Вернера Киршвальда по Польше, который мы имеем.

Капитан Полонский разослал соответствующие запросы, и теперь оставалось ждать ответов. Они пришли с однозначным утверждением: в книгах записей рождения в Сосновце никакого Рудольфа Шнайдера не обнаружено, в Щецине таковой также не прописан. За-

интересованный таким оборотом дела, Полонский поехал в Заленжную и, проявив большую силу убеждения, получил свидетельство о рождении интересующего его лица.

Внешне документ выглядел безупречным, однако специалисты отдела криминалистики дали заключение, что он фальшивый...

Снова были введены в действие телексы и телефоны отделений милиции по всей стране. По удивительному стечению обстоятельств, ни в одном учреждении в Заленжной не сохранилось ни одной фотографии Шнайдера, обнаружили только копию свидетельства о получении им профессии ветеринара, но и оно оказалось поддельным.

— Хоть какие-нибудь родственники у него были? — спросил Данилович при обсуждении странного дела таинственного зоотехника.

— Была жена, которая умерла в сорок девятом. Детей у них не было.

— Сколько ему сейчас лет?

— Если свидетельство о рождении, хоть оно и сфабриковано, дает реальную дату, то ему шестьдесят восемь. В Заленжной мы еще продолжаем искать, может быть, у кого-нибудь из жителей обнаружится его фотография, — сообщил Щенсный. — Но похоже, что, исключая общение по служебным делам, он не поддерживал ни с кем близких дружеских отношений. Не лежал в местной больнице, следовательно, нет у нас данных о его группе крови. Ни разу не был задержан милицией, значит, нет отпечатков пальцев. Не выезжал за границу, то есть не обращался за паспортом. Одним словом, идеально тихий гражданин, хотя, с точки зрения документов, абсолютно фальшивый. Остается только ждать. Если он укрылся где-нибудь, без прописки долго не просидит. Тогда и придется ему объ-

яснить свою лживую «куррикулум вите»*.

— А вы не допускаете, что он сейчас скрывается от кого-то из Федеративной Республики? В тех письмах, что он получил, могла быть или угроза, или предостережение. Вот он и уехал, замел следы. Потом этот приезд Киршвальда, запоздалый, правда. Видимо, из-за не точной информации.

— Либо,— Данилович на минуту задумался,— либо не было никаких угроз, а просто его кто-то ищет из-за денег или по семейным делам, а он не хочет никаких контактов с людьми оттуда.

— Если с самого начала, то есть с сорок пятого года, он жил по фальшивым документам, может оказаться, что это бывший гестаповец или «фолксдойч», который затаился, растворился среди местных жителей. А впрочем, зачем блуждать в домыслах! Надо найти Рудольфа Шнайдера, и тогда все станет ясно.

Долго ждать не пришлось. В середине декабря из познанской милиции пришло сообщение, что в квартире дома восемь по улице Школьной обнаружен труп мужчины пятидесяти двух лет, проживающего по документам Анджея Галензовского, бухгалтера. Смерть наступила в результате выстрела в голову с достаточно близкого расстояния. В ходе осмотра помещения инспектор оперативно-следственной группы обнаружил в небольшом переносном сейфе паспорт на имя Рудольфа Шнайдера. Поскольку столичная милиция интересовалась человеком с такой фамилией, сообщаем и т. д.

Майор Щенский выехал в Познань. Труп уже забрали в лабораторию судебной медицины. Пошел туда вместе с капитаном Йодлецким, который и обнаружил спрятанный в сейфе паспорт. Судебный эксперт только что закончил свою работу. Не снимая резиновых перчаток, приподнял покрывало с белого лица Шнайдера

* Биография, анкета (*лат.*).

и пробурчал, что только готовится писать заключение. Ничего специально примечательного для криминалиста: выстрел произведен с расстояния около трех метров, погибший в этот момент стоял лицом к убийце. Вскрытие не показало ни употребления алкоголя, ни применения психотропных препаратов.

Когда Щенсный с капитаном покинули лабораторию, Йодлецкий предложил сначала заехать в дом на Школьной улице, а потом продолжить разговор в воеводском Управлении милиции, Щенсный не колеблясь согласился, так как и сам хотел прежде всего увидеть место совершения преступления.

— Мы не обнаружили даже малейших следов взлома, — сказал капитан, срывая с двери пломбу, — и тем не менее думаю, хотя доказательств у меня еще мало, что убийца вошел сюда до прихода Шнайдера и ждал его в укрытии. Очевидно, у него были очень хорошие отмычки.

— Почему думаешь, что он пришел первым? — спросил Щенсный, разглядывая большую, старомодно обставлennую комнату.

— Мы использовали метод бета-радиографии. Знаешь?

— Теоретически только. Основан на принципе проекции?

— Нет, на стыковке. Взгляни, — подошел к окну и взял в руку край тонкой синей шторы. — Поскольку Шнайдер, как считает медицинский эксперт и мы тоже, стоял более или менее здесь, около стола, лицом к окну и выстрел пришелся ему в самую середину лба, сильно сомневаюсь, чтобы он, увидев нацеленный на него пистолет, не отклонился и не бросился в сторону, а спокойно ждал, пока тот нажмет на спусковой крючок. Поэтому полагаю, что убийца укрывался за этой шторой и через нее же выстрелил. Пуля калибра пять миллиметров не оставила в ткани отверстия, которое мож-

но было бы различить невооруженным глазом. Бета-радиография же его показала. Мы сделали снимки, увидишь их позднее. В месте прорыва цвет более светлый.

— Какой радиоактивный изотоп использовали?

— Ц-14. Правда, у него большой период распада, около сорока часов, но результаты дает великолепные.

Майор сосредоточенно оглядывал мебель в комнате, поблекшее покрывало на диване, вытертый ковер. Подошел к шкафу, открыл дверцы. Висели там поношенные костюмы, на полках белье, старые свитера. Потом он тщательно осмотрел переносной сейф, не вписывающийся самим своим присутствием в атмосферу этого захламленного обиталища стареющего мужчины, как видно, мало заботившегося о своей внешности и эстетическом облике квартиры.

— Что еще было в сейфе, кроме паспорта на имя Шнайдера?

— Разные бумаги, сам их посмотришь. Эксперт нашей криминалистической лаборатории подтвердил, что паспорт, выданный в свое время отделением милиции в Заленжной, является подлинным. Что ж, они ведь не знали, что свидетельство о рождении фальшивое. В то же время паспорт на имя Галензовского так мастерски подделан, что эксперт до сих пор не может вы сказаться однозначно. Возьми его в ваш отдел криминалистики, там лучше технические средства. В итоге на сегодняшний день не ясно, какова же подлинная фамилия убитого — Шнайдер или Галензовский?

— Долго он тут жил? И чья это квартира?

— Прописался здесь почти девять месяцев тому назад. Квартиру, точнее, эту комнату с кухней и туалетом, но без ванной, сдали ему родственники одного техника, который выехал на два года в Ливию что-то там строить. Родственники, чтобы не платить за квартиру, дали объявление о ее сдаче в наем. Шнайдер

явился по объявлению, правда, не первым, но предложил платить даже больше, чем хозяева просили. Должно быть, имел много денег. При прописке указал, что является бухгалтером, но, как нам удалось установить, нигде не работал. Может быть, у какого-нибудь частника или время от времени. Из дома выходил редко, как утверждают соседи. Ни с кем не поддерживал знакомства, его называли бирюком. На звонок в дверь долго не отзывался, изучал в глазок пришедшего, спрашивал, кто да зачем. Почтальон не помнит, чтобы приносил ему письма.

— Похоже, что скрывался от кого-то. И все же этот кто-то его нашел и убил. Карабин пять? Малышка, но с такого расстояния и его достаточно. Не оставил никаких следов?

— Никаких. Полагаю, что преступник действовал хитро и выдержанно, предварительно изучил образ жизни Шнайдера, разработал точный план и выполнил его без промаха. Вышел отсюда никем не замеченный. В самый полдень, как представляется.

— Кто обнаружил труп?

— Затеял шум монтер-газовщик, как раз по улице шла проверка герметичности газовых подводов. Пришел он около пятнадцати часов. Соседи, удивленные, почему Шнайдер не открывает дверь, хотя утром видели, как он возвращался домой с продуктами, позвонили в милицию. Участковый, полагая, что он мог внезапно умереть или лежит в бессознательном состоянии, вместе с дворником выломал дверь. Ну, потом я приехал. Шнайдер лежал боком на ковре, так, как показывают те флаги. Из раны в голове набежало немногого крови. На столе лежала сумка с хлебом. Были там еще пачка масла и полкилограмма яблок. Видно, не успел занести в кухню. Выстрела никто не слышал, но в этом нет ничего удивительного. Большинство жильцов были на работе, дома только женщины, занятые сво-

ими делами, всюду радио, шум с улицы и так далее. Убийца знал, когда лучше прийти.

— Скажи мне еще, каким образом ты открыл сейф?

— Он был открыт. И кстати, без следов взламывания или повреждения. Следовательно, либо Шнайдер, вернувшись домой, сначала занялся сейфом, может, что-то в него положил, а потом собрался отнести в кухню покупки, либо убийца знал шифр. Вопрос в том, взял ли он что-нибудь из сейфа или нет, потому что деньги и документы не тронуты. У Шнайдера в сейфе было двести тысяч золотых, доллары, марки ФРГ. Ну и кое-какие драгоценности: золотые часы, перстень, два кольца без монограмм и дат, что-то еще.

В Управлении милиции Щенсный внимательно просмотрел бумаги, изъятые из сейфа, но не нашел в них ничего, что помогло бы ведению следствия. Несколько старых писем от какой-то женщины по имени Бенигна, скорее всего дальней родственницы, которая в каждом благодарила за присланные деньги и просила еще. Письма были более чем десятилетней давности. К последнему был приkleен вырезанный из газеты маленький некролог: Бенигна Новак, восьмидесяти шести лет, умерла и т. д. Подписано: родственники. Кроме писем Шнайдер держал в сейфе две сберкнижки с вкладами по восемьдесят тысяч золотых. При этом одна была на имя Рудольфа Шнайдера, а другая — на имя Адама Галензовского. Еще там было несколько старых счетов за газ и электричество, квитанция за внесенные за квартиру деньги, трехлетней давности календарь.

— Удивило меня,— сказал Йодлецкий,— зачем он все это держал в сейфе? Валюту и ценности — понятно, но почему письма и старые счета?

— Письма, наверно, были для него каким-то напоминанием о родственных связях,— ответил майор,— а счета вложил туда по рассеянности. Вы его родственников ищете?

— Сообщение о розыске дали. Эта Бенигна Новак могла иметь детей или внуков. Как думаешь, кто его убил? И почему?

— Еще не знаю. Так же, как не знаю, кто и почему убил Вернера Киршвальда. Что-то должно было их связывать, и возможно, убиты они одной и той же рукой. Марек, а ты случайно не заметил в квартире Шнайдера чего-нибудь, какого-нибудь следа «Летучей мыши»?

— «Летучей мыши»? — переспросил Йодлецкий удивленно. — Имеешь в виду чучело? Надеюсь, не о живой спрашиваешь?

Щенсный помимо воли рассмеялся, а затем вынул из портфеля фотографию визитной карточки, которая была найдена в пиджаке Киршвальда, и показал ее капитану:

— Вот, что-нибудь в этом роде. Мы ведь вам посыпали фотоснимки. Не помнишь?

Йодлецкий ударил ладонью по лбу:

— Точно! Лежит у меня в столе, сейчас...

Но Щенсный остановил его движением руки:

— Не надо, я тебе верю. Так была ли такая или подобная карточка в квартире Шнайдера?

— Не было! Квартиру мы осмотрели очень тщательно.

*

Первый включил стоявшую на журнальном столике изящную фарфоровую старинную лампу. После этого вяло потянулся к звонку. Через пару секунд двери бесшумно открылись, в них появился мужчина с лицом настолько никаким, что, казалось, он родился и жил по ошибке.

— Позови этого... — пробурчал Первый, не закончив фразы.

Слуга или секретарь, он и сам не знал, кем по су-

ществу является, беззвучно исчез, и вскоре в кабинет вошел человек среднего роста, хорошо одетый, с гладко зачесанными волосами и слегка выпуклыми глазами. В обычное время глаза эти выражали уверенность мужчины в себе, что подчеркивал также острый подбородок и узкие губы. Однако в эту минуту вся его фигура, согнувшаяся в прислужливом, даже покорном поклоне, выражала только готовность выслушать все, что пожелает сказать шеф, и выполнить его волю.

Это был дублер Шестого, действующий в Мадриде. На этот раз в порядке чрезвычайного исключения он возвращался после выполнения задания не в Испании.

— Рассказывай! — прозвучал голос Первого, даже не предложившего ему сесть. Пренебрегал дублерами, хотя нуждался в них.

— Задание выполнено, — проговорил Шестой из Мадрида.

— Знак?

— Вот он. — Подошел ближе, положил на столик визитку в металлической рамке, с почтением поклонился, отошел назад и ждал.

Первый схватил своими толстыми короткими пальцами принесенный знак, снял рамку и оболочку, просмотрел текст. Тяжело поднялся с кресла, подошел к какому-то прибору, стоящему в углу комнаты, положил листок под сильное увеличительное стекло, включил лампу. Заметив невидимую для простого глаза римскую девятку, с удовлетворением кивнул головой. Вернулся в свое кресло, некоторое время пристально смотрел в лицо стоящего перед ним человека и, разглядев на нем страх, снова порадовался. Так бывало всегда.

— Без проблем? — вопросительно буркнул.

— Без. Сначала были трудности с обнаружением его, потом уже все пошло гладко. Выстрелил через портьеру, он меня даже не видел. Сейф он открыл сам, как только вошел в квартиру, положил в него деньги.

Когда повернулся лицом к окну, получил прямо в лоб. Знак я выпул из сейфа.

— И больше ничего? — В вопросе Шестой услышал угрозу и поспешил ответить, что даже не притронулся ни к деньгам, ни к драгоценностям.

— Знаешь, что могу проверить?

— Да. Но я чист.

— Можешь идти. Получишь премию.

Шестой исчез за дверью. Первый усмехнулся про себя, он прекрасно понимал, что не в состоянии проверить, пропало ли что-нибудь еще из сейфа, кроме знака. Однако он также хорошо знал, что удерживание дублеров в состоянии полного подчинения и страха дает почти абсолютную власть над ними. В этом месте он вдруг задумался над словом «почти», которое уже не первый раз появилось в его размышлениях.

В сентябре другой Шестой, что в Польше, был ликвидирован, ибо отказался выполнить задание, важное для «Летучих мышей». Неизвестно, что ему помешало: боязнь, сложные местные условия, чувство беспомощности? В любом случае с ним надо было покончить, он становился опасным. И тогда впервые слово «почти» нависло над предводителем этой зловещей организации. Второй раз оно напоминало о себе в случае с Девяткой.

Человек этот — Девятка — много лет торчал в Польше. Шесть лет назад ему было поручено убрать с лица земли особу, которая угрожала интересам некой фирмы из Кельна. Объект, молодой, очень способный физик, исчез на удивление обычно, погиб в автокатастрофе. Нашли только его труп в полуобгоревшем «фиате». Девятый, как положено, то есть через специального посредника, уведомил о случившемся Первого, подробно описав происшествие. Посредник, проверив его отчет, вернулся в Мюнхен. Два года тому назад Девятый выполнил подобное же задание, только речь шла о женщине. Дело было крайне запутанное, но «Летучих мы-

шней» интересовали не причины, а деньги. И тогда Де-вятый сделал все, что ему было приказано, описал, вы-слал, получил вознаграждение. И однако же вскоре после этого неожиданно и без предупреждения продал дом и, тщательно заметая за собой следы, уехал в Поз-пани. У Первого была привычка «дать еще один шанс», как он это называл. Поэтому выслал к нему одного из дублеров, чтобы тот на месте сориентировался, в чем дело. Это означало, что посланник должен провести свое расследование. Дублер выполнил задание, выпол-нил его до конца, как и было поручено. Этим дублером и была Шестерка из Мадрида.

«Почему? — задавал себе вопрос последнее время Первый.— Почему Вернер Киршвальд и Рудольф Шнайдер в определенный момент вышли из игры, от-казались работать? Чем они руководствовались?» И оба отступили в Польше, в стране, которую шеф знал толь-ко по названию и рассказам двух-трех человек, связан-ных, как правило, с домом на улице Энглишер Гартен. «Может быть, этого мало,— подумал, смакуя пуэртори-канский ром «Каптэн Морган», сладкие ликеры ему уже надоели.— Может, следует поближе узнать эту не-попятную страну, полную несоответствий его представ-лениям. Но как это сделать?»

*

Дорота улыбнулась. Улыбка у нее была прелестная, полная тепла и обещаний, которые чаще всего не вы-полнялись.

— Я тебе не изменяю,— сказала она как-то Анд-жею, отвечая на его упреки, что видел ее неоднократно то тут, то там в мужском обществе.— Чуть больше до-верия, darling *. Не будь ревнивцем.

* Дорогой (англ.).

— Такой уж я есть,— ответил сердито,— и измениться не могу. Хочу, чтобы ты была только со мной и навсегда. С радостью посадил бы тебя в клетку и запер на ключ. И этот единственный ключ был бы всегда со мной.

— Нет во мне ничего от канарейки или попугая. Люблю простор и свободу, и придется тебе к этому привыкнуть.

Такие перепалки случались у них не часто, к тому же Дорота не принимала ревность Анджея всерьез. Он же со временем становился все более несговорчивым и не мог простить ей многочисленных встреч в компаниях. «Чересчур хороша она для меня,— думал с горечью,— слишком привыкла к мужскому почитанию и восхищению». В такие минуты подходил к зеркалу и критически присматривался к своему отражению в нем. Мужественные черты лица, густые волнистые волосы коричневого цвета с первой сединой на висках. Недавно сбрал усы, ибо Дорота утверждала, что они ему не идут, и выглядел сейчас моложе.

Сегодня Дорота пришла неожиданно и застала его врасплох. Квартира была неубрана, в ванной развесаны выстиранные рубашки и носки, а на столе разложены бумаги, книги и документы, поскольку он работал над диссертацией.

— Могла бы и предупредить,— выговорил ей мягко, так как, по правде, каждый ее приход его радовал.— В квартире такой кавардак.

— Не важно,— ответила, улыбаясь.— С удовольствием выпила бы хорошего крепкого чая. Сделаешь?

— Конечно.

Пошел на кухню. Когда вернулся, неся на подносе чашки и сахар, она с любопытством спросила:

— Занимаешься наукой?

— Да, хочу написать диссертацию.

— На какую тему?

— «Некоторые методы исследования документов в свете новейших достижений техники». Тема слишком широкая, хватило бы на три работы. Поэтому и добавил «некоторые».

— Это как раз то, что требуется у вас там, где работаешь? Имею в виду твой отдел.

— Конечно. Пожалуйста, бери сахар. Я ведь тебе говорил как-то, что работаю именно в отделе исследования документов.

— А знаешь, сейчас жалею, что не окончила юридический. Могла бы тоже изучать разные интересные документы... вместе с тобой.— Обняла его за шею, едва не опрокинула чашку с чаем.— Твоя работа должна быть безумно интересной. Исследуешь только секретные милиционские бумаги, для следствия?

— Не только. Часто обращаются к нам разные организации с просьбой удостоверить подлинность того или иного документа. Были такие просьбы от музеев, речь шла о подделках картин. Наверное, ты сама слышала о пашумевшей истории с письмами Шопена, о ней много писали. Раз занимался завещанием, написанным на полуистлевшем пергаменте, дело было важное, поскольку касалось огромного состояния, и родственники вели долгую тяжбу с местным музеем. Но ясно, основное время уходит на следственные дела, коротко говоря. Мы ведь являемся организацией в системе милиции.

Дорота слушала, попивая чай. Он подумал, что могла бы так сидеть рядом с ним как жена, хозяйка этого дома, подруга, разделяющая с ним тревоги и радости каждого дня. Его Дорота. Захочет ли? Рано еще об этом спрашивать. Надо получше узнать друг друга, убедиться, что составляют единую пару, ибо совсем непросто быть женой офицера милиции. Его могут и перевести в другой город, и включить в оперативную группу, приведут дни и ночи работы вне дома, тяжелые дни службы

следователя, экстренные вызовы, усталость, даже болезнь. Выдержит ли все это она, слабая, капризная, очень впечатлительная женщина?

— О чём задумался? — спросила, удивлённая его неожиданным молчанием.

Он улыбнулся, встряхнул головой, как бы отбрасывая грустные мысли:

— Ни о чём особенном.

— Нет, скажи.

— Расскажу как-нибудь, — пообещал.

— Хочу, чтобы сейчас.

— Сейчас нет. О чём ты меня спрашивала? Да, о гражданских делах. Конечно, попадаются очень интересные документы. Но только со стороны выглядит это захватывающее. Каждодневная наша работа очень утомительна. Шажок за шажком, пока откроется истина. Такова, собственно, цель нашей работы.

— А что такое истина? — спросила упрямо, положив голову ему на плечо. — Вопрос как у Пилата.

— «Истина — это согласие мысли и реальности», — процитировал Фому Аквинского. — Помню это определение еще с университета. Однако, может, хватит на сегодня серьезных тем? Как считаешь, дорогая?

— Подожди, — отвела руку, — хочу еще поговорить. Расскажи мне об этих письмах Шопена, не помню, что о них писали газеты.

Меньше всего сейчас интересовал его Шопен. Сдергивая досаду, закурил свои «Клубове», хотя Дорота всегда предлагала ему какие-нибудь заграничные сигареты типа «Кент III де люкс» или «Мерит ультра лайтс». «Где ты их достаешь?» — порывался иногда спросить, но каждый раз что-то удерживало его от вопроса. Возможно, боялся, что ответ будет трудно проглотить.

— Ну, ладно... Сейчас припомню. Обратилось к нам с этим делом Общество Фредерика Шопена. От не-

го мы получили ксерокопию, озаглавленную «Письма Шопена Дельфине Потоцкой». Если хорошо помню, были там помещены рукописные тексты четырех писем. Кроме того, имели мы репродукции шести других писем, опубликованных в английском музыкальном журнале, не помню его названия. В качестве сравнительного материала мы использовали альбом с репродукциями подлинных писем Шопена. Не буду тебе рассказывать обо всей проделанной скрупулезной работе. В случаях, когда сталкиваемся не с оригиналом документа, а с его репродукцией, да еще не первой, необходимо в совершенстве знать всю динамику графических процессов, а главное, определить импульс писания человека. Ладно, оставим детали, они ни к чему для дилетантов. В итоге мы установили, что спорные тексты были сфабрикованы при помощи хитрого фотомонтажа с использованием подлинных писем Шопена, «прорезанных», если можно так выразиться, на отдельные элементы, соединенные затем фотографическим способом в фальсифицированные тексты. Что-нибудь поняла из этого?

— Все понятно. Расскажешь потом еще о других работах? Это безумно интересно!

— Расскажу как-нибудь,— согласился легко, ибо в тот момент его меньше всего занимали вопросы экспертизы документов. И Дорота уже не возражала.

*

«Р-8» вошел в кабинет полковника Полевского и, заметив, что тот занят разговором по телефону, тихо сел в уголке. Работа в контрразведке научила его терпению и определенной снисходительности по отношению к старшим по званию. Некоторых из них он преувеличивал опытом, умением мгновенно угадывать опасную ситуацию, делать правильные выводы. Всего этого старался не показывать, кроме всего прочего, был хо-

ропо воспитан. По природе холерик (сам так считал), он научился так себя сдерживать, что люди, которые его знали недолго или мало, считали его флегматиком. Не старался их переубедить.

Полевского он любил и ценил. Они подружились четыре года назад, и, хотя их разделяло несколько звездочек на погонах и должность Тадеуша, дружба эта со временем только укреплялась. Полевский не был его шефом, что, наверное, отражалось на их взаимоотношениях. Достаточно часто случалось, что один нуждался в помощи другого при выполнении своих заданий, поскольку интересы разных отделов соприкасались.

Полковник закончил телефонный разговор, встал, прошелся по кабинету, «Р-8» не давал о себе знать, чтобы не помешать товарищу.

— Хорошо, что ты пришел, — сказал наконец Полевский, забыв, что час назад сам его просил зайти. — Когда выезжаешь?

— Послезавтра.

— Появились новые обстоятельства в деле Вернера Киршвальда, о котором тебе недавно рассказывал.

— Знаю. Убит Рудольф Шнайдер, а Киршвальд разыскивал его в Заленжной в сентябре.

— Уже знаешь? — Тадеуш рассмеялся. — Не буду повторять. В связи с этим займись прежде всего «Летучими мышами».

«Р-8» посмотрел на него, сощурив глаз.

— Это все равно что засунуть голую руку в осиное гнездо. Хотя знаю я пока о «Бэтсах» мало, но и этого достаточно, чтобы сориентироваться в их связях с терроризмом. — Немного подумав, продолжил: — Недавно прочитал в журнале, издаваемом Международным институтом стратегических исследований в Лондоне, что существует шесть целей терроризма. Столько они насчитали в том институте. Например: получение от властей каких-либо уступок или выкупа, организация в общест-

ве беспорядков, хаоса и так далее. Среди этих шести целей не называется ликвидация отдельных личностей исключительно за деньги. Подчеркиваю: за, а не ради денег, ибо преступление оплачивает не жертва или ее родственники, а инициатор убийства... Другими словами, кто-то нанимает «Летучую мышь» для того, чтобы убить человека опасного, неудобного или просто чем-то мешающего заказчику. Если существуют частные детективы, возможно, имеются и частные палачи.

— Думаешь, именно так были убиты Киршвальд и Шнайдер? Стали для кого-то лишними?

— Не знаю, Тадеуш. Думаю только, что исполнитель этих убийств находится вне Польши. А заказчики могли быть разные. В моем представлении террорист — это тип с психологическими отклонениями, по, как правило, отдающий себе отчет в том, что делает. В случае целой группы, руководимой некой очень сильной и опасной личностью, имеет дело с так называемой патологией коллектива.

Полевский минуту смотрел в спокойные ясные глаза капитана, потом произнес:

— Стах, снимаю свою просьбу. Разузнай только, что удастся, о Киршвальдах и Шнайдере, а про «Летучих мышей» забудь.

«Р-8» едва заметно улыбнулся:

— И ты думаешь, что именно сейчас, когда я начал «большую игру», могу из нее спокойно выйти?

Глава 5

Щенсный ехал в сторону Уяздовской аллеи. По пути заметил на тротуаре Анджея Лапецкого, остановился и пригласил его на чашку кофе.

— Промерз до костей, — добавил при этом Щенсный.

— В машине? — удивился Ланецкий.

— Нет. Мы со Стефаном были на похоронах... чего там говорить, ты его не знал. А в общем-то, я ехал к вам. Точнее, в отдел биологии нашей лаборатории.

— Вот и хорошо. Выпьем кофе и вместе туда поедем.

Они вошли в кафе, сели за столик в дальнем углу. Подошла официантка. Ланецкий заказал две большие чашки, себе пирожное «Шарлотка», потом обратился к Щенсному:

— А что для тебя?

— «Гнет», — ответил он и с интересом посмотрел на официантку. Та прищурилась и без колебания ответила:

— «Баядерок» * нет.

— Один ноль в вашу пользу, — воскликнул с радостью, — тогда, пожалуйста, принесите и мне «Шарлотку».

Он хотел что-то сказать Анджею, но заметил, что капитан смотрит в другой конец кафе со странным выражением на лице: либо в чем-то засомневался, либо был сильно удивлен. Он обернулся, пробежал взглядом по всем столикам и не удержался от восклицаний:

— Какая красивая девушка! Твоя знакомая?

— Да.

— Тебя можно поздравить.

— Да еще не с чем, — ответил Ланецкий сквозь зубы.

Тут только Щенсный обратил внимание на мужчину, который сидел рядом с красивой девушкой. Где-то он видел его, возможно, они даже разговаривали, только вот где это было? У человека, сидевшего за столиком, были густые, седые волосы, небрежно спадающие на воротник, полное бледное лицо, губы наполовину закрыты пышными усами. Он был одет в толстый нор-

* «Гнет», «Баядерка» — название пирожного.

вежский свитер с цветными узорами, который годился, скорее для лыжной прогулки, нежели для посещения кафе.

— Ты знаешь ее, а я, видимо, знаю его,— сказал он, все еще напрягая память.— Но откуда? Черт возьми, никак не могу вспомнить.

— Ты его допрашивал?

— Не думаю. А ты хорошо знаешь эту красотку?

Он удивился, увидев, как Ланецкий внезапно покраснел и рявкнул:

— Это не... Это...— недосказал и нервно потянулся за сигаретой.

— Успокойся. И можешь не отвечать на мой вопрос, если тебя это злит. Меня-то больше интересует тот тип, который...

— Прекрати!

— ...здорово тебя задело! А вдруг это ее дядя? На глаз видна существенная разница в возрасте. Прими эту версию, и тебе станет легче.

Официантка принесла кофе и пирожные, улыбнувшись Щенсному. Заплатили сразу, так как Ланецкий вдруг заспешил. Обжигая губы, выпил кофе, не доел «Шарлотку», встал. В этот момент Дорота и ее знакомый тоже поднялись из-за стола и направились к выходу. Девушка заметила Анджея, и по ее лицу скользнула тень смущения, с чем она моментально справилась. Свободно, как только может себя вести человек в подобных ситуациях, она подошла к Ланецкому.

— Как я рада, что встретила тебя, Анджея! Я не знала, что ты бываешь в этом кафе. А это, видимо, твой коллега? — посмотрела на Щенсного. Он молча поцеловал ее руку. Не назвал своей фамилии, так как человек, стоящий позади нее... Точно, он вспомнил, кто это. Мужчина, однако, ни жестом, ни словом не показал, что они знакомы, а только поздоровался с офицерами, четко назвав себя:

— Балицкий. Приятно познакомиться.

Наступило молчание, как будто бы никто из четырех не хотел первым его нарушить. Дорота рассмеялась.

— Мы встали на проходе,— сказала она.— Пошли в гардероб.

Оказавшись рядом с Ланецким, Дорота придержала его за рукав и запептала что-то ему на ухо. Щенсный взял в гардеробе свой полушибок, игнорируя седоволосого мужчину, который пытался завести разговор о морозах и суровой зиме. «Узнал он меня или нет? — думал майор.— Если разыгрывает, то делает это совсем неплохо. Нет, приятель, не выйдет по-твоему». Внезапно повернулся в его сторону.

— Мы ведь знакомы,— резко сказал он.— Вы уже забыли?

Тот смутился, потом отрицательно покачал головой.

— Я не забыл,— ответил он, акцентируя каждый слог. Взгляд его был холoden и враждебен.— И не забуду.

— Я также.

С минуту они мерили друг друга взглядом. Мимо них проходили люди, сдавали и получали пальто, но эти двое не обращали ни на кого внимания. Находились как бы в изолированном пространстве.

— Вы отобрали у меня двенадцать лет жизни,— проворчал Балицкий.

— Не я. Суд. А кстати говоря, вы тоже забрали чью-то жизнь. Думаю, что и так вы дешево отделались.

— Посидели бы хоть лет пять, узнали бы эту «дешевизну».

В голосе седого было что-то такое, что вынудило майора чуточку менее враждебно посмотреть на него.

— Что же вы сейчас делаете? — спросил он.

— Живу,— ответил Балицкий. Пожал плечами.

— На какие средства, если можно спросить?

— Можно. Веду бухгалтерский учет в мастерской у одного своего знакомого. После выхода «оттуда» меня не приняли на прежнюю работу. Да я и не имею ни к кому никаких претензий.

Дорота и Анджея, веселые и помирившиеся, подошли к ним, намереваясь вступить в беседу. Но оба мужчины, сказав друг другу только то, что должны были сказать, молчали. Пока девушка прощалась с офицерами, сказав, что еще посидит в кафе, так как заметила за столиком знакомую, Балицкий исчез.

— Частично ты был прав, — отозвался Ланецкий, когда они ехали в направлении Уяздовской аллеи. — Хоть это и не ее дядя, зато старый знакомый отца. Они встретились случайно и зашли, поболтали за чашкой кофе. — Щенсный раздумывал о том, должен ли, имеет ли право поведать другу о преступном прошлом Балицкого. Правда, как установил суд, он совершил убийство в состоянии аффекта. Должно ли прошлое неотступно следовать за ним? Может, отец девушки не счел нужным говорить об этом? Может, даже как-то оправдывал это убийство, хотя преступление всегда остается преступлением.

— Чего ты молчишь? — удивился капитан.

— Да так, задумался, — и больше ничего не добавил.

Зато Ланецкий, заметно возбужденный встречей, рассказал, что знает Дороту с детства, что недавно они случайно встретились (спустя 16 лет!), возобновили знакомство и, может быть, их союз укрепится.

— Что за выражение! Скажи проще, что хочешь жениться на ней.

— Мы еще не говорили об этом серьезно. А вообще-то да.

— Где она работает?

— В магазине. У них своя лавка.

Анджея смущился, замолчал. Майор мельком взгля-

нул на него, и им снова овладели сомнения, правильно ли он поступает, скрывая истинное лицо Балицкого. Однако они уже подъехали к лаборатории, и он решил отложить разговор до более подходящего случая.

В отделе биологии Щенсный попросил копию экспертизы трех волосков, найденных в серебристой «ауди» Киршвальда.

— Зачем вам копия? — поинтересовался подполковник Вильский, худой, лысый, сгорбленный. У него за плечами более двадцати лет работы в уголовном розыске. Им написан ряд работ, переведенных на многие языки, он участвовал в международных симпозиумах биологов.

— Для личных целей, — ответил Щенсный и подмигнул, дав понять, что он шутит. Тем не менее в этой щутке была доля истины, поскольку время от времени он проводил по собственной инициативе дорасследование тех дел, которые его интересовали, честно делясь полученными результатами со своим шефом.

Вильский пожал плечами, взял предложенную сигарету, закурил в коридоре, чтобы не раздражать своих простуженных товарищей. Там они и продолжили беседу со Щенсным.

— Скажи мне, какой срок вы установили для процесса старения вырванных волос? Я хочу узнать... — начал Щенсный.

— Я знаю, что тебя интересует. Мы можем провести экспертизу волос, вырванных даже три недели тому назад. — Подполковник затянулся, откашлялся и добавил: — Это имеет огромное значение для судебно-медицинских целей. Ведь по твоему делу Киршвальда, насколько мне известно, нет сравнительного материала.

— Но я его найду! — внезапно с возбуждением заявил Щенсный.

Вильский посмотрел на него, покачал головой:

— Дай бог. Только чтоб убийца все еще имел бы

голову не такую, как у меня, и чтобы хватило сравнительного материала.

Они рассмеялись. Подполковник не огорчался тем, что был лысый, заявлял, что тем самым он похож на одного из лучших, по его мнению, полицейских — Кояка. Щенсный взял копию и через пятнадцать минут сидел уже у себя во дворце Мостовских. Однако одна вещь все еще не давала ему покоя. Он позвонил в райотдел на Воле и попросил к телефону знакомого поручика.

— Слушай, старик,— начал Щенсный, хотя поручик был моложе его на несколько лет.— Запиши: Рышард Балицкий, кажется, ему теперь будет пятьдесят три года, по профессии экономист, жил, а может быть, еще и сейчас живет в твоем районе. Четырнадцать лет тому назад был осужден за убийство жены. Отсидел срок. Работает вроде бы бухгалтером в какой-то мастерской.

— Тебе срочно?

— Вообще, да. Нужно в течение нескольких дней, если сможешь. Дело в том, что мне нужен не только адрес, но и сведения о том, чем он занимается.

— Постараюсь.

Через два дня поручик позвонил. Названный Щенсным человек формально числится в электротехнической мастерской в должности бухгалтера, а в действительности активно занимается валютными махинациями. Однако делает это так ловко, что до сих пор не удалось собрать весомых доказательств его вины. Он не пользуется услугами перекупщиков.

— На спекуляции валютой его не поймать,— продолжал поручик.— Дома он может иметь и сто тысяч долларов, однако у нас нет оснований для обыска. Хотя их можно найти. На улице он не торгует, в этом деле у него опыт. Все сделки совершаются им в ресторанах. Чаще всего в «Европейском» или в «Метрополе». Раза

четыре наш инспектор был абсолютно уверен, что тот у него в руках, и — ничего. Осечка.

Щенсный поблагодарил, положил трубку и крепко задумался. Он не любил, очень не любил вмешиваться в личные дела своих товарищей. Дружба дружбой, однако существует некая граница, которую он неохотно переступал. И не терпел, когда его пытались вызвать на откровенность.

Поэтому дома он долго размышлял, прежде чем решился набрать номер Анджея. Решил, что спросит его о какой-нибудь мелочи, а потом, может быть, в ходе разговора удастся затронуть его встречу с Доротой. Что произойдет потом — это уже будет зависеть от Ланецкого: разговорится либо закроет эту тему.

После нескольких гудков трубку сняли, и Щенсный услышал мягкий женский голос, уловил в нем еле сдерживаемый смех:

— Алло? Мы вдвоем слушаем.— Потом послышалась возня, смех и голос Анджея: — Слушаю, Ланецкий.

Щенсный повесил трубку, не сказав ни слова. Не было никакого смысла говорить с мужчиной, у которого в столь поздний час находится девушка.

*

Дорота посмотрела на часы.

— Мне пора,— пробормотала она сонным голосом.

— Останься,— попросил он.— На дворе двадцать градусов мороза! Я ни за что не высунул бы носа на улицу.— И добавил, поцеловав ее: — Конечно, шучу. Дело не в морозе, просто мне хочется, чтобы ты осталась со мной до утра.

Она улыбнулась, легла поудобнее.

— Знаешь,— начала Дорота, гася сигарету.— Летом я осматривала грот вблизи скалы Лорелей, недалеко от маленького городка Святой Горхаузен на Рей-

не. А может быть,— она задумалась,— этот грот был поблизости Драхенфелз? Не помню. Во всяком случае, мы вошли внутрь. И представь себе, я увидела там множество летучих мышей, свисающих с потолка. Они висели вниз головой.

— Летучие мыши всегда так висят,— заметил он.

— Омерзение. И не мыши и не птицы. Тебе не приходилось видеть их вблизи?

— Часто.

— Small nocturnal mammal of the order Chiroptera,— прошептала Дорота, словно декламируя стихи или слова песни.

Он приподнялся на локте, внимательно посмотрел на нее:

— Откуда ты это знаешь?

— Что?

— А то, что сейчас сказала. Этот текст.

Она потянулась, потом сомкнула руки у него на шее.

— Дорогой мой, я просто описала летучую мышь на английском языке. Ты что, не понял? Ведь ты знаешь этот язык.

Он надолго замолчал. Им овладели очень мрачные предчувствия. Высвободился из ее объятий, сел на диван. Думать! Трезво, спокойно. Может быть, это простое совпадение. Нельзя быть подозрительным. Да. Но нельзя также утратить профессиональную бдительность.

Он почувствовал горячие губы девушки на щеке.

— Ты меня любишь?

— Зачем ты спрашиваешь? — недовольно сказал он.— Мало тебе доказательств?

— Может, и мало,— ответила Дорота со странной интонацией в голосе.

Он резко повернулся, схватил ее за локти и сжал до боли.

— Так что же ты хочешь? Что мне еще надо сделать, чтобы доказать свою любовь?

Она улыбнулась, обнажив мелкие белые зубы.

— А ты бы сделал?

— Что?

Теперь замолчала она, было слышно только ее прерывистое дыхание.

— Что ты хочешь, чтоб я сделал? — повторил он с нетерпением.

— Скажу. Скоро. Но тебе придется... — Она заколебалась, а у него беспокойно забилось сердце. Он не хотел гадать, не хотел услышать того, что вынудило бы его принять твердое решение.

— Мне придется... Ну, договаривай!

— Сначала чуть-чуть рискнуть. А потом мы навсегда будем вместе.

— Не понимаю. Мы ведь и так вместе. Без всякого риска. Сколько раз я предлагал тебе выйти за меня замуж, а ты всегда отвечала: попозже. Что это значит: попозже? Год, пять лет? О каком риске ты говоришь?

— Совсем небольшом. Но... — Она опять замолчала, кусая губы. Он подумал, что то, что она собирается ему сказать, ей неприятно, трудно выговорить.

— Так что же? Почему ты не говоришь прямо, а начинаешь издалека, как будто чего-то боишься? О каком риске идет речь?

— Ты очень привязан к своей профессии?

Он напрягся, слегка отодвинулась от нее, потом поднялся, надел халат и прошелся по комнате. Спокойно! — напомнил сам себе. Может быть, она имеет в виду совсем не то, что он думает. А может, родители?

— Твой отец хотел бы иметь зятя, скажем, инженера, врача, но только не милиционера? Так? Я прав? Говори же правду!

— Профессия моего будущего мужа — это мое личное дело. Отец или мать тут ни при чем.

— Так в чем же дело, черт побери! Извини,— опомнился он, сел за письменный стол, закурил сигарету из пачки, лежащей там. Даже не заметил, что сигареты были иностранные, которые курила Дорота.

— Ты не ответил на мой вопрос, насколько сильно ты привязан к своей профессии,— сказала она, не сводя с него глаз.

Вдруг он подумал, что в этих красивых зеленых глазах таится что-то резкое, чего он раньше никогда не замечал. Так она еще никогда на него не смотрела.

— Да. Очень. И не поменяю ее на другую. Разве что меня уволят,— невесело пошутил он.— Зачем ты спрашиваешь об этом?

— А ради меня? Не поменял бы?

Он все еще не соображал, какую игру она с ним затеяла, что ей в конце концов надо.

— А что, это условие для нашей женитьбы? — наконец рискнул он задать вопрос, который не хотелось ставить. Ну что ж, слово не воробей.

— Да. Именно так. Это единственное, однако самое существенное условие для нашей свадьбы,— повторила она.

— Сегодня ты говоришь совсем не то, что говорила раньше, что ты не имеешь ничего против моей службы в милиции. Что вдруг произошло?

Она встала, начала одеваться. На ней были узкие синие брюки, чуть светлее этого тона крепдешиновая блузка, длинный синий галстук с поперечными полосками и свободный белый жакет с зелеными пуговицами. Рядом с галстуком, как дань моде, свисал до пояса тоненький золотой двойной шнурок. Он смотрел на нее, вдыхал запах оригинальных духов «Анэ де Ка-шарель», все было так знакомо. Еще вчера, возможно, и сегодня утром ему импонировала вся эта вычурная, заграничная мишура, ювелирные изделия то ли парижской, то ли итальянской фирмы, сигареты, губная по-

мада, наряды. Действительно, его ли эта девушка? Эта Доротка с улицы Сенной, в разноцветном фартучке и перевязанными белой или розовой лентой косичками, с запачканными пастой пальцами, та, с которой он бегал за мороженым в «Зеленую будку», на дневной сеанс в кино?

— Ты действительно...— Он хотел сказать, да ты ли это, Дорота, но она поняла иначе. Подошла к нему, вытащила изо рта сигарету, поцеловала.

— Поверь, я в самом деле хотела бы, чтоб ты поменял работу,— сказала она.— Если ты любишь меня так же, как я тебя, то сделаешь то, о чем я скоро прошу. Риск совсем небольшой, поверь мне. Зато потом перед нами откроется будущее. Богатое, независимое. В этом можешь не сомневаться. Только доверься мне полностью. Если все сделаешь так, как я прошу, то счастье обеспечено. Скажи, ведь ты хочешь нашего счастья? — Она заглянула ему в глаза, прижалась.— Ты ведь любишь меня, Анджеек...

Потом он проводил ее к машине. С минуту смотрел, как она разворачивается перед домом, но повалил густой снег, «ауди» исчезла в белом вихре.

Он вернулся домой, чуть приоткрыл окно, чтобы проветрить комнату от дыма. Потом долго не мог заснуть, вглядываясь в просвечивающий сквозь занавеску тусклый огонь уличного фонаря.

*

Ужасно злой на себя и весь белый свет, Щенсный наконец набрался решимости и договорился о встрече с Ланецким в кафе. В нем еще теплилась надежда, что у его коллеги не окажется свободного времени либо он болеет, а может быть, его послали в командировку. К сожалению, Анджей будто бы обрадовался его звонку, пробурчал печто вроде того, что он и сам хотел бы

встретиться, однако... И тут же предложил увидеться через час.

— Черт бы побрал! — проворчал Щенсный и поехал. По пути заглянул в военторг на Krakowskem предместье, купил новый трехтомник Константина Симонова, за которым давно охотился, и, обеднев почти на тысячу золотых, зато довольный, пришел в гостиницу «Европейская». Здесь они договорились встретиться. Заодно понаблюдают за постоянными посетителями кафе: валютчиками, спекулянтами, которые уже давно облюбовали это заведение. Он рассчитывал также встретить здесь Балицкого.

Ланецкий, забравшись в самый дальний угол, уже ожидал его, с осунувшимся лицом и потухшим взглядом. «Будет откровенничать, — решил майор, — такая уж у меня доля. Ничего не поделаешь, сам напросился». Ланецкий был похож на человека, у которого сгрустила незастрахованная квартира.

— Ты застрахован? — неожиданно для себя спросил Щенсный, садясь за столик.

Анджей взглянул на него с нескрываемым удивлением:

— От чего?

— Так, вообще. Ну ладно, слушай, старик, я хотел бы поговорить с тобой. Видишь ли, случайно я узнал кое-что о Балицком. Похоже, что он старый знакомый отца твоей девушки, мы с тобой видели их вместе.

— Помню, — сказал капитан. — Что ты узнал?

— Это крупный валютчик. Два года тому назад он вышел из тюрьмы...

— Он сидел? За что?

— Старая история. Убил жену. Кажется, там были какие-то осложнения, впрочем, нет смысла ломать голову над этим сейчас. Как бы то ни было, он устроился на работу бухгалтером в электротехническую мастер-

скую, однако это только прикрытие, чтобы считалось, что он начал честную жизнь. Я говорю тебе обо всем этом потому, что, по всей вероятности, ни твоя девушка, ни ее родители об этом не знают. Не хочу, чтобы ты впутался в какую-нибудь историю, откуда потом трудно будет выкарабкаться. Анджея, я не люблю задавать такие вопросы, и ты можешь мне дать за это в лоб, конечно, в мыслях,— он осмотрелся по сторонам,— и все же: ты хорошо ее знаешь? Знаешь ли, в какой среде она вращается?

Ланецкий долго молчал, пока у Щенсного не лопнуло терпение, и он не повторил свой вопрос.

— Знаю ли я ее? — Анджея нахмурился, его губы слегка дрожали. — До вчерашнего дня я считал, что знаю.

— А что произошло вчера?

— Боюсь, что...

— Давай же напрямик, быка за рога! Гуляет? Торгует золотом? Обманывает тебя? Какие-нибудь дела с иностранцами?

— Нет. Послушай, может, я здорово ошибаюсь, может быть, я чего-то не понимаю, но... Дело об убийстве Киршвальда! И этот английский текст о летучих мышах.

Щенсный посерезнел. «Плохо,— подумал он.— Если с этого начинает, тогда совсем плохо».

— Конечно, помню, — ответил он.— Мы ведем расследование, хотя и с трудом. Но что это дело имеет общего с ней? С этой девушкой... Как ее зовут?

— Дорота Викторская.

— Ну и?..

Ланецкий начал свой рассказ. Шепотом, осторожно, хотя зал был совсем пуст, запинаясь на каждом слове. Майор не перебивал, только его черные, узкие глаза поблескивали в тусклом свете ламп. Слушая, он пробовал сразу же делать кое-какие выводы, уложить все

в памяти. Вдруг он подумал: так и есть, сходится. Так могло быть.

— Пойми, она не сказала прямо, в чем дело,— закончил капитан.— Это, по ее словам, всего лишь небольшой риск, а счастливое будущее может означать отъезд в другой город, бегство от ее родителей, от моей работы. Я юрист, значит, я мог бы работать, в ее представлении, адвокатом, иметь частную практику. Много зарабатывать. Невероятно! — Он внезапно заволновался.— Взрослая женщина, кажется, интеллигентная, начитанная, знание двух иностранных языков — и такая наивная, простушка. Легко сказать: уйти с работы в милиции, открыть адвокатскую контору, сразу получить хорошую квартиру, на мелкие расходы тысяч двадцать... Забавно...

Щенсный вздохнул. «Если бы я ошибался,— подумал он,— но скорее всего это правда».

— А ты ее очень любишь? — неохотно спросил он, с этого надо было бы и начать.

Анджей опустил голову, первно затеребил бумажную салфетку.

— Очень,— наконец ответил он.— И хватит об этом.

— Я знаю, что ты не будешь исполнять передо мной любовную серенаду. Я спросил потому, что вижу все это в ином свете. Гораздо хуже, чем ты думаешь. Не морочишь ли ты себе голову этой адвокатурой, отъездом в Krakow, Gdańsk либо еще куда-то? Или ты и впрямь ничего не подозреваешь?

Ланецкий долго молчал, пока Щенсному не стало его жаль. Он понимал, что в разговоре они дошли до самого главного, после чего уже отступать некуда.

— Ну что же, хотя, черт возьми, почему ты мне предлагаешь быть судьей этой девушки? Итак, разъясняю. Она... Конечно, я могу ошибиться. Дорота потребует от тебя скоро, чтобы ты достал ей визитную кар-

точку «Летучих мышей», которая хранится в сейфе в отделе экспертизы документов. Она скажет тебе: «Если ты меня любишь, то принеси ее мне тайком. Сделай так, чтобы у тебя была пара дней для подготовки к отъезду. Я достану тебе фальшивый паспорт, и мы уедем за границу». У нее есть там родственники?

— Есть. Дядя, брат матери. Живет в Мюнхене.

— Ее мать немка?

— Как сказать... — Анджей заколебался. — По происхождению. Еще до войны она вышла замуж за Викторского, у нее польское гражданство.

— Где они находились в оккупации?

— Кажется, в Швейцарии. А после войны жили в Варшаве на Сенной, там я с ними и познакомился. Сейчас у них вилла на Горашевской. Дорота довольно часто ездила за границу к этому дяде. Если не ошибаюсь, была и в Лондоне. Слушай, ведь это абсолютно невозможно, она ничего не имеет общего с убийством Киршвальда и всем этим делом.

— С убийством — нет. Тут я с тобой согласен. Но не с «Летучими мышами»... Я не обвиняю ее в террористических побуждениях. Я склонен думать, что ее хотят использовать, зная о ваших отношениях и твоей профессии. Увы, у твоей Дороты, должно быть, длинный язык. И любит денежки. Анджей, мы со всех сторон анализировали проблему «Летучих мышей», пришли к выводу, основанному на довольно твердой почве, что по какой-то причине они будут пытаться вернуть визитку с римской шестеркой. Какой бы ни была эта причина, документ нужно беречь. В уголовном розыске он в безопасности. Разве что нашелся бы кто-то...

Ланецкий резко поднял опущенную голову, посмотрел сердито.

— Такой кто-то не найдется, — сказал он твердо.

— Я же не обвиняю. Просто пытаюсь следить за ходом мыслей террористов, если «Летучие мыши» та-

ковыми являются, мы ведь, собственно говоря, почти ничего о них не знаем. Твоя девушка элегантная, носит заграничные тряпки, пользуется дорогими духами. Это очень дорого стоит. Понимаешь, что я имею в виду? Жаль мне, парень, но попробуй посмотреть на нее с другой стороны. На самом ли деле она имеет все это от своих родителей?

— Понимаю, ты считаешь, что где-то там в ФРГ или Англии ей обещали, а вероятно, частично уже дали порядочное количество денег взамен на...

— Как ты ее нашел после этих шестнадцати лет? Ты искал ее?

— Нет. Мы столкнулись на тротуаре. И она меня узнала. Случайно.

— Ты уверен? А если все это «происшествие» было заранее запланировано, инсценировано?

— Хватит,— резко сказал Ланецкий. Лицо его стиснула какая-то жалкая гримаса, оно стало бледным, почти серым.— Хватит,— повторил он.— Я должен это сам...

Щенсный смотрел на него полный сочувствия, злости, немного бессильный, немного злой сам на себя.

— Извини, Анджей. Я не мог по-другому. С тобой приключилась паскудная история, результаты могут быть трагические. Ты прекрасный специалист, хороший офицер милиции, тебе нельзя хоронить прошлого и будущего. Тридцать два года, человек! Вся жизнь перед тобой. Я не позволю тебе ее испортить.

— Я пойду домой,— проговорил капитан.— Всю ночь не спал.

У кафе Щенсный крепко пожал ему руку, тот вдруг спросил:

— Ты мне веришь, что я не сделаю никакого свинства? Скажи, веришь?

— Как себе самому,— ответил майор. И он действительно так думал.

Через два дня Дорота остановила машину перед домом, где жил Ланецкий, и поднялась на третий этаж. Позвонила в дверь так, как они когда-то условились: четыре коротких звонка, один за другим. Но никто не ответил, в квартире царила никем не нарушаемая тишина. Она посмотрела на часы: двадцать два часа шесть минут. В это время он чаще всего уже дома. Позвонила еще пару раз. Без результата. «Неужели уехал, не предупредив», — думала она, сбегая по ступенькам. В подъезде мимо нее прошел какой-то мужчина, в куртке и меховой шапке. На секунду их глаза встретились, тот отвернулся первым и начал подниматься наверх. Она удивилась: до сих пор в глазах каждого мужчины она видела только восхищение, признание красоты, желание зацепить ее. Этот смотрел по-другому. Холодно, равнодушно. «Как на старую, противную бабу», — рассердилась она, уязвленная в своей женской гордыне, привыкшая к поклонению.

Села в автомобиль. Решила дождаться Анджея. Может, он задержался на работе. Окна квартиры были темными, запавески задернуты. Она включила обогрев, запахнула дубленку. Через пятнадцать минут из ворот вышел тот же мужчина в меховой шапке. Остановился на секунду, посмотрел на автомобиль. Не спеша прошел мимо и пропал за поворотом.

«Какое мне до него дело? — думала Дорота. — Наверное, пришел к кому-то и не застал дома. Как я. Может, к Анджею...» Не имело смысла дольше ждать. Решила, что завтра позвонит в уголовный розыск. Хотя он и просил, чтобы делала это как можно реже. Но если его нет дома, не отвечает, то это, видимо, единственный выход.

Позвонила в десятом часу. К телефону подошла какая-то женщина с низким голосом. Дорота попросила капитана Ланецкого.

— Нет капитана, — ответила женщина.

— А когда его можно застать?

— О, не скоро. Уехал в командировку на два-три месяца.

— Что-то случилось?

— Нет, с чего вы взяли! Просто командировали на спецзадание. Но я не имею права информировать вас.

— Я должна с ним увидеться. У меня очень важное дело. Очень вас прошу, дайте мне его адрес.— В трубке раздался щелчок. Дорота не привыкла так легко отказываться от достижения поставленной цели. Ее красивое лицо было первым козырем в игре, в которую она играла уже несколько лет, и пока с успехом. Вторым козырем были деньги.

Под конец рабочего дня она была на Уяздовской аллее. Не спеша прогуливаясь, она наблюдала за дверями. Около шестнадцати оттуда стали выходить работники, по одиночке и группами. Одни спешили к автобусам, другие к запаркованным автомобилям. Она внимательно присматривалась к ним и наконец решилась: этот. Своим легким шагом подошла, улыбнулась:

— Можно вас о чем-то спросить?

Мужчина остановился, неуверенно посмотрел на нее. Было видно, что собирается с мыслями и старается припомнить: знаю я ее или нет?

— Я хотела по важному делу увидеться с капитаном Ланецким. Его домашний телефон не отвечает. Он не заболел?

Молодой человек, стоящий перед ней, был явно заинтересован не столько вопросом, сколько красивой девушкой. Он смотрел на нее с удовольствием.

— Ланецкий? — растерянно повторил мужчина.— Нет, по-моему, нет.

— Кажется, он уехал?

— Ах, правда. Он в командировке за границей. Вер-

нется через несколько месяцев. Наведайтесь, скажем, летом.

Летом? Нахмурила брови. Она спешила, время неумолимо шло.

Глава 6

Последняя неделя февраля выдалась снова морозная. Валил снег, который пачинал таять, так как столбик термометра неожиданно подскакивал вверх. Но так же резко к исходу суток он опускался значительно ниже нуля. И оттепель сменялась морозом.

Эдвин Киршвальд по возвращении из Штатов преболел дней десять и не мог уже совершать свои прогулки по кладбищу. После смерти брата он часто наведывался туда, шел между могил, очень старых и совсем новых, пока не останавливался у «своей». Он так ее называл: здесь лежал Вернер, родители, вроде бы еще и дед, хотя Эдвин его не помнил, а табличка с фамилиями стерлась. Здесь когда-нибудь и он... С тех пор как погиб Вернер, Эдвин опять переехал во Франкфурт-на-Майне, потому что по некоторым соображениям квартира брата была удобнее, тем более он хотел держать под контролем фирму.

В понедельник ему стало лучше, и он подъехал на сером «мерседесе» к кладбищенским воротам. День как будто становился теплее, чувствовалось, что весна уже близко. Киршвальд удивился, увидев, что на скамейке у могилы кто-то сидит. Он решил, что это, паверное, кто-то из пенсионеров фирмы решил помянуть старого товарища или, быть может, шефа. Но в сидящем человеке он не узнавал никого из знакомых.

Когда Киршвальд приблизился к могиле, незнакомец поднял голову и поприветствовал его, приподняв шляпу. Потом не спеша встал. «Незнакомое лицо», —

решил Эдвин, отвечая на приветствие. Мужчине этому было не больше сорока с небольшим, может, даже меньше, на пенсионера он похож не был. Средний рост, худой, светлые волосы и борода клином, на глазах большие очки в черной оправе. Ниже глаза на левой стороне лица виднелся довольно большой косой шрам. Одетый в черное элегантное пальто английского покроя и белый (шелковый) шарф, он держал в руке трость с оригинальной ручкой в виде птичьей головы. Когда незнакомец заговорил, Киршвальд почувствовал в его немецком едва заметный акцент.

— Разрешите выразить вам свое соболезнование в связи с кончиной брата,— сказал незнакомец.— Это большая и болезненная потеря для меня, с которой до сегодняшнего дня я не могу смириться.

— Благодарю за слова сочувствия. Извините меня за мой вопрос, откуда вы знали моего брата? Я не припоминаю...

— Sorry *, я, видимо, сильно взволнован. Меня зовут Давид О'Брайен, с Вернером я познакомился много лет тому назад во время его пребывания в Лондоне. Потом мы виделись время от времени то в Англии, куда он приезжал, то во Франкфурте, где я бывал по делам фирмы. Я руковожу строительной фирмой,— добавил он и продолжал: — Я узнал Вас по фотографиям, которые ваш брат мне показывал. Слишком поздно до меня дошло известие о его трагической смерти, поэтому я не успел на похороны. Два дня назад я снова приехал в ваш прекрасный город и поспешил сюда, чтобы хоть сейчас положить цветы на могилу Вернера.

Эдвин невольно посмотрел на надгробие. Там лежал букет белой сирени, наверняка очень дорогой в это время года. Присел на лавочку. Англичанин, а может быть, ирландец, судя по фамилии, сел рядом с ним. Не-

* Извините (англ.).

сколько минут оба молчали, как бы отдавшись воспоминаниям об умершем, затем Киршвальд сказал:

— Брат никогда не говорил о вашем... — он заколебался, — знакомстве или дружбе. Но я знаю, что он был скрытен и немногословен. Когда после выхода на пенсию я переехал в Мюнхен, наши связи еще больше ослабли.

— А теперь вы вернулись во Франкфурт. В его квартиру.

Что-то было странное в этих на вид обычных словах. Эдвин внимательно посмотрел на О'Брайена.

— И вас заинтересовала моя особа, не так ли?

Давид ответил не сразу. Он огляделся по сторонам; на кладбище, кроме них, не было ни одной живой души, не считая стаи ворон, кружавших между деревьями.

— Да, — наконец ответил он, — с этой целью я приехал.

— Вернер... мой брат задолжал у вас? Если так, то для личных целей, не в интересах фирмы. Конечно, я готов оплатить... в разумных пределах.

— Вы ошибаетесь. Вернер никогда не брал у меня денег. И приехал я не за этим.

— Тогда я ничего не понимаю. В чем дело?

— Я хочу забрать знак.

Киршвальд вздрогнул, его лицо медленно бледнело, губы затряслись.

— Я все еще не понимаю, — прошептал он, с трудом выдавливая слова.

— Вы прекрасно понимаете. Речь идет о тексте летучей мыши. О шестерке. Вы были в Польше, вы забрали оттуда не только тело покойного, но и все его вещи. У Вернера должен был быть при себе знак.

— Мне его не дали. Я спрашивал, очень осторожно, но мне только показали фотографию визитки. Мне пришлось делать вид, что я вижу ее впервые.

— О ком вы говорите: они?

— Конечно же о польской милиции. Я просил, чтобы показали оригинал, но они не согласились. Я ничего не мог поделать.— Эдвин развел руками.

— Надо было требовать настойчивее. Визитка принадлежала вашему брату, была его собственностью, так по какому праву ее оставили в Варшаве?

— Поймите меня, мне все время приходилось приходить к вам, что у Вернера этого при себе не было! Как я мог требовать того, что официально его собственностью не было?

Эдвин поднялся со скамейки, встал у могилы, оперся о гранитную плиту, как бы желая тем самым оградить память покойного от каких-либо вмешательств, а одновременно и себя. Он посмотрел на О'Брайена с ненавистью и прошептал:

— С самого начала, с тех пор как Вернер сказал мне, что принадлежит вам, я делал все, что мог, чтобы вырвать его из ваших рук. Я просил, умолял, объяснял... Напрасно. Отвечал, что уже поздно, что кто раз связался с вами, должен работать и делать что велят до конца. Действительно, я не предвидел такой конец, а то бы я увез его на Северный полюс или в Австралию. Теперь я знаю, что и туда доходят ваши щупальца. И вы убили его! Вы, а никакой не польский бандит. Вы хуже самого большого проходимца, в сто крат хуже! За деньги вы убиваете любого, лишь бы кто-нибудь другой заплатил. Если бы не «Летучие мыши», мой брат спокойно бы жил и работал.

— Он брал деньги,— перебил О'Брайен.— Большие.

— За чью-то жизни! Был преступником по вашей милости. Что вы с ним сделали! Гады!

Эдвин трясясь. В гневе он сорвал с головы шляпу, и она упала на землю. О'Брайен стремительно отошел в сторону, ему показалось, что собеседник бросится на него.

— Успокойтесь,— сказал он наконец твердо.— Его это уже не воскресит. Сядьте.— Поднял шляпу, стряхнул спег, сунул Эдвина в руки.— Наденьте. Простудитесь.

Киршвальд тяжело опустился на скамейку, вытер взмокшее лицо.

— В общем, знака у меня нет,— сказал он уже спокойнее.— Так и скажите своим шефам в Мюнхене... тому, кого называют Первым, что у меня его нет и пусть меня оставят в покое.

— Он даже и это вам говорил? — удивился Давид.— О Первом? Что за наглость и неосторожность.

Эдвин поднял голову и взглянул на него со смешинкой:

— Да, говорил, говорил! Раз проговорился в горячке, когда болел, потом я развязал ему язык, потому что мне все это страшно не нравилось. Он всегда был со мной откровенен. Тем более он знал, что я никому об этом не скажу, иначе бы я приговорил его к смерти. Но я не уследил. Даже у него вырвалось, что где-то там на Терезиенштрассе... Бог с ним, вы и так знаете.

О'Брайен положил ему руку на плечо:

— Послушайте, я был другом Вернера, и поверьте мне, что я не был причастен к его смерти, я на самом деле не знал об этом. Может, если б знал, я мог бы помешать этому. Поэтому, во имя этой дружбы, я забуду обо всем, что вы здесь говорили. Но прошу, однако, убедительно прошу, чтобы вы со своей стороны не говорили никому о нашем разговоре, вообще обо мне, потому что, только храня строжайшую тайну, вы сохранишите жизнь и себе, и мне.

Киршвальд удивленно слушал, он не ожидал этих слов от «Летучих мышей».

— Неужели и среди вас нашелся человек,— проговорил он с сомнением.

— Думайте как хотите. Но обещайте мне, что сде-

лаете то, о чем я вас прошу. Чего требую,— добавил Давид строже.

— Хорошо. Я не хочу ни вашей, ни моей смерти. Вероятно, мы больше не увидимся?

— Нет.

— И О'Брайен не ваше имя?

— Это не важно, как меня зовут. Мы цифры.

Киршвальд, заколебавшись, протянул руку на прощание, тот слегка пожал ее. Потом они разошлись в разные стороны.

В полночь в отеле «Стайгенбергер», на площади Канцлера в Бонне, сидели двое мужчин. Один из них, с вытянутым смуглым лицом, с темными глазами и носом как клюв у грифа, был хозяином номера, который следовало бы скорее назвать апартаментом. «Стайгенбергер» принадлежал к самым дорогим, высококлассным отелям, а расположение его вблизи здания Управления канцлера и других высоких учреждений прибавляло ему престижа.

Обоих мужчин, погруженных в тихую беседу, которую надежно заглушала, на случай скрытых микрофонов, рок-музыка, передаваемая по радио, не интересовало ни местонахождение отеля, ни его фешенебельные помещения. У второго, худого со светлыми волосами и коротко подстриженной бородкой, в очках, на левой щеке был шрам. Он время от времени брал чашечку с кофе, внимательно слушая своего коллегу. Внезапно он энергично перебил собеседника.

— Я не боюсь Стамбула,— сказал он.— И вообще Турции. Я немного знаю эту страну. Я боюсь, что он мне не поверит, даже если я скажу пароль.

Смуглый отрицательно покачал головой.

— Поверит,— заверил он.— Хотя на всякий случай дам тебе кое-что.

— Никаких писем! — воспротивился светловолосый.

сый.— Никаких документов, ничего написанного или напечатанного. Кассеты и ленты — тоже нет.

— Ты не дал мне закончить,— остановил его смуглый.— Я дам тебе кое-что, что вместе с паролем откроет его рот и сердце.

Он встал с кресла, подошел к столику, где лежало несколько мелких предметов. Из маленькой черной сумочки он извлек что-то и, держа на ладони, протянул своему гостю. Это был золотой браслет, на внутренней стороне была выбита надпись. Человек со шрамом наклонился, взял его в руку.

— По-арабски,— проговорил разочарованно.

— Да, здесь написано: «Аллах корусун», то есть «Да хранит тебя Аллах». Это очень старый браслет: сегодня в Турции не пользуются этим алфавитом и изречением... Хотя случается,— добавил, подумав: — Повтори.

— Аллах корусун. Запомнил. Мне показать ему это перед тем, как сказать пароль, или после?

— Сориентируешься на месте. Может, хватит одного пароля. Если узнаешь все, что нужно, отдашь ему браслет. От меня. А если с самого начала выразит к тебе недоверие, тогда покажи сразу. Запомнил пароль?

— Да. «Чанд Бардаи напоминает». Ведь это не твое имя. Кто это или кем был Чанд Бардаи?

Смуглый слегка улыбнулся:

— Один из самых знаменитых литераторов, писавших на языке хинди. Двенадцатый век. Я просто взял его имя как пароль. И исключительно для Орхана, хотя с литературой у него немного общего. Но он знает меня под этим именем. Слушай, друг, а ты сможешь с ним договориться на его языке? Он, правда, немного что-то бормочет по-английски, но почти ничего.

— Я говорю по-турецки очень слабо, но элементарными словами договорюсь. Справлюсь.

Он выпил, посмотрел смуглому прямо в глаза:

— Сказать тебе просто спасибо — это слишком мало.

— Не надо благодарить, — ответил его товарищ, также вставая. — Мы оба боремся за правое дело. Только еще раз напоминаю тебе, дружище, чтобы ты вел себя как осторожный умный зверь. Пусть твои уши и глаза постоянно будут открыты, потому что опасность будет грозить тебе каждую секунду и на каждом шагу. Оденься как я тебе советовал. Ни с кем, кроме Орхана, не разговаривай. И береги себя, потому что я хочу увидеть тебя живого.

— Знаю. Я тоже хочу вернуться. Стамбул — это всего лишь половина задания, которое я должен выполнить. Итак, прощай, и до свидания.

*

Он искал его с рассвета, а сейчас уже смеркалось. Неспокойно спал в крохотной каморке на тюфяке со слежалой соломой, положив под голову мешок, в который налихал кучу разноцветного тряпья. Ранним утром он проснулся, обмыл лицо в тазу с водой, стоящем на старом комоде, а потом долго, старательно придавал коже смуглость, затемнял волосы на голове и бороде, сменил рубашку, надел сандалии на босу ногу. Заплатил хозяину за ночлег и вышел на улицу.

В одной из закусочных он выпил йогурт с булочкой, на берегу купил у рыбака жареной на углях рыбы, вместе со щепоткой соли в бумажке и кусочком пшеничного хлеба. Присел на пустую бочку, внимательно осмотрелся. Ел, прислушиваясь к шуму улицы, к разговорам на чужом, хотя уже немного знакомом языке. Всю эту неделю он скитался по побережью и в порту, заглядывал в грязноватые кабачки, расположенные в нижних этажах зданий, грыз жареную кукурузу, ни о чем не расспрашивал и ничего не отвечал, если кто-то пытался с ним заговорить. Когда ситуация становилась

трудной, он красноречивым жестом показывал на рот: немой. Тогда его оставляли в покое. Зашел даже в район умерших — очень старое кладбище, где первый раз увидел на надгробьях каменные тюрбаны и чалмы. Потом вернулся на Большой базар, хотя знал, что его там не встретит, но хотел посмотреть эту огромную рыночную площадь, где можно купить все: от грошовой жестяники до бесценных антикварных вещей, если, конечно, иметь в наличии тысячи лир. Он вышел с базара через один из восемнадцати ворот и направился в сторону моста Галата. У него было большое желание съесть ягненка, фаршированного рисом, для этого надо было зайти в ресторан. А его могли туда не пустить да еще вдобавок угостить тумаком: такой у него был вид. Так что лучше не рисковать.

Когда начало смеркаться, он услышал монотонные, стонущие крики муэдзинов. Вместе со всеми мужчинами упал на колени, бился головой о землю, как и подобало верному мусульманину. Продавец в длинном фартуке протянул ему сандвич с салами, предлагая выпить теплое сладкое молоко, но тот замотал головой, так как имел врожденную аллергию к молоку. Два сандвича утолили голод, и хотя он мог бы съесть еще, но не решался. Тот, кто выглядит как он, не должен иметь слишком много денег.

Наконец когда в порту вспыхнули тысячи фонарей, отражаясь своими блестками в темных волнах Босфора, он увидел группу грузчиков, которые сидели кучкой под стеной у магазина и потягивали чай. Они спяли со спин приспособления для переноски тяжестей, молчали или изредка обменивались между собой короткими фразами. Из-под тряпок и полотенец, которыми были обмотаны головы, стекали капли пота.

У каждого был свой номер. Он был зарегистрирован, принадлежал хозяину корабля или магазина. Каждому разрешено было передвигаться только в границах

сектора, а конкуренты неустанно сторожили места и безжалостно расправлялись с чужаком.

Человек, который с самого утра искал нужного ему грузчика, наконец увидел его. Он сидел немного в стиропе от других, в углублении стены. Человек подошел, присел рядом и несколько минут молчал, глядя в золотистые воды Босфора. Потом осторожно повернул голову в сторону грузчика.

— Мегнава, — сказал он вполголоса.

— Мегнава, — ответил грузчик, как обычно отвечают на приветствие. Не шевельнулся, веки его были опущены, будто он дремал.

— Чанд Бардаи напоминает...

Грузчик вздрогнул, широко открыл глаза и посмотрел на говорящего. Ждал, считая, что мог ослышаться. Тот повторил:

— Чанд Бардаи напоминает, Орхан!

— Кто ты? — тихо спросил грузчик. Оглянулся по сторонам, никого вблизи не заметил: остальные сидели далеко.

— Называй меня как хочешь.

— Ты не турок. Говоришь как иностранец.

— Это не важно. Ты понял меня?

— Да, но... — На его лице обозначилось сомнение, почти страх.

Тогда чужеземец достал тонкий золотой браслет, завернутый в тряпочку, и проговорил:

— Аллах корусун. Да хранит тебя Аллах.

Орхан осторожно взял из рук золотую вещицу, посмотрел на надпись, и едва заметная улыбка скользнула по его губам. Отдал браслет и прошептал:

— Хочешь, чтобы я говорил? Но не здесь. Идем!

Они шли вдоль берега. На мосту Галата, соединяющем Европу с Азией, который повис как громадная перемычка, мчались автомобили. Даже сюда, вниз, долетал смрад выхлопных газов и неустанный шум транс-

порта. Орхан, поглядывая временами на лицо пришельца, вел его узкими улочками Стамбула, через площадь Эминёню над Золотым Рогом, мимо маленьких гостиниц, кабачков, лавок с запахом жареной рыбы, овощей, уже открывшихсяочных заведений.

Наконец он остановился перед старым, осевшим в землю домом. Посмотрел вокруг и стал подниматься по скрипящим деревянным ступенькам. Открыл дверь, зашел первым и зажег в прихожей свет.

— Здесь я живу, — сказал он, приглашая гостя зайти. — Один. Ни жены, ни детей. Войди, садись. Хочешь есть?

— Спасибо. Я поел в порту.

— Что ел?

— Два сандвича.

— Мало. Подожди, приготовлю ужин.

Пришелец разглядывал комнату, обставленную скромно и чисто. Через пятнадцать минут Орхан поставил на стол порядочный кусок жареного ягненка, хлеб и чай. Ели молча, мясо было сочное, вкусное. Потом гость отодвинул тарелки и поблагодарил:

— Тезекюр едерим, — сказал он, старательно выговаривая слога.

Орхан улыбнулся.

— Кто тебя учил турецкому? — спросил он, не ожидая ответа. Убрал со стола, вытащил из какого-то закутка бутылку и два стаканчика. Налил, пододвинул чужеземцу. — С водой или без?

— Это ракия?

— Да. Анисовая. Мы обычно пьем ее, разбавляя водой.

— Пусть будет все по-вашему, — согласился он. Не хотел показывать своего нетерпения: у них была впереди целая ночь, хотя он должен был считаться с тем, что на рассвете хозяин должен идти на работу в порт. Ждал удивительно спокойно, только в глазах то появ-

лялись, то гасли искорки возрастающего возбуждения.

Орхан внезапно встал, подошел к шкафу в углу. Через минуту на столе лежала небольшая потускневшая фотография: он, моложе, пожалуй, лет на десять, рядом улыбающаяся женщина с затуманенными, восточными глазами и ребенок, может, лет пяти, прижавшийся к родителям. Гость взял фотографию в руку, с минуту смотрел, потом поднял вопрошающий взгляд.

— Это Халида, моя жена,— сказал Орхан,— и мой сын Джелал.

— Где они?

Орхан долго молчал. Наконец расстегнул рубашку на груди и показал страшный, глубокий шрам между ребрами.

— Думали, что я умер,— прошептал он.— Убили ее и ребенка, хотя я защищался изо всех сил, но не смог, их было шестеро. Оставили меня едва живого у трупов моей семьи. Я проснулся в чужой комнате, на кровати. Это он меня нашел, спас и вызвал врача.

— Чанд Бардаи?

— Да. Он похоронил Халиду и Джелала. А потом... сказал мне, кто их убил.

— «Бэтс»?

Лицо Орхана исказилось, как у злой собаки, из очей метнулись молнии гнева.

— Я проклинаю их каждый день и каждую ночь!

— Но они могли тебя снова встретить.

— Я скрывался. Долгие годы. Это... та смерть была не в Стамбуле, а в Анатолии. Чанд отвез меня далеко, к самой границе. Только шесть лет спустя я приехал сюда. Я не всегда был носильщиком. С тех пор как я встретился с Чандом, я...— он запнулся,— ну, я с ним в постоянном контакте,— закончил неловко,— ищу то, что он ищет, и передаю ему то, что ему нужно.

Он забрал со стола фотокарточку, спрятал в шкафу, вернулся на место и налил в стаканчики ракии.

— Я не спрашиваю, откуда ты,— продолжал он,— мне достаточно, что тебя прислал Чанд Бардаи. А теперь говори. Что ты хочешь узнать? Скажу тебе все, что знаю.

Разговор длился несколько часов. Гость слушал с огромным вниманием, запоминая. Иногда он просил повторить, так как не был силен в турецком языке, иногда Орхан пользовался своим плохим английским. Тем не менее в результате пришелец узнал все, что хотел, и даже больше. Было, наверное, часа два ночи, когда он встал и, вынув из узелка браслет, протянул Орхану.

— Ты это даешь мне? — удивился хозяин.

— Так велел Чанд.

— Тезеккюр едерим. Ты увидишься с ним?

— Надеюсь. Если без помех выйду отсюда.

Орхан бросил на него взгляд, покачал головой:

— Береги себя. А когда увидишь его, скажи, что я буду помнить его до конца жизни. Его и то, что он сделал для меня.

Они пожали друг другу руки крепко, по-дружески.

— Да хранит тебя Аллах,— сказал Орхан.

План Стамбула, в силу обстоятельств поверхностный, был закодирован в его памяти несколько недель тому назад. Поэтому он шел, довольно уверенно передвигаясь вдоль стен узких улочек, избегая ярко освещенных площадей и парков. Так он добрался до более новой части города — Бейоглу, называемой все еще Первой, населенной, кроме турков, другими национальностями. Миновав главную фешенебельную улицу, очутился среди бедных строений и бараков.

Бдительный слух уловил за собой чьи-то шаги — ставшие тихими, но настойчивыми. Предпочитая не оглядываться, засунул руку за полотняный пояс, нашупал короткий острый нож, вытащил его и уже не выпускал из ладони. Ему нельзя было атаковать, однако он имел право защищаться в случае нападения.

Чтобы удостовериться, какие намерения у человека, идущего сзади, пошел с ним в ногу. Он остановился у витрины маленького магазинчика. В стекле вдалеке видна была тень, тоже остановилась, минуту подождала. Тут же что-то просвистело в воздухе, болью прошло по плечу и воткнулось между кирпичей старой стены, блеснуло стальным лезвием. Человек у витрины молниеносно обернулся, но уже никого не заметил. Услышал только звук удаляющихся шагов.

Он подошел к ножу, который все еще колебался от силы броска, взял тряпку, вынул его из стены и спрятал за пазуху. На пальцах была кровь. Осмотрелся: уже было недалеко до цели, к которой стремился. Подумал, что не стоит заниматься плечом на улице, нападение может повториться. Он шел быстрым шагом, пока не оказался перед домом несколько лучшего вида, чем остальные. Дом стоял поодаль от тротуара на кусочке земли, заросшей кустами и травой.

Позвонил в дверь на втором этаже. Ему открыл заспанный, зевающий мужчина, одетый в цветастую пижаму. Он посторонился, пропустил гостя в квартиру и старательно закрыл дверь на двойной замок. Только тогда, присмотревшись к вошедшему, широко открыл от удивления глаза.

— Ты ранен? — спросил он на ломаном английском. — Надо тебя осмотреть. Может быть заражение, если... — замолчал, потому что тот уже исчез в ванной. — На полке есть спирт и йод! — крикнул хозяин. — А в шкафа бинт.

Постоял с минуту, зевнул так, что щелкнула челюсть. Поплелся в кухню, поставил воду для чая. Бурчал что-то про себя, почесывался, прислушиваясь время от времени к шагам и шорохам за стеной.

— Сайд! — донеслось до хозяина.

— Сейчас, — проворчал он. Снял с плиты закипевший чайник, вошел в ванную.

— Перевяжи,— сказал гость, подавая ему бинт. Саид справился с этим ловко, видно было, что это ему не впервой. Сгреб грязные тряпки и окровавленную рубашку, не спрашивая, что случилось. Он привык говорить ровно столько, сколько было необходимо. В комнату принес горячий чай. Подождал, пока чашка опустеет, забрал и вышел. Гость повалился на застеленный диван, заснул, несмотря на деревенеющую от боли руку. Спал до полудня, а Саид не будил его, хотя завтрак был готов. Когда его жилец наконец встал, сменил ему повязку.

— Едешь сегодня? — спросил, выставляя на стол перец, салами, большие куски какой-то рыбы и овощи.

— Да.

— Лучше завтра. Пусть заживет.

Гость, раздумывая минуту, кивнул головой:

— Наверное, ты прав. Полечу завтра в девять. А как прошла ночь?

— Спокойно,— ответил Саид,— тебя не выследили?

— Думаю, что нет. Я колесил по подворотням и улочкам.

— Это хорошо.

Потом он спал, слушал музыку по радио, размышлял. Пересказывал по памяти все то, о чем говорил Орхан, чтобы ни о чем не забыть. Ночное нападение не принял всерьез: это мог быть обычный бандит, заставившийся в темных улицах Перы. Скорее всего трусивый бандит, потому что, не убив, убежал. Те бы не убежали.

На следующий день утром из дома вышел мужчина в черном пальто с белым шарфом и в шляпе. У него были светлые волосы и коротко постриженная бородка, а на левой щеке длинный косой шрам. Он дошел до ближайшей стоянки такси и оттуда не спеша поехал в аэропорт.

*

Плечо все же болело, поднялась температура. Он остановился в скромном отеле «Морена». Лечился сам, у незнакомого врача могли возникнуть подозрения от колотой ножевой раны, а это уже было опасно. Вообще Мюнхен становился опасным, если находиться в нем больше часа. Поэтому он сам перевязывал руку, пил таблетки от заражения и температуры, в конце концов, верил в свои силы, здоровый организм.

Человек, с которым он хотел встретиться, уехал на несколько дней. В почтовом ящике оставил открытку, ничего не говорящую непосвященному человеку. Ждал, выздоравливал. В субботу вечером в двери гостинично-го номера тихо постучали. Это был «К-5». Тепло, подружески поздоровались. «К-5» — поручик польской разведки, в Мюнхене носил фамилию Мартин Шрот, в Польше — Рышард Кожевский. С виду напоминал мелкого владельца магазина: небольшой, крепкий, лысоватый, с округлым румяным лицом и веселыми янтарного цвета глазами, передвигался немного неуклюже, переваливаясь с ноги на ногу, как медвежонок. Да к тому же остроумный, разговорчивый, прекрасно знающий как немецкий язык, так и обычай местных жителей.

Увидел лекарство и бинт, забеспокоился:

— Что случилось, Стах?

«Р-8» легкомысленно махнул рукой:

— Слегка поцарапали.

— Здесь?!

— Нет. В Мюнхене, пожалуй, воспользовались бы пистолетом. В одной экзотической стране,— виновато улыбнулся он, а Рышард понял и больше не спрашивал. Каждый из них был связан служебной тайной и открывал ее настолько и тогда, когда это было необходимо для совместной работы.

— Слушай, возьми меня к себе на квартиру. Там и поговорим.

— Прекрасно,— обрадовался Кожевский,— собирай вещи, внизу у меня машина.

Мартин Шрот занимал на одной из боковых улиц города двухкомнатную квартиру на третьем этаже. Дом был спокойный, жили в нем служащие скромного достатка, устававшие от работы и в общем доброжелательно-равнодушные к соседям. Кожевский придерживался тех же правил, не входя ни с кем в близкие контакты. Знали, что он где-то работает, что вдовец, бездетный, что является членом общества певцов и спортклуба, время от времени посещает какой-то кабачок или пивную, где может выпить подряд четыре кружки пива, а потом еще четыре. Это импонировало только некоторым, жители Мюнхена пьют пиво самозабвенно, занимая в этом первое место в мире. Кожевский, когда появлялся в Варшаве, не мог смотреть на пиво без отвращения. Только благодаря систематическим физическим упражнениям он не слишком обрастал жиром, а его живот не был похож на бочку.

В квартире капитан снял повязку с плеча, и они вместе осмотрели рану. Заживала нормально, шрам покровел, разгладился, собственно, повязка была уже не нужна.

— Все в порядке,— решил он. Натянул рубашку и теплый свитер: середина марта напоминала скорее ноябрь.

Рышард сварил кофе, сделал несколько бутербродов. Сели, посмотрели друг на друга, и «Р-8» рассмеялся.

— Толстееешь,— сказал он,— кругленький, как луна.

— Зато ты похудел, как щенка. Ты постился в этой экзотике, что ли?

— Нервы. Всегда теряю в весе, когда работаю.

— Не бережешь себя, Стах. Так долго не протянем.

— Каждый раз, когда бываю дома, слышу это от Гражины. Хватит. Да и времени у нас мало.

— Хорошо. С чего начнем?

— С этого.— Стак протянул цветное фото. Кожевский увидел на нем мужчины с правильными чертами лица, темными волосами и сигаретой в левой руке, на правой отчетливо видны часы.

— Кто это?

— Один из «Летучих мышей». Почти уверен, что это тот, который убил Вернера Киршвальда в лесу под Варшавой. Знаешь эту историю?

— Да, конечно. Я ведь рыскал за фотографией Эдвина, его брата. Кажется, он недавно вернулся из Штатов.

— Эдвин нам уже не нужен. Я разговаривал с ним на кладбище во Франкфурте у могилы Вернера.

— Нашел место!

— Не хуже остальных. Принял он меня за одного из «Бэтсов» и немного раскололся. Терезиенштрассе — это тебе что-нибудь говорит?

Кожевский сдвинул брови, с минуту думал.

— Есть контакты между некоторыми людьми из Энглишер Гарден и кем-то из дома номер шесть с улицы, о которой ты упомянул. О ком речь?

— Увы, пока что знаю только псевдоним — Первый. А тот, чей портрет держишь в руке,— это Третий.

— Почему портрет, а не фотография? Ты уверен, что описание сходится?

— Как раз в этой «экзотике», откуда вернулся, я получил подтверждение внешности Третьего. Действительно, портрет показал прямо-таки поразительное сходство с этим человеком, который совершенно точно является левшой. Но нашим в Варшаве этого недостаточно. Мы должны достать подлинные снимки в нескольких вариантах, записать голос. Щенсный требует пучок волос, то есть сравнительный материал.

— Не вырвем же мы их из головы! Хотя подожди, это, по-моему, можно устроить.

— Парикмахер?

— Да. Бреется наверняка дома, по время от времени должен стричься. Но сначала надо его найти. Там, где ты был, случайно не дали его адрес?

Капитан взглянул на саркастически улыбающееся лицо друга и покачал головой:

— Это после пива у тебя такое настроение? Нет, адреса не дали. И вообще мы не уверены, живет ли он в Мюнхене! Может, только приезжает раз в квартал. Предположим, что живет. Как найти человека, если знаешь его только с виду? Тем более он мог отпустить бороду, усы.

— Скитаясь по улицам и кабакам, мы можем его искать до... смерти. Вижу пока одну возможность: наблюдение за домом на Терезиенштрассе, шесть. Если они выбрали такие псевдонимы, то так называемый Первый наверняка их шеф. А к шефу время от времени надо приходить. Это все слабо, расплывчено, но попробуй предложить лучший план.

Еще какое-то время они обсуждали разные версии, и все же остановились на первом варианте. Вооружились японскими микрофотоаппаратами, которые можно спрятать в одежде, папке или оправе очков, и микрофонами, невидимыми глазу, такими чувствительными, что улавливали малейшее колебание звука, перемену интонации в голосе, глотание слюны; они установили наблюдение за Терезиенштрассе, 6.

Но до этого потрудились над тем, чтобы внешний вид никоим образом не вызвал подозрений. Казалось бы, чего проще: переодеться, украсить лицо усами и бородой или сделать его гладким, в очках или без, взять тросточку, превратиться в юношу или спортсмена. Но они понимали, что имеют дело с серьезным противником, осторожным, не гнушающимся никакими средст-

вами. Если заметит, что за ним кто-то следит, вся работа пойдет насмарку.

Поэтому они готовились очень тщательно, причем капитан полагался на Рышарда, ведь тот лучше его знал, как выглядит средний житель Мюнхена, как одевается, какие курит сигареты и т. д. Наблюдение установили так, чтобы меняться через шесть часов.

— Там есть маленькое кафе, — сказал Кожевский. — Почти напротив дома номер шесть. Можно там посидеть, хотя я заметил, что там собираются гомосексуалисты, я с ними не люблю иметь дело. Правда, есть еще пара магазинов. Ах, да, вот тебе список жильцов дома, — протянул ему листок. — Нет, не всех. Некоторые живут инкогнито. Я вычислил пять таких на десятом этаже и двух на одиннадцатом.

— Какие там квартиры?

— Большие и дорогие. Твой информатор из экзотической страны не дал тебе никаких подробностей, касающихся Первого?

— Нет. Он просто не знает. Помог, в чем мог. Остальное за нами.

Начали работать, как лошади в одной упряжке, хотя каждый самостоятельно. Когда один уходил из дома, второй заканчивал наблюдение. Оставляли друг другу записки: «Купи масло, а то кончается» или: «Заплати за свет, деньги на столе». Так прошла неделя, потом другая. Пришла весна, зазеленели кусты и трава. Люди скинули зимние одежды, проходя по улице, расстегивали пальто. Прошла пасха, нахлынули теплые проливные дожди.

Однажды днем к дому номер шесть на Терезиенштрассе подошел высокий, симпатичный мужчина с папкой в левой руке. «Р-8» вздрогнул, дрожь возбуждения пробежала по телу. Это был Третий.

Глава 7

— Ты не должна забывать, что у меня ограничены возможности покупки бензина,— сказал Викторский кисло.— Есть трамвай, автобусы. Но ты даже до ближайшего магазина предпочитаешь брать машину. И к середине апреля весь лимит уже исчерпан.

Отец был не в настроении, решила она, глядя на его искривившееся лицо и опухшие веки.

— У тебя неприятности? — спросила она примирительно.— Я могу тебе чем-то помочь?

Он погладил ее по голове, вздохнул:

— Это дела не для таких хорошеных девушек, как ты. Сам справлюсь. А насчет бензина переговори с Балицким.

Слегка надутая, она стояла на остановке. Только в автобусе вспомнила, что у нее нет билетов, надо было выйти, подойти к киоску, потом снова ждать, протискиваться в толпе пассажиров, которые смыли бы плащ. К счастью, кто-то обратил внимание на Дороту и уступил ей место.

«Никогда к этому не привыкну,— думала она, всматриваясь в запыленные стекла.— Вырваться отсюда в большой мир! За любую цену!»

Вышла на Краковском предместье, знала, что Балицкий перешел из «Европейской» в кафе «Виктория» по каким-то там причинам. Когда она сдавала плащ в гардероб, кто-то ей поклонился, мило улыбаясь. Струйный мужчина, блондин, со смуглым лицом и черными узкими глазами, смотрел на нее с нескрываемым удовольствием. Она любила такие взгляды.

И вдруг она вспомнила, что знает его. И тогда мгновенно приняла решение.

— Добрый день! — сказала, подходя к нему.— Вы коллега Анджея, верно?

— Совершенно верно,— ответил он, целуя ей руку.— Хотел подойти первым, поздороваться, но боялся, что пани подумает, что я как бы навязываюсь.

— У меня хорошая память,— ответила она.

— Извините, вы тут с кем-то встречаетесь?

— Ищу одного человека, но его, наверное, здесь нет.

— Тогда приглашаю наверх, в кафе.

Сели возле окна. Щенсный заказал два кофе. Дорота попросила тоник, пирожные отвергла решительным образом. Несколько минут они забавлялись разговором ни о чем, подбрасывая слова, как мячики. Потом Дорота сказала с сожалением в голосе:

— Вы не знаете, что происходит с Анджеем? Выехал так неожиданно, даже не предупредил, не написал ни слова... Это на него не похоже.

— Ну, что ж. В нашей работе такое случается. Иногда вечером получаем распоряжение, чтобы рано утром выехать на день или на более длительный срок.

— И правда, что он не может оттуда написать?

— Откуда?

— Ну, не знаю, где он на самом деле, вероятно, за границей. Ведь есть телефоны, почта. Ведь не находится же он на краю света?

— Представления не имею, где он. Так сильно вы скучаете по нему? — Щенсный заглянул ей в глаза.

— Вовсе не скучаю! — рассердилась она.— У меня масса знакомых. Могу среди них выбирать кого угодно. Просто меня удивляет, что Анджей... Вы не знаете, когда он возвращается?

— Кажется, где-то в июле. Или в августе.

Нервно закурила сигарету, затянулась; лицо ее постарело лет на десять.

— Анджей что-то обещал вам? — спросил он осторожно.— Не сделал обещанного и теперь у вас хлопоты? Может, я мог бы его заменить?

Обвела его долгим, внимательным взглядом. Молча-

ла, а он не настаивал. Переменил тему, завел разговор о телесериале «Рабыня Изaura», который одни смешивали с грязью, а другие им восхищались. Спросил Дороту об отпускных планах, навел на разговор о страхах, в которых она успела побывать. Ее рассказы были интересными, хотя и очень поверхностными. Вновь в разговоре затронул он Ланецкого и сказал:

— Знаете, я очень уважаю Анджея. Это великолепный знаток своего дела. Раскроет тайну любого документа. Не знаю, рассказывал ли он о письмах Шопена?

— Да. Вспоминал и об уникальной записи, сделанной на пергаменте. А у вас есть контакты с отделом криминалистики?

— Конечно,— рассмеялся Щенсный.— Время от времени просим этих прекрасных специалистов о помощи.

Он подумал, что она более наивна, чем полагал. Тем не менее не возобновлял предложения заменить Ланецкого. Это должно было идти от нее. Пусть, еще не сегодня.

— Вы правы,— отозвалась она наконец.— Анджея обещал мне устроить одно дело, однако, видимо, не успел до отъезда. Может быть, вы могли бы..

— Скажите, в чем дело. Может, и смогу.

— Видите ли,— начала она медленно, подбиравая слова.— Я помогаю матери в нашем магазине. Это лавочка, мы продаем разные симпатичные мелочи, и нам очень хочется иметь постоянно что-то новое, оригинальное. Есть проблемы с материалами для этих шарфиков, платочек, брошек. Ищем разные варианты покупок. Многое делаем с матерью сами. Так вот, Анджея как-то вспоминал, что в его руки попал удивительный документ, выполненный на шелковистой бумаге, крепкой и красивой. Якобы документ этот находится в отделе криминалистики. Для следствия или чего-то в этом роде это все роли не играет, я в этом не разбира-

юсь, а интерес вызвал именно сорт бумаги. Подумала я тогда, что если бы ее можно было скопировать, а у меня есть знакомый химик, то можно было бы на ней рисовать различные интересные образцы и... продавать девушкам, которые увлекаются оригинальными мелочами. Как говорится, выходим навстречу пожеланиям человека,— рассмеялась Дорота, хотя глаза ее оставались холодными.

Щенсный принял тупое выражение лица, на какое только был способен, и с некоторым сомнением произнес:

— В принципе я это все прекрасно понимаю, только... Хотя нет. Не понимаю.

— Может, я высказалась не совсем ясно для сотрудника милиции.

Он проглотил иронию. Это было очень кстати. Подтолкнет ее к тому, чтобы выразиться абсолютно ясно, без недомолвок.

— Просто Анджей обещал, что принесет кусок этой бумаги и позволит мне сделать копию. На несколько дней, не дольше. Теперь-то наконец до вас дошло?

Вопрос прозвучал почти нагло, однако Дорота подарила майору прекрасную улыбку и легко коснулась его руки. Пальцы были у нее нежные, теплые.

— Так, значит, хотел одолжить, чтобы этот знакомый химик... А если он не сможет?

— Это уже наша забота,— ответила раздраженно.

— Потому что в отделе наверняка не нашли бы времена на копию,— продолжал медленно Щенсный.— Вы знаете, они все очень заняты. Хотя если бы захотели, тоже могли бы это сделать, там тоже есть химики. Может, попробовать? — посмотрел на нее вопрошающе.

— Нет! — Девушка с трудом сдержала себя.— У меня еще есть совесть, чтобы своими делами не загружать экспертов отдела. Я уверена, что мой знакомый

точно узнает сорт бумаги и ему удастся сделать точно такую же.

— Ну, если вы уверены... Но я до сих пор не знаю, о какой бумаге вы говорите? О каком документе?

Дорота раздавила в пепельнице окурок и закурила новую сигарету. Бросила на Щенсного быстрый взгляд, с минуту молчала. Он старался выглядеть добродушным и дружелюбным. «Скомбинировала эту историю, пока ждала его, поэтому она шита белыми нитками,— думал майор,— теперь боится сказать прямо. Еще не верит. Но сейчас скажет. У нее нет другого выхода. Интересно, почему «Летучие мыши» использовали такой примитивный мозжечок... У нее только немного ловкости и красоты. Или не нашли в Польше другого человека, или не знают ее».

— Что Анджей говорил вам обо мне? — спросила она, резко меняя тему разговора.

— Только хорошее. Восхищался вашей красотой, обаянием, элегантностью. В общем, он не ошибся.

— Вы давно его знаете?

— От сотворения мира. То есть несколько лет.

Опять ей ничего не оставалось, как вновь вернуться к разговору о документе. Но она должна быть уверена, что ему это безразлично. Да, к тому же — это для него сущий пустяк, хотя и дружеская услуга Анджею.

— Я точно не знаю, как он выглядит,— начала она осторожно,— кажется, маленькая белая карточка в металлической оправе. В середине, поскольку она согнута, написан какой-то текст о... кажется, о птицах или же бабочках. По-английски.

— А Анджей не говорил, каким образом этот документ попал к нам?

— Наверное, нет. Постойте, я сейчас вспомню.— Она задумалась.— Кажется, его где-то нашли и хранят как интересный экспонат.

— Вы уверены, что о бабочках? В отделе кримина-

листики ведь много разных документов. И он ничего больше не сказал?

— Ага, вспомнила! — Ее лицо посветлело. — Не о бабочках, а о летучих мышах.

«Плохо играешь, девочка, — подумал он. — В кино бы никто тебя не взял на роль. Разве что из-за красоты, но это не все».

— О летучих мышах? Интересно. Зачем кому-то писать о летучих мышах и еще вставлять это в оправу? Да вдобавок по-английски.

Он заметил, что Дорота сжала пальцы, аж побелели косточки. Должно быть, обозлилась на его тупость и с трудом сдерживала гнев. Теперь ему было нелегко разрядить обстановку, хотя игра стоила свеч.

— Я не знаю зачем, — устало ответила она. — Людям разное приходит в голову. Видимо, кто-то любил летучих мышей.

Убедившись, что Дорота находится уже на грани первого истощения, он приступил к делу.

— Итак, — сказал он спокойно. — Я с удовольствием выручу Анджея и постараюсь принести эту бумажку. Естественно, не сегодня и, видимо, не завтра. Скажем, — он задумался, — в четверг. Лучше всего сюда, в кафе. Во сколько?

— Как вам будет удобно, — ответила она с нескрываемой радостью. — Я могу в любой момент уйти из магазина.

— Тогда, может быть, в двенадцать? Я считаю, что мне удастся так организовать день, чтобы было время забежать в «Викторию». А теперь, — он посмотрел на часы, — к сожалению, я уже должен идти.

Он рассчитался с официанткой, в гардеробе галантно подал своей даме пальто, попрощался у гостиницы. Дорота наградила его такой очаровательной улыбкой, что он стал быстро вспоминать, как выглядит Анка, чтобы сгладить это впечатление. «Ты, глупый старый

конь,— проклинал он себя, идя через Саский парк,— смотри не вlipни. Достаточно того, что она осложнила жизнь твоему коллеге, который сидит далеко отсюда, в нашем доме отдыха, теоретически заканчивает докторскую диссертацию, а практически скучает и страдает. О, если б она была чуть некрасивее... Вот что баба может сделать с человеком».

Дорота, вспомнив о Балицком, вернулась в кафе, но уже не застала его. Заглянула в гостиницу «Европейская», побродила по центру города. Каждый ее шаг находился под наблюдением, иногда следили женщины, временами мужчины, довольно часто они меняли друг друга, чтобы не возбудить ее подозрений. Они обращали внимание на тех, с кем она хоть мимолетно разговаривала, и фотографировали. Материалы шли во дворец Мостовских, где работали компьютеры в дактилоскопических регистрациях, а офицеры различных служб рассматривали эти фотографии и заглядывали в старые папки.

Не зная ничего этого, Дорота встретилась с Балицким вблизи «Суперсама», когда тот торговался с продавщицей из-за пучка редиски. Седой валютчик мог пропить за ночь тысячи золотых, но был необычайно скуп в контактах с людьми, стоящими, по его мнению, на более низком уровне. Каждый выторгованный злотый приводил его в своеобразный восторг.

Увидев девушки, он перестал торговаться, ему стало немного стыдно. Договорившись о бензине, они разошлись — она домой, а он — к торговке, так как ему нужна была редиска. Баба, с пренебрежением бормоча под нос разные ругательства, продала ему пучок за полцены, чтоб только отвязаться.

— Что ж вы так ни с того ни с сего? — засмеялась ее соседка с корзиной, наполненной яйцами. — Если этот тип хочет задарма, то пусть посадит у себя в огороде.

— Идите вы!..— буркнул он, пряча редиску в сумку.

Не ответили. Но когда он отвернулся, они прицепили ему сзади к плащу грязный старый морковный хвост, и он так и шел по городу, слыша за спиной смешки и не понимая, кому они адресованы.

*

«Р-8» сидел в кабинете полковника Полевского, пил кофе и рассказывал о поездке. Это не был служебный отчет, скорее подробный рассказ о днях, когда они с Кожевским терпеливо ждали появления Третьего.

В кабинете, кроме хозяина, находились также Данилович и Щенсный. Капитан разложил на столе фотографии, сделанные в Мюнхене, и кассеты с записями голоса.

— Сравните снимки с рисунком,— сказал Стах,— по-моему, сходство поразительно.

— Художнице положена большая коробка шоколадок,— проговорил Щенсный и выразительно посмотрел на своего шефа.

— Откуда я тебе возьму шоколадки? — вздохнул Данилович.— Я сам бы съел.

— У тебя нет ходов к фабрике «Ведель»?

— Нет, чтоб ты знал.

— Так сделай. Тем более Иоланте причитается награда получше, чем сладости.

— Товарищи, потом решите, как быть с Иолантой,— перебил Полевский.— Говори дальше, Стах. Ты остановился на том, что Третий наконец появился на улице у дома номер шесть. Был загrimирован?

— К счастью, нет, а то я бы его не узнал. Я подошел с сигаретой во рту, в этот день я был похож на зажиточного, румяного Мюллера после пяти кружек пива. Попросил огня. Он остановился, пригляделся ко мне внимательно, но это, наверное, только по привычке.

Вытащил зажигалку и дал мне прикуриТЬ. Левой рукой я поблагодариЛ, болтая что-то о матче, на который он, видимо, спешит к телевизору, вскользь бросил что-то о мюнхенской команде, они должны были играть с итальянцами. Подействовало, потому что взгляд его стал мягче, понял, что он разбирается в спорте, пришлось быть внимательным, чтобы не спутать итальянского вратаря с каким-то защитником. Таким образом я запи-сал несколько минут разговора и сделал снимки.

— Он не догадался?

— Если бы догадался, я бы уже нюхал цветы снизу. У меня был прекрасный фотоаппарат, такой микроскопический, что уместился в пуговице пальто. Только вот снимки делает черно-белые. А эти цветные мы сделали с Рышардом, когда Третий выходил из дома. А я еще перед этим вошел за ним внутрь и остановился в холле у газетного киоска. В конце концов купил спички, потому что он стоял у лифта и мог что-нибудь по-думать. Он поднялся, как я подсчитал, относительно скорости лифта и времени, на одиннадцатый этаж. Где-то через час спустился вниз. Тогда его перехватил Кожевский, внизу у него стоял «фольксваген». Третий сел в «мерседес», но не торопился, ехал медленно, было много машин, и черный автомобиль Рышарда терялся среди остальных. Не буду уже вдаваться во все подробности нашей работы. Во всяком случае, мы знаем, как его зовут, что официально делает и где живет. Это Вилли Шульц, служащий крупной автомобильной фирмы, устраивает там сделки типа купли-продажи, ездит по стране, за границу тоже. У него приличная квартира на Туркенштрассе. Жена, двое детей.

— Ну, а этот на одиннадцатом этаже? Этот Первый? — спросил Данилович. — Что за тип?

«Р-8» покачал головой.

— Не знаю, — ответил. — Чтобы точно вычислить «Летучих мышей», мне необходимо по крайней мере не-

сколько месяцев. Не знаю, пожелает ли мое руководство дать на это согласие. Для вас, я думаю, достаточно того, что стал известен потенциальный убийца Вернера — Вилли Шульц. Кто убрал Шнайдера, я считаю, что мы не знаем. Остается затянуть Вилли Шульца сюда и представить перед польским судом. Но я весьма сомневаюсь, найдем ли мы существенный повод, который заставил бы его вновь приехать.

— Знак,— проговорил Щенсный.

— Да, вы правы. Третий должен получить знак,— сказал «Р-8»,— я узнал от Орхана, что когда ликвидируют одного из своих людей, то забирают его знак. Не ориентируясь еще, почему это так важно для «Летучих мышей». Но это факт.— И я думаю, что у Шульца достаточно здравого рассудка, чтобы не показываться в Польше. Его могли видеть тогда в лесу, его мог запомнить десяток людей.

Щенсный не отвечал. Следующий день был четверг.

*

Пришел на пятнадцать минут раньше, занял стул так, чтобы наблюдать за входом. Большинство мест в кафе занимали иностранцы, черноволосые, смуглые туристы и торговцы из третьего мира. Какие-то пожилые дамы поедали свежие пирожные, по два на человека. Девушка в черных кожаных брюках и шелковой красной кофточке выразительно ожидала предложений. Оценила майора внимательным взглядом, легко усмехнулась и отвернулась, как бы говоря: «Ты красив, но не при деньгах. Я разбираюсь в этом».

Он подмигнул ей, просто так, чтобы скрасить нудное ожидание. Дорота опаздывала. Вдруг Щенсный заметил женщину из разведслужбы, входящую медленно в кафе. Она выглядела как студентка математического вуза последнего курса: бледная, неряшливо причесанная, в очках на несколько длиноватом носу, с книгой

под мышкой. Она была интереснее для тех, кто знал, как прекрасна она в дзюдо и одна из лучших в стрельбе. Посмотрела на него равнодушно, села недалеко от входа. Через несколько секунд появилась Дорота.

— Я опоздала.— Она была растеряна и как-будто чем-то напугана.— У меня был неприятный разговор...— замолчала, прикусила нижнюю губу.— Закажите мне кофе.

Она пила мелкими глотками, в перерывах затягиваясь сигаретой. Он недовольно покачал головой:

— Вы слишком много курите. Жаль эту прекрасную кожу.

— Пачка в день. Ничего со мной не случится.

Она оперлась о подлокотники кресла, какое-то время сидела с прикрытыми веками. Под глазами у нее были настоящие тени и две маленькие морщинки у рта. Он подумал, что ей нет еще тридцати, но, как и в прошлый раз, выглядит старше. Не начиная разговора, ждал, пока она напомнит сама о том, что он должен был принести.

— Извините,— она улыбнулась.— Иногда у всех бывают неприятности....— опять не закончила.— Вы достали эту бумажку?

Он вынул из кармана плоскую коробочку, открыл. Там лежала визитка «Летучих мышей», почти совсем такая же, как та, которую нашли в пиджаке Вернера Киршвальда. Разница была в сорте бумаги и мелких деталях, невидимых для глаза, но лучше сделать он уже не мог. Вместе с профессором — химиком и товарищем из его отдела Войташком они работали над визиткой всю предыдущую ночь аж до рассвета.

У девушки заблестели глаза. Она вытащила знак из коробочки, осмотрела. Хотела открыть рамку, но не знала, как это сделать, и он помог ей. Листок развернулся, на нем была надпись: «Small nocturnal...» и так далее, точно тот текст, что был на той. Внимательно

наблюдал за Доротой, желая убедиться, насколько она посвящена в содержание.

— Анджей был прав,— сказала она радостно.— Это прекрасный сорт бумаги, мягкий, как шелк. Прекрасно на нём получатся переводные картинки, особенно цветы.

— Если только ваш знакомый сможет проникнуть в тайну этого сорта бумаги и сделать такой же.

— О, наверняка. Спасибо за услугу!

Она положила знак в коробочку и хотела спрятать его в свою сумку, но он воспротивился этому. Взял коробочку из ее рук, положил в карман. На удивленный взгляд Дороты сказал с сожалением:

— Очень мне жаль, но вам придется немного подождать. Я пока взял эту бумагу только на полдня, и то с трудом. Дело в том, что мой товарищ, который занимается документами, заболел и возвращается только в понедельник. После долгих препирательств мне удалось заполучить это, но я дал слово вернуть до шестнадцати ноль-ноль. Я принес просто затем, чтобы вы могли убедиться, действительно ли это то, что вам надо.

Девушка не скрывала огорчения. Она посматривала то на него, то куда-то в окна кафе. Затем спросила:

— Вы действительно не можете мне это оставить? Это ведь такая мелочь! Этот товарищ наверняка даже не заметит, что бумажки нет в шкафу или где там еще хранят эти вещи. А я бы вам вернула в понедельник. Хорошо? — Она наклонилась над столиком, положила ладонь на его руку, стиснула пальцы. Ее лицо оказалось близко от его лица, он почувствовал запах дорогих духов. Девушка в очках слегка приподняла брови, как будто удивляясь чему-то.

— Я действительно не могу,— ответил он. Его немного раздражал взгляд с того столика у входа, чувствовал его, хотя не смотрел в сторону «математика».—

Милая пани Дорота, клянусь, что вы получите документ не позже утра во вторник. Мы можем уже сегодня договориться, скажем, на десять здесь, в этом кафе. Договорились? Хорошо. Ровно в десять. Мне это очень нужно.

«Она уже не играет,— подумал он.— Никогда не был ей нужен этот кусочек бумаги. Знакомый химик и сам может сделать двадцать таких шелковистых, если хорошо поработает. Сколько им этого надо было бы? Самое большое несколько десятков метров. И не такие вещи химики делали».

Встала, попрощалась у столика. Щенсный сказал, что еще останется. «Чтобы не мешать слежке»,— добавил мысленно. «Математик» небрежным шагом направилась за Доротой, на улице наблюдение принял водитель «Вартбурга», который затем терпеливо ехал за голубой «ауди» аж до Горашевской. Там ждал уже не кто другой.

Щенсный вернулся во дворец Мостовских, рассказал Даниловичу о встрече. Теперь самое важное было узнать, каким образом Дорота сконтактируется с человеком, которому наверняка передаст известие о знаке.

— Как ты думаешь, она не догадалась, что фальшивка? — спросил Данилович, который был настроен довольно скептически, да еще нога беспокоила — менялась погода, давление снизилось.

— Исключено! — запротестовал майор.— Для этого она должна была иметь специальную аппаратуру. Вот если Третий приедет хотя бы на один день, то, может быть, сразу здесь, в Польше, захочет проверить подлинность визитки. Поэтому...— Щенсный замешкался, но только мгновенье,— ты должен достать настоящий знак.

— Я?!

— Ты, потому что мне не дадут.

— Ты откровенен,— сказал шеф иронично.— Допустим даже, что у меня это получится. Где гарантия, что документ вернется в отдел целым и не лишенным своих оригинальных черт? И что он вообще вернется?

— Нужно рискнуть.

— Ты бредишь?! — В ноге болезненно закололо, и полковник заговорил сердито: — Этот тип может явиться под другой фамилией, полностью загrimированный, с визой на въезд и выезд, проедет на машине через любой пограничный пункт, получит что ему нужно, и ищи ветра в поле.

— Ты забыл о Дороте. Мы не спускаем с нее глаз. Она так обставлена наблюдением, что и шага не сделает без нашего ведома. Стефан, я этого преступника должен поставить перед судом. Любое преступление, совершенное в Польше, не может остаться нераскрытым и безнаказанным. Любое.

— Ты мне тут не митингуй... Ну, хорошо. Я хочу знать точную дату приезда Третьего. Надо ведь обговорить множество деталей. Думаю, что нам очень пригодится Гвяздор с его группой.

*

Первый вызвал его к себе ночью. Некоторые считали, что такиеочные вызовы гарантируют лучшую конспирацию. Правда была зарыта в другом месте: Первый страдал бессонницей, засыпал только с рассветом и просыпался около полудня.

Третий шел с тяжелым сердцем. До сих пор он не добыл из Польши знак «шестерки». Попытка проникнуть в уголовный розыск, предпринятая, казалось бы, опытным взломщиком, которому посулили доллары, не удалась. Здание было «наэлектризовано», как это позднее объяснял взломщик посреднику, когда, несмотря ни на что, ему удалось бежать. Как это он рассказывал? «Черт возьми, я шел в полночь, пробрался в скве-

рик с задней стороны дома, темно, как у негра в живо-те, там растет высокое дерево, я взобрался, дотянулся до окна, попробовал легонько его выдавить, а тут что-то свистнуло внутри, во всех окнах загорелся свет, черт возьми, чуть ноги не поломал, пока удирал по улице».

Третий, когда узнал все это от посредника, подумал, что следовало бы ликвидировать преступника. Посредник был с ним согласен. Но варшавский жулик это, наверное, предвидел и испарился, как камфара, и найти его не удалось.

Таким образом, оставалась только Дорота. Третий контактировал с нею через некоего зарубежного корреспондента, который часто путешествовал то в Варшаву, то обратно в Бонн. Работал в одном из агентств на площади Тульпенфельд, в ансамбле бетонных зданий, построенных по инициативе и на деньги страхового общества. Здесь размещались редакции, агентства, кабинеты корреспондентов, радио- и телецентры Федеративной Республики. Именно здесь Третий иногда навещал этого корреспондента и, не посвящая его в суть дела, поручал ему разные мелкие, но очень важные для «Летучих мышей» задания. Платил он хорошо, поэтому корреспондент ему никогда не отказывал. В Варшаве корреспондент познакомился с Доротой. Она была в его вкусе, и встречи с ней в магазине или кафе имели для него двойную ценность: красивая девушка и деньги.

Третий поднялся на лифте на одиннадцатый этаж, позвонил. Дверь открыл, как обычно, мужчина с невыразительным лицом, незаметный в своей серой, немногого великоватой одежде. Сбоку виднелся засунутый за брючный ремень пистолет, кольт с длинным стволом. Третий только раз позволил себе ошибиться. Будучи немного пьян, попробовал сдвинуть этого «никакого» мужчину, чтобы войти в квартиру. Получил молниеносный удар рукояткой по голове; только благодаря исключ-

чительной прочности своего черепа ему удалось оставаться невредимым.

— Извините, — сказал тогда этот тип, вылив ему ведро воды на голову. Это было единственное слово, которое он услышал.

Теперь Третий не пытался ступить даже шагу, пока тот не пригласил его войти. Потом, с дрожью в руках, с пересохшим горлом, вошел в кабинет, остановился на пороге и ждал.

Первый сидел за столом, рядом с его рукой стоял стакан с минеральной водой и рюмка, до половины наполненная коньяком. Последнее время он охотно менял сорта алкоголя. Первый с явным удовольствием рассматривал порнографический еженедельник и казалось, что он вообще не заметил появления своего сотрудника. Третий знал, однако, что шеф видит и слышит больше, чем ему кажется. Поэтому стоял молча на мягким ковре, пытаясь совладать с дрожью в ногах. Наконец Первый поднял голову.

— Десять дней, — сказал он, не повышая голоса. Отложил журнал. Третий не понимал. А точнее, не хотел еще понимать.

— Да, шеф? — спросил несмело.

— Даю тебе последние десять дней. Если знак Шестого из Польши не будет представлен, тобой займется Четвертый.

Четвертый был исполнителем приговоров тем из «Летучих мышей», которым не удалось или которые по собственной вине не выполнили задания. Делал он это с отвратительным садизмом, его нельзя было ни уговорить, ни подкупить, нельзя было также скрыться от него. До сих пор, однако, Третий считал, что приговоры, приводимые в исполнение его руками, не касаются никого из первой пятерки, а исключительно «Летучих мышей» низшего порядка. Теперь он услышал другое.

— Меня не касается, каким путем ты достанешь

знак из Польши,— продолжал Первый. Перед ним на столе лежали маленькие карты, которыми он раскладывал пасьянс; если он не сходился, Первый выпивал дополнительную рюмку коньяка и продолжал игру.

— Меня там засекли,— напомнил Третий шепотом.

— Знаю. Но это не преграда для «Летучих мышей». Гrim, другая фамилия, другой паспорт... Мне тебя учить? В случае нужды дашь сломать себе нос, прооперировать губы, это мелочь. Из твоих действий до сих пор ничего не вышло. Ты нашел плохих помощников там, в Варшаве. Поэтому должен ехать сам.— Посмотрел на календарь и добавил: — Четвертого мая ты придешь сюда и вручишь мне знак Шестого. Чтобы была ясность: знак Вернера Киршвальда. А то я не помню, объяснял ли я тебе, что у каждого из дублеров есть свой знак с только ему присущей особенностью. Поэтому не пробуй, например, обезвредить кого-нибудь из дублеров Шестого и забрать у него знак, я это безошибочно определию.

Третий, который только что размышлял над этой возможностью, опустил голову. Шеф бросил на него беглый взгляд, положил на десятку валета, хотя должен был сделать наоборот, но он любил маленькие шулерства в картах. Потом движением руки показал на дверь. Третий поклонился и вышел.

— Дурак,— проворчал Первый. Переложил десятку на валета. Пасьянс вышел.

*

— Скажите, пожалуйста, сколько стоит эта кофточка?

Дорота посмотрела сначала на того, кто спрашивает, потом на белую кофточку с ручной вышивкой.

— Четыре двести,— ответила.

Девушка протяжно свистнула, засунула руки в кар-

маны джинсов. Стоящий рядом парень раздраженно сказал:

— Пойдем же, здесь безумные цены. Не будь глупой.

— Знаю. Хочу только посмотреть. Такую кофточку,— присмотрелась к ней критично,— можно самой сшить дома и вышить. Знаешь, я сошью такую,— прошептала ему на ухо. Они рассмеялись, покрутились по магазину и вышли, прижавшись друг к другу.

— Может, ты слишком много запросила? — спросила пани Викторская.

Дорота отрицательно покачала головой. В этот момент сквозь кучку клиентов протиснулась женщина в бежевом костюме, со множеством браслетов и колец.

— Это ручная вышивка? — спросила она, рассматривая кофточку.

— Да.

— Сколько стоит?

— Шесть четыреста,— без колебаний ответила Дорота.

— Заверните.

Мать обменялась с дочкой взглядом и вздохнула. Она не умела так, как Дорота, в мгновение ока оценить клиентку и соответственно установить цену. Она боялась контроля, частные магазины модной одежды все еще находились под огнем критики. Когда, однако, пробовала делать дочке замечания, та отвечала надменно: «Мы никого не заставляем, чтобы покупали у нас. Если нет денег, пусть идет в дешевый магазин. Мы продаем модные шмотки для состоятельной клиентуры».

Было правдой, что интерес процветал. Поэтому трудно было спорить с Доротой. Карточки с ценами менялись в ее руках в зависимости от покупателей. Покупатели в магазине не торговались.

В пятом часу в лавочку зашел мужчина в светлом расстегнутом плаще, развевающемся при каждом дви-

жении. У него были курчавые волосы, зачесанные назад, нос с широкими ноздрями и четкие губы, которые то улыбались, то приобретали выражение важности. Через плечо он повесил фотоаппарат в кожаном футляре.

Дорота заметила его, позвала движением головы. Поздоровались, отошли от прилавка. Говорили по-немецки.

— Я виделся с ним вчера,— проговорил гость.— У меня для вас есть известие, которого я, правда, не понимаю, но это не важно. Так вот, он вам дает срок: пять дней на то, чтобы вы достали ту вещь, вы, видимо, знаете какую. Передадите ему лично.

— Лично? — Она поразилась, испугалась.— Это значит, что мне надо с этим... с этой вещью ехать в Мюнхен? Я боюсь.

— Нет. Он приедет.

— Сюда? Ведь он мне говорил как-то, что ему отказали в визе. А мне так быстро не дадут паспорт.

— Дорогая, не волнуйся,— взял ее за руки, попытался притянуть к себе, но она воспротивилась, и он отказался от своего намерения.— Видимо, он приедет таким образом, что с ним ничего не случится.

— На машине?

— Самолетом. У него будет мало времени, наверное, получит двенадцатичасовую визу. В этот промежуток времени между его прилетом и отлетом вы должны появиться в аэропорту, дать ему эту таинственную вещь и исчезнуть.

Она задумалась, нервно теребила пальцы.

— Если прилетит в Международный аэропорт, то меня туда не пустят без билета и таможенного досмотра.

— Но он, имея визу, о которой я говорил, выйдет в зал, а туда вы можете войти без проблем. Это не вы должны пробираться к нему сквозь стены,— пошутил

он, желая развеселить ее,— это он к вам придет. С такой визой у него есть право выйти в город, подцепить девушку, заказать хороший обед в «Форуме». В любом случае я бы так сделал. А сейчас прошу меня выслушать дальше. Сегодня пятница. Он хочет прилететь в среду на будущей неделе, но должен быть, конечно же, убежден, что у вас уже эта вещь есть. Самое позднее во вторник я должен ему сообщить. Поэтому приду сюда или, если хотите, в кафе во вторник в полдень. Если узнаю, что все в порядке, дам ему знать и в среду с пятнадцати часов прошу вас ждать его на «Окенче», не перепутайте аэропорт, милая пани Дорота. Международный, зал прилета. Хотя мы еще увидимся, и я вам напомню.

— Не надо,— проворчала сердито.— А если мне не удастся достать эту вещь? Что тогда?

Нахмурился, губы сузились веревочкой.

— На вашем месте,— сказал он, тщательно выбирая слова,— я бы сделал все, о чем я говорил.

Третий, вернее, Вилли Шульц, потому что он знал его только под настоящей фамилией, сказал ему тогда на Тульпенфельд: «Послушай, Герберт. Пять тысяч марок, если все дело пройдет успешно. Дырку от пуговицы, если нет».

Ставка искушала. Герберт очень нуждался в этих пяти тысячах, поэтому решил за любую цену уговорить Дороту, чтобы она послушалась его. Не знал он, правда, что и откуда она должна достать, но считал, что с этим трудностей у нее не будет.

— Хорошо,— сказала она наконец.— Встретимся во вторник в пять. В кафе, а то здесь слишком большое движение. Скажем, в «Уяздовском». Знаете, где это?

— Конечно.

Поцеловал ей руку, заглянул в глаза, полные тревоги и даже страха, утешил: «Все будет хорошо». Она задержала его еще, огорченная новой мыслью.

— Если он приедет очень изменившимся, загrimированным, я его не узнаю. Что тогда?

— Не думайте об этом,— заверил.— Он вас узнает. Ваша обязанность находиться в зале и ждать, лучше с цветами, как будто встречаете кого-то. Самолет может запоздать, прошу тогда терпеливо ждать,— повторил он.— Итак, до встречи в «Уяздовском».

Через час к майору Щенсному пришел парень в джинсах с длинными волосами и безразличным выражением лица. Выражение это исчезло, когда сел напротив Щенсного и начал доклад. А закончил его так:

— Во вторник у них встреча в семнадцать поль-поль в кафе «Уяздовском». Она и этот иностранный тип, Герберт Шмидт. Его легко узнать, у него характерный нос.

— Спасибо, сержант,— сказал Щенсный.— Не спрашиваю, каким путем ты достал эту информацию, потому что знаю, что ты все равно не скажешь.— Сержант рассмеялся, он умел выполнять трудные задания, но ревниво берег свои «ходы» и контакты. Присутствующий при разговоре Полонский добавил:

— Этого Шмидта мы уже немножко знаем. В Польше он не аккредитован, работает для одного агента в Бонне. В этом деле он, я считаю, только передает информацию.

— Видимо, там, Богдан. Жаль, что не удалось убедить Старого заполучить оригинальный знак. Считает, что это слишком большой риск. Придется мне вручить Дороте подделку. Может, это и верно... Третий и так не успеет с ним уехать.— Задумался.— Он узнает Дороту в аэропорту, а мы тогда его...

Глава 8

Она боялась. Что-то нехорошее происходило вокруг нее, чему она не могла воспрепятствовать. Еще два года, год тому назад была уверена, что никто не в состоянии нарушить ее безмятежный стиль жизни. Была красива, богата. Множество знакомых, а прежде всего — родители, заботящиеся о своей единственной дочери, как о драгоценном камне. Ей незнаком был труд, повседневные заботы, а к работе в магазине она относилась как к развлечению.

Поездки к дяде в Мюнхен были бесконечной цепью радостных приключений. Богатый промышленник не скучился на подарки племяннице, а летом возил ее к озеру Стариберг или Бад Вайсс, зимой далеко на лыжные прогулки. Она любила танцевать ночи напролет, чаще всего в элегантном отеле «Хилтон» либо в китайских ресторанах, которые можно встретить в любом районе города. После лыжных прогулок пила горячий грог, настоенный на красном вине и ягодах, а после танцев — коньяк.

— Ты хотела бы протанцевать всю жизнь? — шутя спросил как-то дядя.

— Может быть, — засмеялась она.

У него была красивая машина «Плимут» цвета темной меди с золотой полоской на кузове. Она очень хотела приехать на ней хоть раз в Польшу, но он не согласился. Несмотря ни на что, он ценил машину дороже, чем красивую племянницу.

Но именно там, в Мюнхене, однажды вечером она познакомилась с человеком, который открыл черную страницу в ее жизни. Его звали Вилли Шульц. Дорота, не отдавая себе в том отчета, все больше становилась зависимой от его воли, решений, требований. Правда, он ей правился, так как был красивый, спортивного

сложения, прекрасно танцевал. Но она знала многих, подобных ему. Была в состоянии держать их на расстоянии или приближать к себе, позволяя многое либо ничего; вела с ними интересную игру, не подключая к ней чувств.

С Шульцем с самого начала получилось по-другому. Она не понимала себя, не знала, нравится он ей либо противен. Может быть, и то, и то. Встречались все чаще и чаще. Наконец, в начале прошлого года, когда они сидели в кафе, он спросил:

— Хватает ли тебе денег? Может, добавить тебе столько марок и долларов, сколько хочешь?

— Лучше возьми свои слова назад,— ответила она шутливо.— Что ты станешь делать, если я попрошу огромную сумму? Иногда мне кажется, что я смогу истратить любую. Даже миллион долларов.

Он улыбнулся. Достал бумажник, отсчитал две тысячи марок, положил на стол.

— Это задаток,— с легкостью в голосе сказал он.— Через несколько дней получишь больше.

Она задумалась, нерешительно протянула руку в направлении банкнотов.

— Ты зачем мне их даешь? — спросила недоверчиво.

— Мне так хочется. И давай больше не говорить об этом.

Она купила тогда целую коробку косметики «Рене Гаро», черные туфельки на очень высоком каблуке фирмы «Бальдини Джимми», немного украшений. И вдруг увидела, что денег уже не хватает, а еще столько бы хотелось купить! Вспомнила, однако, что Вилли обещал: «Через несколько дней получишь больше...»

Получила. И так было всякий раз, когда она приезжала в Мюнхен. Дядя не ориентировался в ее делишках, тетка тем более: у нее была парализована рука, она редко выходила из дома. Ей бы и в голову не при-

шло просматривать чемоданы Дороты или же спрашивать, откуда то и другое.

Эта беззаботная идиллия вдруг окончилась в один из ноябрьских вечеров, когда Вилли сел напротив девушки в маленьком укромном кафе «Алабама» и сказал:

— В Варшаве ты должна выполнить одно поручение. Если ты это сделаешь, то я выплачу тебе действительно большую сумму. Сможешь купить себе хорошую машину или же что-нибудь цениное.

— Какое поручение? — спросила она. Он впервые обратился к ней с просьбой. — Хочешь, чтобы я отвезла подарок твоим знакомым или привезла от них письмо?

— Нет. Слушай меня внимательно. В Варшаве находится отдел криминалистики польской милиции. В этом отделе с сентября находится, — он колебался, — один документ. Он принадлежит мне. И должен вернуться ко мне.

— Каким образом он там очутился? Ты был в Польше? Ты никогда об этом не говорил.

— Не перебивай меня. Этот документ похож на автобусный билет или визитную карточку, окантованную металлической рамкой. Это белая, чистая бумага. Видимо, он спрятан в сейфе или шкафу.

— Если это твой документ, — сказала она, удивляясь тому, что услышала, — так почему же ты не попросишь? Достаточно ведь поехать или написать им. Может, отвезти такое письмо?

Он криво усмехнулся:

— От тебя я жду совсем другого. Надо узнать, есть ли кто-нибудь из твоих знакомых среди офицеров и гражданских лиц, работающих там. Если нет, то ты познакомишься с кем-нибудь из них. Установишь близкие связи. Очень близкие, — подчеркнул он. — И подговоришь его, чтобы он дал на день-два этот документ.

И когда его получишь, то сразу же сообщишь мне. Привезешь либо я сам приеду. Каналы связи обсудим потом. Ты поняла?

Она молчала, ошеломленная. Все это дело показалось ей трудным, требующим множества подходов, траты времени. А она предпочитала тратить время на более приятные вещи.

— Я не буду этого делать,— сказала она капризно.— И вообще не понимаю, что это за документ, если на бумаге ничего не написано? Да, впрочем, я никого там и не знаю.

Так ответила она тогда в кафе. О продолжении разговора и вспоминать не хочется. Шульц выслушал, но смотрел резко и холодно, и жестко произнес:

— Ты глупа! Разве ты не понимаешь, что те деньги, которые я тебе дал, являются для польских властей доводом против тебя? Что, если я захочу, ты можешь быть осуждена польским судом как агент иностранной разведки?

— Я агент?! — гневно воскликнула она.— Но ведь это ложь. Я не имею ничего общего с политикой, она меня не интересует, и я не передавала тебе никаких шпионских информаций.

— Я знаю. Но эти слова ничего не будут значить, поскольку я создам улики в доказательство твоего сотрудничества с какой-нибудь агентурой разведки.

— Какие улики?

— Любые. Все можно устроить с помощью знаний и техники,— он засмеялся.— У меня, например, есть фильмы, на которых видно, как я даю тебе деньги, а ты их прячешь в сумочку. Я имею точные счета на все, что ты купила в здешних магазинах, с обозначением цен. А в основном это дорогие вещи. По польским условиям — предметы роскоши. Ты думаешь, что твой уважаемый дядюшка заявит, что он за все это заплатил сам? О, нет! Когда директор узнает, что его пле-

мяпница обвиняется в шпионаже, он отречется не только от знакомства с тобой, но и от кровных уз. И долго будет трястись от страха, что все это негативно отразится на его бизнесе. Твои частые приезды в Мюнхен, контакты с американскими сотрудниками ЦРУ...

— Что ты плетешь? Какие контакты? — оборвала она его.

— Ты в самом деле не догадываешься? Я мог бы не задумываясь назвать по крайней мере две фамилии. Ты веселилась с этими молодыми людьми, танцевала, ездила за город. Каждый такой контакт нами скрупулезно описан, сфотографирован, к этому можно еще добавить несколько информаций, например, военного характера. В целом это будет выглядеть импозантно! Прекрасная девушка, современная Мате Хари.

Такой состоялся тогда между ними разговор в маленьком тихом кафе «Алабама». И с того дня Дорота начала платить за то, что продолжала получать. Платить — работая на Шульца. После возвращения в Польшу, с помощью различных знакомых, подруг и родственников, получила информацию о нескольких сотрудниках отдела криминалистики. Среди них оказалась фамилия Анджея Ланецкого. Она тогда вспомнила, что ведь знает его давно. Может, достаточно будет только умело восстановить это знакомство.

Сейчас, когда в воскресный вечер она возвращалась мыслями к событиям последних месяцев — от ноября до середины апреля, — поняла, что зашла так далеко, как никогда раньше не представляла. Марки, доллары, получаемые от Шульца, стали для нее магнитом, притягивающим к себе непреодолимой силой. В западных магазинах постоянно появлялись все более новые, красивые упаковки, роскошные товары. И чем больше она их имела, тем больше хотелось покупать.

Она встала с кресла, пошла в кухню. Пани Виктор-

ская готовила для себя травы, которые помогали ей от желудка.

— Доротка, у тебя какие-то неприятности? — спросила она, глядя на нее заботливо. — К ужину почти не притронулась, лицо бледное.

— У меня голова болит, — ответила она. — Выпью порошок. Спокойной ночи, мама.

Мимолетом поцеловала мать в щеку, ушла в свою комнату. Во вторник в десять часов тот симпатичный майор вручит ей документ с текстом о летучих мышах. В этот же день в семнадцать часов она встретится в кафе с Гербертом, скажет ему, что у нее «это есть». Шульц может тогда приехать и взять. Поедет в среду после полудня в аэропорт. Не забыть купить какие-нибудь цветы, так и впрямь будет безопаснее. Подождет его в зале прилета. Герберт говорил, что Шульц ее узнает. Еще бы, ведь они знакомы почти год.

Снова ее охватил страх. А что будет, если Шульца задержит милиция? Тогда и я...

— Нонсенс! — прошептала она. Чего это милиция будет интересоваться каким-то иностранным пассажиром, который к тому же прилетит транзитом и через несколько часов исчезнет из Польши. Вообще-то Шульц никогда не объяснял ей, каким образом этот страшный документ оказался в отделе криминалистики... Как-то она прочитала сообщение об убийстве в лесу под Варшавой, но не обратила внимания на то, что ищут левину, ей и в голову не пришло, чтобы это происшествие связать с Вилли и визитной карточкой «Летучих мышей».

Если майор принесет ей документ, то, видимо, все в порядке. Может быть, Шульц потерял его когда-то, может, зачем-то еще он ему понадобился, да так, что готов прилететь с фальшивым паспортом.

Мартин Шрот вошел в продовольственный магазин, пошарил взглядом по полкам, обдумывая, стал выбирать то, что ему нужно было на ближайшие дни. Он любил этот небольшой, с прекрасным ассортиментом магазинчик. Нравился ему и продавец, он же хозяин. Значительно меньше нравилась его жена, сидящая в кассе, с костлявым конским лицом и бесцветными волосами, неряшливо сколотыми в маленький узел. Однако он был с ней вежлив, и временами ему удавалось вызвать некое подобие улыбки на ее увядших некрашеных губах.

Наполнив корзинку до самого верху, он подошел к кассе, тщательно отсчитал нужную сумму, сказал несколько вежливых фраз, не получив ответной реакции, поклонился и вышел. На тротуаре остановился, вытер потное лицо и проворчал: «Ведьма!»

«Р-8» ожидал его, слушая пластинки с Бранденбургскими концертами Баха и просматривая журналы. Кожевский позвонил: у него были ключи, но, отягощенный покупками, он предпочитал, чтобы ему открыли.

— Полмагазина купил, что ли? — удивился капитан.

— Сегодня пятница, — ответил он, тяжело дыша. — Мы должны иметь еду на субботу, воскресенье и понедельник утром. Возьми эту банку, положи в холодильник. Никто не звонил?

— Звонили.

— Из Варшавы?

— Да. Я записал, но не знаю твой шифр.

— Сейчас это сделаем.

Разложил купленные продукты, вымыл руки и сел за стол.

— Итак, — начал он, читая вполголоса немецкий текст, заглядывая временами в блокнот. — Все в порядке! Нам сообщают, что Чеслав, это псевдоним Шульца,

должен в среду прилететь в Варшаву. Пробудет там несколько часов и улетит в Мюнхен после того, как возьмет знак у девушки, то есть Дороты Викторской. У Шульца будет фальшивый паспорт с двенадцатичасовой визой. Прилетит, естественно, с измененным лицом... Каким, там не знают. Неизвестно также, на какую фамилию выдаст ему консульство визу.

— А выдаст?

— Да, предупредили, чтобы в эти дни никому из граждан ФРГ не отказывать в выдаче транзитных виз.

«Р-8» задумался, а потом сказал:

— Из этого следует, что мы здесь, в Мюнхене, должны расшифровать Шульца.

— Именно этого Варшава требует от тебя и меня. Хотят знать его фамилию и внешний вид. Пустяк! — Обеспокоенный, он бросал взгляд то на текст, то за окно.

— У тебя есть непосредственная связь с консульством? — спросил капитан.

— Да. Предположим, что такого типа виз в эти дни будет немного. Может быть, три, может, десять. Нам надо знать фамилии. Я договорюсь с Ольгердом, это наш коллега, чтобы он незаметно сделал снимки со всех фотографий в паспортах! Однако, черт возьми, может, Шульц уже получил визу!

— Получил — не получил, а нам необходимо установить наблюдение за его домом. В ночь со вторника на среду и на следующий день, вплоть до того часа, когда он должен будет уехать в аэропорт. Нужно будет включить в поле зрения все зарубежные авиалинии. Нам лучше разделиться: одному остаться у его дома, второму у самолетов.

— Подожди. Я прежде свяжусь с Ольгердом и спрошу, выдали ли они сегодня, вчера и пару дней назад транзитные визы, пусть сообщит фамилии, мужские, конечно. Правда, особо это ничего не даст. Знаешь, я

что-то не пойму, зачем Варшава задала нам эту задачу? — он внезапно занервничал. — Ведь нет ничего проще задержать человека, который выйдет из самолета и подойдет в зале прилета к Викторской. Это и будет Шульц.

— Необязательно, — не согласился с ним капитан. — Как я успел узнать, у нее множество знакомых. В том числе и в Западной Германии. Здесь живут ее родственники по материинской линии. Кто может быть уверен, что один из них не явится как раз в тот момент, когда наши там, на аэродроме «Окенче», будут наблюдать за девушкой? Ты понимаешь, какая галиматья может из этого выйти? Задержат абсолютно невиновного типа, а между тем Шульц промелькнет где-нибудь сбоку, получит документ, и ищи потом ветра в поле. Ведь мы не знаем, улетит ли он сразу же каким-нибудь заграничным рейсом в какую-нибудь страну. В нашем аэропорту, конечно, нет такого выбора, как, например, в «Арланде» и «Орли», но все-таки есть.

— Ты прав, — вздохнул Рышард. — Нам не остается ничего другого, как... пока что пообедать, — внезапно закончил он энергично. Встал, пошел на кухню. — Ты любишь неаполитанский суп?

— Люблю, — ответил «Р-8», хотя не терпел этого супа, просто не хотел доставлять коллеге излишнего беспокойства.

*

Если бы это малюсенькое, желто-коричневое созданьице, которое под корнями старого пня свило себе зимнее гнездо, а сейчас — предавшись искушению апельского тепла — не вылезло из норки, может быть, никогда, во всяком случае нескоро нашелся бы пистолет. Восьмисантиметровая орешниковая соня привлекла внимание таксы, которая до сего времени послушно шествовала со своим хозяином. Лесник узнал зверька,

охраняемого в Польше, схватил пса за поводок, а сам наклонился над пеньком, интересуясь, есть ли в гнезде мышь. Вместо них он обнаружил оружие.

Пистолет был безжалостно грязен, должно быть, очень давно лежал здесь, может, всю зиму. Кто-то засунул его глубоко между корней, замаскировал камнем и травой. Лесник очень осторожно очистил оружие от грязи, однако не решился проверить обойму. Если патрон находился в стволе и если пистолет действует... Риск стрельбы в лесу... А вообще-то мог разорваться ствол. Он завернул пистолет в носовой платок, положил в сумку. Через час оружие лежало в ближайшем отделении милиции; еще позже — на столе майора Щенсного. Гнездо было как раз вблизи того места, где в сентябре прошлого года в машине был убит Вернер Киршвальд. Щенсный вначале осмотрел пистолет, потом спустился с ним этажом ниже к эксперту механоскопии и огнестрельного оружия. Поручику не часто случалось иметь дело с таким грязным предметом, и он принял тщательно его изучать. Вскоре он уже докладывал Щенсному, который ждал результата в лаборатории.

— Кольт, калибр девять. В обойме пять патронов. Произведено два выстрела. Очень давно, по крайней мере полгода назад. Без регистрационного номера. И вообще без всяких личных пометок владельца. Выпуск, — он заколебался, — несколько лет тому назад. Где он был?

— В лесу. В корнях какого-то пня. Думаю, что эти два выстрела были сделаны в начале сентября.

Экспертиза пистолета, при сравнении с тем, что было извлечено из тела Киршвальда и из машины, дала позитивный результат. Из найденного оружия был убит Вернер. Ознакомившись с заключением, Щенсный не проявил особого энтузиазма.

— Все это хорошо, — сказал он. — Но как мы это докажем ему?

— Вначале задержи,— буркнул шеф.— У тебя уже есть ответ от пограничников?

— Да. Гражданин Федеративной Республики Германии Вилли Шульц прибыл в Польшу тридцатого августа прошлого года, улетел шестого сентября. Туда и обратно самолетом.

— Цель приезда?

— Туризм.

— Шестого... Это значит, что он убежал на следующий день после убийства Вернера.

— Если это действительно он убил его,— заметил Полонский.

Щенсный взял со стола лист бумаги и ручку.

— Подведем итоги того, что мы уже знаем,— сказал он.— Итак: в это время он был в Польше, но мы не нашли следов его проживания в гостиницах. Допустим, что он жил на частной квартире. Во-вторых: он уехал сразу же после убийства. Это ни о чем не говорит. В-третьих: мы знаем, причем наверняка, что в день убийства он вышел из леса неподалеку от места преступления, сел в машину Иоланты, которая подвезла его до Варшавы. В-четвертых: он левша, а Вернера убили именно таким образом, с левой руки. Что еще? — Ручка повисла в воздухе.

— Сейчас мы имеем пистолет, спрятанный вблизи места преступления,— добавил Полонский.— Оружие, которым совершено убийство.

— Это было в-пятых.

— Волосы,— напомнил Данилович.

— В-шестых. Но нужна экспертиза с помощью сравнительного материала, таким образом, это пока не полноценный довод.

Они немного помолчали, наконец шеф заявил, вздохнув:

— Процесс на основе подозрений.

— Разве что признается.

— Ты так думаешь? — Капитан покачал головой.— Немного ему было бы пользы от этого.

— Смягчающие обстоятельства. Суд примет их во внимание.

— Мы все еще забываем об одном,— сказал Данилович.— Он может представить суду свое преступление как результат каких-нибудь многолетних споров с Киршвальдом, огромных неприятностей, которые тот доставил ему когда-то, а выстрелы были произведены под влиянием эмоций и так далее. Наш суд не будет углубляться в эти дела, так как все это происходило за пределами Польши, за исключением, естественно, факта убийства. Хороший адвокат найдет, однако, десяток причин, вследствие которых преступление окажется результатом личных счетов иностранных граждан, ничем не угрожающих нашим соотечественникам. Все это может окончиться высылкой из страны.

— А если «Р-8», ссылаясь на знак «Летучих мышей»...— начал Щенсный, но шеф прервал его:

— Не организация «Летучие мыши» будет предметом судебного разбирательства, а только убийство в лесу под Варшавой. Я, так же, как и Богдан, не верю, чтобы Шульц добровольно в чем-либо признался перед польским судом. Два-три вещественных доказательства адвокат тотчас же оспорит. Гулял себе по лесу, левша не только он один, а что касается волос, то скажет, что правда, что его клиент сидел в этот день в машине Вернера, а выходя, ударился головой о дверцы, однако когда они прощались, то тот был цел и невредим.

— Тогда зачем мы все это затеяли? — возмутился майор. Смял и выбросил написанную бумагу в корзину.— Пусть приезжает, пускай берет знак, все в порядке. Фальшивый знак! — Он вдруг рассмеялся.— Нет, мои дорогие. Я этого Шульца должен заполучить. Мы обязаны задержать преступника. И точка.

Стройная темноволосая санитарка открыла дверь и смерила Шульца внимательным взглядом. Он подумал, что она его оценивает как предмет, как вещь.

— Что вам угодно?

— Я договорился о встрече с профессором Майером. Меня зовут Вилли Шульц.

— Пожалуйста,— она посторонилась, чтобы дать возможность ему войти.— На какое время?

— Сейчас,— жестко ответил он.

Вошел в зал ожидания, оформленный добротно и со вкусом; зал ничем не напоминал того, чему он в действительности служил. Никаких журналов в цветных обложках, картин на стенах, надписей вроде: «Плюй только в плевательницу». Мягкие кресла, интимный свет торшера, занавески из золотистого египетского полотна, очень хорошая копия «Женщин, собирающих урожай» Жана Франсуа Милле. Большой пушистый ковер.

— Садитесь, пожалуйста.

Он сел в кресло, посмотрел на часы.

— Я тороплюсь,— проговорил он.— Мне дорого время.

Он сознательно принял презрительно-развязную позу, чтобы не показать, как ему страшно. Страх охватил его с того самого момента, когда Первый направил его к Майеру.

— Время профессора значительно дороже,— ответила она едко.— Я скажу ему, что вы пришли. Прошу ждать.

Когда она ушла, он вскочил с кресла и начал с беспокойством метаться по комнате. Вытащил сигареты, но не обнаружил нигде пепельницы и, проклиная все, спрятал их обратно. Два часа подряд его обуревало нестерпимое желание выпить рюмку коньяка, даже две,

но он не был уверен в том, что врач его не будет ругать за это, почувствовав во время исследований запах алкоголя. Первый ни словом не обмолвился о том, о чем они договорились с Майером. Первому не было никакого дела до страха Третьего.

Санитарка появилась бесшумно и по узкому коридору провела его в глубь квартиры. Потом был еще один зал ожидания, опять коридор. Он понял, что профессор скрывает свои операции, во всяком случае некоторые из них. Наконец она открыла двойные двери, и легко постучала во вторые. Шульц не услышал вызова, но, видимо, этого и не требовалось. Он вошел в кабинет.

Из-за письменного стола встал мужчина, с радушной улыбкой, крепко сложенный, с лицом, окаймленным седыми волосами, в очках. Он был в белом халате, слегка тесноватом, расстегнутом на животе.

— Приветствую, господин Шульц,— сказал он, пожимая руку.— Садитесь, поговорим. И прошу не нервничать, каждую операцию я выполняю с обезболиванием. Так...— Он смотрел на него, наклонив голову слегка набок, дотронулся пальцами до его виска, провел ими по носу, подбородку, шее. Третий сидел неподвижно, сбитый с толку, вновь переполненный страхом. Наконец Майер отодвинулся от него и спросил деловым тоном: — Когда вы должны быть готовы?

— Через неделю.

— О, это плохо! Очень мало времени.— Нахмурил брови, задумался на момент.— Если я раньше времени сниму швы, могут остаться некрасивые шрамы. Вообще-то, может быть, их можно будет потом удалить, но... Да, срок очень малый. Поэтому давайте договоримся, что после возвращения оттуда вы придетте ко мне, и мы будем исправлять то, что сейчас испортим,— улыбнулся он.— Однако я хотел бы убедиться в том, соглашаетесь ли вы на операцию?

Шульц хотел сказать, что у него нет другого выхода, но подумал, что это было бы похоже на критику действий Первого, что равнозначно завязыванию петли на собственной шее.

— Да, я согласен,— ответил он решительным тоном. Профессор положил перед ним лист бумаги и ручку.

— Хотелось бы иметь ваше письменное согласие.

— Но я ведь еще не знаю, что это будет за операция? — удивился он.— Может быть, когда господин профессор мне объяснит, тогда...

Майер вскинул брови и сказал чуть-чуть менее вежливо:

— Надо доверять. Я не обязан ее делать.— Он акцентировал каждое слово.— Тем не менее я должен иметь ваше письменное согласие априори. Иначе...— Он выразительно развел руками.

Шульц опустил голову. Потом взял ручку, написал несколько предложений насчет своего согласия на операцию, не указывая на какую. Поставил подпись, тяжело вздохнул.

— Сколько... Сколько это будет стоить?

— Это я улажу с вашим шефом.

Он встал, убрал документ в стол, нажатием скрытой кнопки вызвал ассистентку. Это была не темноволосая санитарка, а женщина средних лет, высокая, с очень спокойным лицом и холодным выражением серых глаз.

— Итак,— сказал Майер, глядя на нее; однако скорее всего он говорил пациенту: — Первая операция — это так называемое боковое натягивание кожи. Таким образом мы нормально убираем морщины у глаз, со щек, частично со лба. Здесь делаем наоборот. Вырежем участки кожи,— ассистентка подошла ближе, согласно кивала головой, давая понять, что все понимает,— вот здесь и здесь... Кожа на щеках, у основания носа и у век сморщится, в значительной степени меняя внешность. Вторая операция — это нос.— Задумался, вновь

провел пальцами по носу и щекам Шульца.— Я думаю, что легче всего нам будет изменить форму носа на горбатый. Внутриносовой хирургический надрез.

— Повязка должна оставаться до двух недель,— заметила она.

— А останется неделю,— ответил доброжелательно профессор.— Позже мы произведем моделирование носа. После возвращения пациента. Наложим крепкие швы. Как вы относитесь к тому, чтобы скорректировать ваши уши?

— Скорректировать? — Шульц был поражен этими словами.— У меня нормальные уши.

— Я имел в виду изменение. Мы можем расположить их в позиции большего отклонения от черепа. Угол мог бы равняться даже девяноста градусам. Это дает огромный эффект!

— Нет, господин профессор. Я думаю, что мы бы слишком далеко зашли. Тем более что уши не будут заметны под шляпой.

— Правильно.

— Поверхность кожи,— сказала ассистентка.— Шрамы, прыщи.

— Конечно,— согласился Майер.— Как можно больше.

Шульц со злобой подумал, что его начинают рассматривать как жертву для экспериментов, опытный полигон для всех тех надрезов, изменений, постановок и горбатых форм. Он решил защищаться.

— Я не согласен также и на шрамы,— решительно заявил он.— Я смогу сделать это и сам, безболезненно и без последствий. Просто с помощью косметического пластилина.

Профессор все еще разглядывал его внимательно, как бы в поисках очередных мест для операции. Он очень любил менять человеческие лица; ему было безразлично — на худшие или лучшие. Однако должен

был считаться с мнением Первого. «Не очень-то,— сказал вчера человек с ледяным взглядом и тихим голосом.— Он должен чувствовать себя свободно во время выполнения того, что я ему поручил. И вообще он мне еще нужен».

— Хорошо.— Майер встал, прошел в соседнюю комнату, оформленную как маленький операционный зал.— Пригответе пациента.

Через четыре часа Шульц очнулся от полудремы после сильных уколов, открыл глаза и посмотрел по сторонам. Не понимал, где он. Все лицо болело, тянула кожа, пекло внутри носа. Вскоре сориентировался, что лежит на чем-то, что могло быть кроватью, если бы не ремни, обтягивающие все тело и скрытые где-то внизу. Внезапно он забеспокоился, рванулся, пытаясь освободиться от связки. Узлы держали такочно, что он закричал.

— Спокойно,— сказал женский голос.— Как вы себя чувствуете?

— Где я? Кто здесь?

— Вы находитесь у профессора Майера, после операций. Что у вас болит?

— Все,— простонал он.— Все лицо, голова. Особенно нос.

— Наркоз прекратил действовать. Позже вы получите обезболивающие таблетки.

Женщина в белом фартуке отстегнула ремни, помогла ему встать. Он выпрямился и повалился обратно на кровать; вся комната ходила ходуном, его тошнило. Дала ему какое-то лекарство. Когда он смог ходить относительно прямо, проводила его в кабинет профессора, усадила в кресло. Майер похлопал его доброжелательно по плечу, улыбаясь, чему-то радуясь.

— Вы останетесь здесь на несколько дней,— сказал он.— Снимем швы, и тогда увидите себя в зеркало. Пока

прошу не срывать повязки, ни о чем не думать. Есть, спать и ждать.

Это было ужасно. Когда на пятый день после операции профессор ловкими движениями снял швы и ассистентка подала Шульцу зеркало, несколько секунд он недвижимо смотрел в стеклянную поверхность, чувствуя холодный пот, стекающий по спине. Это был не он! На него смотрело какое-то чужое лицо с горбатым носом, полное морщин и складок. Естественно, остались и свежие шрамы. Даже глаза — его красивые глаза выглядели так, как будто бы были собственностью кого-то другого, смотрели на него враждебно, с издевкой. Все как бы говорило: «Добился, чего хотел».

— Правда, отличный эффект? — спросил Майер с явным пристрастием. — Теперь вас никто не узнает.

*

Кожевский схватился за голову.

— Одиннадцать фамилий! — воскликнул он со злостью. — И это в течение нескольких дней. Как с ума сошли.

«Р-8» улыбнулся. Чем труднее было положение, тем он становился более спокойным. Реакция организма наступала лишь позднее.

— Ты выписал, конечно, только фамилии мужчин?

— Да. Посмотри. Здесь список, а тут фотографии из паспортов.

Склонились над бумагами. Поручик рассматривал фотографии, выговаривая по очереди:

— Эрвин Катцзингер... сорок семь лет, проживает в Мюнхене... Генрих Голетцек, пятьдесят два... Иоган Вольбек... Смотри, Стах, по лицу вроде бы похож на Шульца?

— Да вроде нет. Ты не смотри на сходство. Шульц паверняка сделает другое лицо. Кто дальше?

— Фридрих Лехман, сорок пять... Странная рожа, как будто кто-то его покалечил.

— Покажи!

«Р-8» долго, через лупу рассматривал фотографию, а потом сказал:

— Это может быть он.

Кожевский с сомнением покачал головой:

— Совсем другой нос. У Шульца не было морщин.

— Все можно сделать. Достаточно иметь хорошего хирурга по пластическим операциям. Ты спрашивал Ольгерда, какой рукой он подписывался при получении визы?

— Спрашивал. Правой. То есть я не спрашивал конкретно о Лехмане, а вообще был ли кто-нибудь из этих одиннадцати левшой. Никто.

Капитан все еще смотрел с напряженным вниманием на фотографию лица Лехмана и его подписи в паспорте. В конце концов отложил их в сторону. Просмотрели потом еще остальные, лица только на двух фотографиях были чем-то похожи на Шульца.

— Сколько времени? — спросил «Р-8».

— Девять часов двенадцать минут. Вторник, если ты не помнишь.

— Свяжись с Варшавой. Твой список фамилий расположен в той же последовательности, что и у Ольгерда?

— Да. Это ведь важно. И в Варшаве так же. Лехман четвертый. Звони!

*

Щенсный прочитал короткое донесение, посмотрел на лежащий перед ним список фамилий.

— Четвертый — это Фридрих Лехман. У них нет никакой уверенности, однако обращают внимание именно на эту фамилию, — сказал он шефу. — Стефан, мы должны иметь его фотографию сегодня.

Данилович на минуту задумался.

— Слишком мало времени, чтобы выслать кого-ни-

будь из ФРГ, не получит визы. Попробую связаться с Ольгердом. Либо он сам прилетит, либо кто-нибудь из консульства.

— Фото можно ведь передать по телеграфу,— заметил Полонский.

— Не тот случай. Речь идет о полной секретности, иначе мы его спугнем.

Полковник вышел. Щенсный посмотрел на часы и также встал, собираясь уходить. В десять назначена встреча с Доротой.

*

Она пришла в кафе гостиницы «Виктория» очень точно, и Щенсный выразил ей за это благодарность. Они немного пошутили, но было видно, что девушка с трудом сохраняет чувство юмора, чем-то взволнована, бледна, без косметики, чего с ней не случалось.

— Вы принесли? — спросила она.

Обратил внимание на ее сузившиеся зрачки, дрожь и холод рук, хотя день был очень теплый, солнечный. Он подумал, что она принимает какое-то сильное спиртное, веронал, люминал в чистом виде или в компоненте. Ему стало жаль, что ее использовали в этом деле. «Ну что ж, не ребенок,— повторял он,— и делает это ради денег». Но несмотря на это, жалел ее.

— Принес, конечно.— Достал из кармана маленький сверток, развернул, дал Дороте. Она взяла со вздохом облегчения, однако с недоверием, так как открыла рамку и старательно прочитала английский текст. Только тогда ее лицо посветлело.

— Спасибо! — Смотрела тепло, сердечно, а ему сделалось неловко. Тут же, однако, призвал себя к порядку.

— Не за что,— ответил он небрежно.— Даже можете держать это у себя целую неделю. Коллеге сказал, что... э, даже не помню что. Наверно, что мне это зачем-

то нужно.— Он засмеялся.— Вы были правы, эта визитная карточка не имеет никакого значения для любого следствия. Однако через неделю я прошу вас ее все же вернуть, я не хочу нарушать дисциплину.

— Конечно! Мой знакомый, знаете... тот химик,— она начала заикаться, закусила губы,— он только сориентируется в составе бумаги, потом мне отдаст.

— И скоро в вашем магазинчике появятся новые оригинальные шарфы, платки, что там еще, из прекрасного шелковистого материала,— сказал он, бросив взгляд в зал, так как ему было интересно, явилась ли и на этот раз сопровождающая ее «математичка», но не увидел ее. Зато вблизи входа уселся длинноволосый парень в яркой голубой куртке с поперечными полосками. Он пил чай, углубившись в чтение утренней газеты, время от времени поглядывая в их сторону.

Щенсный, несмотря на слабый протест девушки, заплатил по счету. Попрощались в гардеробе. «Голубая куртка» проскользнула мимо них в сторону двери.

Дорота села в свою «ауди» и, после короткого раздумья, решила вернуться домой. С Гербертом она должна была встретиться вечером. Могла, конечно, сходить к знакомым, могла поработать в магазине, но внезапно ее охватила огромная усталость. Ей захотелось закрыться в своей комнате и свернуться калачиком на диване. Это была реакция организма, жившего на одних нервах, то возбуждающегося, то успокаивающегося психотропными средствами. Двигаясь в направлении своего дома, она повторяла, тихо радуясь:

— Есть документ! Наконец-то я его получила.

Завтра, самое позднее послезавтра прилетит Шульц. Она отдаст ему эту бессмысленную, как ей казалось, вещь, закончатся поиски, просьбы, страх... Будут деньги. Ведь Вилли обещал и пока что держал слово. «Много денег,— сказал.— Доллары».

Дома она поставила будильник на три часа, прогло-

тила таблетку и через пятнадцать минут уже спала. Проснулась отдохнувшей; на радость родителям, вместе с ними пообедала. За несколько минут до назначенного срока она вошла в кафе «Уяздовское». Думала, что придет первая, но Герберт уже сидел там. Вскочил, увидев ее, и подошел, настойчиво спрашивая, принесла ли то, о чем договаривались.

— Может, позволишь мне сесть? — ее рассердила эта спешность.

Она умышленно затягивала ответ, достала сигареты, зажигалку, попросила официантку принести кофе, осмотрелась вокруг, нет ли кого из знакомых.

— Дорота, я все здоровье потеряю из-за тебя! — простонал он. — Принесла?!

— Конечно, — ответила она. Вновь к ней вернулась уверенность в себе, гордость от ощущения красоты, элегантности, богатства.

— Покажи!

— Что я, в кафе приду с этим?

— Слушай, он велел мне проверить. Я должен сразу же ему позвонить.

Она покраснела от гнева, блеснула взглядом:

— Тогда иди и звони.

Он смотрел на нее недоверчиво, его раздирали сомнения.

— Иди! — повторила она. — Чего сидишь?

— Дорота, если пе... если ты делаешь из меня идиота, то...

— Это все равно что ломиться в открытую дверь, — проворчала она со злостью.

— Хорошо, — нахохлился он. — Но я не хотел бы быть на твоем месте, если он завтра прилетит напрасно!

Она вздрогнула, побледнела. Значит, завтра.

— Я достала этот документ, — сказала уже мягче. — Можешь его в этом заверить. На мою ответственность.

— Наконец-то ты говоришь со мной как настоящая

Дорота,— он облегченно вздохнул,— а не как враг. Что с тобой стряслось? Что так налетела на меня?

— Прости, я разнервничалась. Ты думаешь, что так легко было достать... Завтра?

— Так договорились. Он бы не приехал, если бы у тебя не было этого документа. В пятнадцать прилетает самолет «Люфтганзы» из Мюнхена. Ты помнишь, что должна находится в зале прилетов в Международном аэропорту? Купи какие-нибудь цветы. И не очень-то смотри по сторонам, так как он может приехать чуть... ну, изменившись. Он тебя увидит и подойдет. Если самолет будет опаздывать, жди.

— Знаю, ты уже говорил обо всем этом. Я помню.

Глава 9

В среду утром дождь лил как из ведра, а в полдень небо прояснилось. В начале первого Щенсный с Полонским собрали во дворце Мостовских членов специальной группы, сформированной для задержания Шульца и Дороты.

Они уже знали свою задачу: взять террориста и его сообщницу. Второе не представляло трудности, однако террорист был для всех «большим неизвестным». Не знали точно его фамилии, его лица, его специфических черт. Знали только, что подойдет к девушке, возьмет у нее маленький сверток или конверт, удалится и у него в запасе будет несколько часов до следующего самолета. Он располагает двенадцатичасовой транзитной визой, может выехать в город, встретиться с кем-либо в гостинице, кафе или у кого-нибудь на квартире.

— Два автомобиля на паркинге в Международном аэропорту,— произнес майор.— Лучше было бы рядом с паркингом... Легче выехать, если бы тот выскочил в город.

— Может ли так случиться, что его ждет кто-нибудь с личной машиной? — спросил сержант Марьян. — Допустим, автомобиль с дипломатическим номером?

— Не знаю, — ответил Щенсный. — Все возможно в этом паскудном деле. А если девушка, кроме документов, даст ему ключики от своей «ауди», которой приехала в аэропорт? Один из нас должен остановиться возле ее машины. И ждать.

— К чему еще мы должны быть готовы? — спросил сержант Рышард.

— С оружием не прилетит, ведь это обнаружилось бы при контроле. Однако взрывчатка может быть и не обнаружена. Поэтому задержание должно произойти очень быстро и решительно, чтобы он не успел даже руку в карман сунуть.

— Таким образом, действовать надо сразу же, как он только отойдет от девушки.

Щенсный отрицательно закачал головой:

— В принципе это было бы проще всего. Ведь таким образом мы как бы отрицаем возможность его других контактов в Польше. Мы не знаем, будет ли в аэропорту еще кто-либо, кроме Дороты, с кем он ожидает свидания. Я уже говорил, что перерыв в полете позволяет ему выезд в город, контакты с людьми, о которых сейчас мы ничего не знаем, а узнать о них мы должны.

Значит, задержание должно произойти в зависимости от ситуации: в аэропорту, на дороге, где-то в подворотне, возле кафе, может, уже перед его отлетом из Варшавы. Не знаю, мои дорогие, но наши глаза и уши пусть будут наготове, — закончил он, улыбаясь.

— Да, еще одно, майор, — произнес штабной сержант Анджей. — А если он вдруг решит ускорить отлет и после встречи с девушкой отправится прямо в зал отлета? Такой гость наверняка располагает немалой суммой денег, может иметь в бумажнике два-три биле-

та на разные рейсы. Что тогда? Что предпринимаем в таком случае?

— Ясно. Если направится в зал отлета, там его и задержим. Ибо тогда, как говорится, у нас будет гореть земля под ногами. Хочу только напомнить, мои дорогие, что надо постараться. Обойтись без шума в зале, ведь там будет много других пассажиров. Молниеносно, тихонько направиться с ним в помещение военизированной охраны, а потом....— Замолчал, посмотрел на них своими узкими глазами.— Тогда может оказаться, что это все не он.

Рассмеялись, и кто-то произнес:

— Тогда извинимся, отвезем туда, куда попросит. Можем даже кофе угостить.

Полонский, который до сих пор молчал, сказал:

— Установить, действительно ли это Шульц, удастся нам не так быстро. Поэтому нельзя, чтобы в момент задержания он избавился от этого документа, полученного от девушки. Ведь это все-таки улика.

*

Самолет «Люфтганзы» прибыл из Мюнхена с незначительным опозданием. Может, дожидались опоздавшего, а может, причиной был туман и предупреждение метеослужбы.

Пассажиры не причиняли хлопот стюардессам; туристический сезон еще не начался, путешествовали бизнесмены, небольшая роковая группа с симпатичной певицей, несколько спортсменов, которые сразу же начали жаркую дискуссию о вчерашнем матче.

Вилли Шульц удобно расположился и прикрыл глаза. Он постоянно ощущал боль в оперированном носу и в складках на щеках. Уверенность, с которой профессор Майер утверждал, что после возвращения все исправится и можно будет вернуть лицу прежний вид, казалась ему подозрительной. Что-то там вырезали, добав-

вили, где-то подрезали... Нет, лицо Шульца никогда больше не обретет своих черт.

— Что будете пить? — услышал он над собой голос стюардессы. — Может быть, дать бутерброды?

— Пожалуйста, кофе. Не можете ли сказать, какая погода в Варшаве?

— Хорошая. Солнце и около восемнадцати градусов тепла.

Стюардесса принесла кофе. Выпил, взглянул на часы. Четырнадцать десять. Носил он их теперь на левой руке, как и все, только задание, которое он должен был выполнить, было нетипичным. На каждой стороне, чуть пониже циферблата, едва уловимые невооруженным глазом, но осязаемые пальцами, находились два контакта.

Знал, что они есть, а тем не менее деликатно до них дотронулся, чтобы убедиться еще раз; ему это было необходимо, так как, хоть и не признавался он себе в этом, боялся.

Взял карманное зеркальце, посмотрел на свое лицо. Действительно, никто в Польше не сможет его узнать, особенно та девушка из малого «фиата», которая подвезла его тогда до Варшавы. Если бы даже каким-то невероятным образом она оказалась сегодня в аэропорту...

*

За несколько минут до четырнадцати Дорота положила в сумку визитку, полученную от Щенсного, и пошла к окну. Светило солнце, ветер прогонял маленькие белые облачка. По Горашевской проехал грузовик — вез кирпичи на строительство.

Женщина в светлом костюме вывела на прогулку толстого спаниеля. Покрикивали дети, играли во дворе в мяч. Из кухни в квартире Викторских долетали какие-то вкусные запахи; кухарка готовила обед.

Все происходило как всегда, как ежедневно, в этот

теплый, солнечный, апрельский полдень. Ей тоже захотелось вдруг включиться в этот покой, никогда уже не иметь ничего общего с Шульцем, документами, со всей этой таинственной, вызывающей страх игрой.

Порвать бумагу с английским текстом смысла не имеет. Не ехать на «Окенче»?.. Будет ждать, разозлится. Найдет ее. Если не он, то они. Конец с долларами. Может, даже... Вздрогнула. Ее пронзила дрожь беспокойства.

«Нехорошие предчувствия,— подумала.— Со вчера-шнего дня эти предчувствия».

Села перед зеркалом, поправила косметику. Несколько капель французских духов, золотой браслет на руке. Этого хватит. Тепло, можно обойтись без пальто.

— Вы уходите? — спросила домработница из кухни.

— Да. Вернусь в четыре, на обед.

«Ауди» стояла перед виллой, Дорота уже хотела сесть, но вспомнила о цветах. Рядом был частный киоск, она знала хозяйку. Подошла, осмотрелась.

— Дать розы? — спросила цветочница.— Есть великолепные, красные.

Подумала, что в данном случае не имеет смысла покупать дорогих роз, достаточно тюльпанов. Выбрала пять штук, вместе с декоративным убранством. Ехала по городу полная беспокойства.

«Если бы это было уже позади,— думала она».

Без пятнадцати три поставила машину в Международном аэропорту.

*

— Мюнхен задерживается.— Полонский вошел в комнату охраны в зале прибытия. Там находились Щенсный и трое из группы, другие ждали на своих местах.

— Сколько?

— Около девяти минут.

— Девушка приехала?

— Еще нет. Хотя... Подожди, узпаю.— Через минуту вернулся и сказал: — Только что вышла из своего автомобиля. С цветами.

— Рышард там?

— В автомобиле рядом с «ауди».

Майор встал, посмотрел на мониторы. Увидел Дороту, входящую в зал. Всматривался в нее задумчиво, вопреки желанию, удивляясь ее красоте. Заметил, что она нервничает.

— Ничего удивительного,— пробормотал про себя.

— В чем? — спросил Полонский.

— Ни в чем. Так просто. Мариан и Анджея, идите в зал, Януш присоединится через несколько минут. Она очень красива, поэтому не думайте, что на нее можно кидать взгляды. А впрочем,— внезапно изменил мнение,— один из вас может ею заинтересоваться, это будет выглядеть вполне естественно.

— Лучше я,— предложил Анджея.— Знаю подход к женщинам, развлечу ее, пока тот прилетит.

Щенсный обвел его критическим взглядом и согласился. Высокий, красивый сержант в светлом костюме не мог бы иметь, конечно, особого успеха у Дороты. Однако на время вполне мог заинтересовать ее. Так, чтобы убить время.

Радио сообщило, что самолет из Мюнхена прилетит с опозданием на восемь минут. Дорота нахмурилась. Высокий мужчина в светлом костюме, увидев, что она достала сигареты, подошел и щелкнул зажигалкой. Она поблагодарила механически.

— Вы тоже ожидаете самолет из Мюнхена? — спросил он.

Посмотрела на него внимательно. Сказал: «тоже». А если он ждет не столько самолет из Мюнхена, сколько Шульца? Знает ее внешне, по описанию. Следит?

— Допустим,— ответила она кокетливо.

— Через несколько минут прилетит. Вы купили красивые цветы.

— А вы будете встречать с пустыми руками?

— Мужчины не дарят друг другу цветы,— рассмеялся он.

Замолчала. Каждое следующее слово могло быть рискованным.

— Отстаньте от меня! — бросила она вызывающе.— Мы ожидаем совсем разных людей.

— Вы уверены? — шутливым жестом отдал честь.— До свидания, красотка! — отвернулся и отошел в угол зала.

У нее не было сомнения, что Вилли прислал кого-то, кто бы наблюдал за ней, пока он сам не получит документ.

Разгневанная, испуганная, ежеминутно поглядывала на мужчину в светлом костюме, однако он не обращал на нее внимания. Конечно, дал ей понять, что он здесь, ждет, не позволит, чтобы она отсюда ушла, пока не отдаст визитку с текстом.

Решила, что скажет Шульцу пару слов правды! Надо совсем ей не верить, чтобы прислать какого-то «гогилю»...

Щенсный наблюдал в мониторе эту сцену, но не слышал диалога; девушка возмутилась, и Анджей отошел. Его нельзя было сейчас вызывать, она могла сориентироваться, увидев, что он входит в помещение военизированной охраны. Сам же он тоже ни в коем случае не может показываться в зале, пока Шульц не заберет у Дороты документ.

— Майор, Мюнхен приземляется! — сказал один из солдат.

Посмотрел на часы: семь минут четвертого. Подошел к монитору, который был направлен на летное поле. Самолет «Люфтганзы» был уже возле здания. Камеры показали, как подъезжает трап, как открываются

двери, а через мгновение уже стали выходить пассажиры. Полонский приблизился к Щенсному, вместе наблюдали за прибывшими, пересаживающимися в автобус.

— Мог изменить лицо, но не рост и фигуру,— проговорил капитан.— Видел того высокого в темном костюме?

— С черной папкой? Да. Только высоких было еще несколько.

— Допускаю, что прилетел без багажа. Хотя чтобы ввести в заблуждение... черт его знает.

— Если нет багажа, а только пассажир или папка, то таможенный осмотр вообще его обойдет стороной. Особенно при транзитной визе. Внимание! Входят.

Не шевелись, всматривались в мониторы, которые показывали теперь зал прибытия. Высокий мужчина в темно-сером костюме, с папкой в правой руке, остановился и стал оглядываться. Из Мюнхена прилетели несколько десятков человек, в том числе группа каких-то спортсменов и музыкальный ансамбль, которых поджидали любители рока, журналисты и фотокорреспонденты. Образовалась толчая, толпа постоянно заслоняла Дороту.

— Черт,— разгорячился Щенсный.— Не вижу... Ага, смотри, Богдан! Подходит к ней. Это тот, с черной папкой. Ну и морда! Пользуется правой рукой...

В комнату зашел сержант Марьян.

— Майор, Фридрих Лехман сейчас разговаривает с девушкой. Это, кажется, он.

— Так,— проговорил Щенсный.— Дала ему цветы... вынимает из сумки конверт... слушай, она удивлена, может, его не узнает? Хотя, видимо, назвал какой-то пароль. А вдруг вместо Шульца прилетел какой-либо его посланник?

Полонский, который секунду назад говорил по телефону, положил трубку и сказал:

— «Р-8» передал из Мюнхена сообщение, только

что наши расшифровали. Лехман — это Шульц, они там в этом уверены.

— Хорошо.— Черные глаза Щенсного заблестели, он уже не сомневался, знал, что «Р-8» работает без ошибок.

— Ну, он у нас в руках.

*

Дорота в оцепенении смотрела на страшную физиономию Вилли. Никогда бы его не узнала, если бы не подошел, если бы не отозвался, ведь его голос она помнила. Глаза тоже не изменились. Волосы у него седые, и действовал он теперь правой рукой.

— Вилли? — прошептала она испуганно.— Это ты?

— Молчи,— ответил он жестко.— Дай цветы, улыбнись! Ну!

Когда вручала ему тюльпаны, наклонился и поцеловал ее, вернее, хотел это сделать, но она отвернулась. Сурово свел брови. Взял букет, скривил губы в улыбке.

— Дай то! — пробормотал. Краем глаза он наблюдал за залом, однако в толпе путешествующих и встречающих не заметил ничего подозрительного.

— Никто за тобой не следил, когда ты ехала?

— Нет, что ты! — Достала из сумки конверт, отдала. Быстрым движением разорвал его, посмотрел документ, удовлетворенно кивнул головой:

— Все в порядке. Возвращайся домой. И помни, что, если мне дала не настоящий, найду тебя и не хотел бы быть в твоей шкуре!

— Дала тебе тот, который был в отделе криминалистики,— ответила обидчиво.— Вместо того чтобы злилась и угрожать, скажи, когда я получу обещанные доллары? У меня с этой вещью была масса хлопот.

— Получишь! Перешлю тебе через Герberта. Ну, иди!

— Ведь у тебя двенадцатичасовая виза,— удивилась

она.— Неужели мы не можем немножко тут поговорить?

— Нет.

— А от этого «гориллы» для слежки ты бы меня мог избавить,— сказала она со злостью.

— От какого «гориллы»?

— Ну, крутился тут такой в светлом костюме. Пристал ко мне, спрашивал, не ожидаю ли и я самолет из Мюнхена, еще что-то там плел. Думала, что это кто-то по твоей просьбе. Говорил, что ожидает прилета какого-то мужчины и, наверное, того самого, что и я.

— Где он? Покажи!

Посмотрела по сторонам:

— Нет его. Видимо, поджидал кого-то другого и ушел вместе с ним. Просто хотел приударить, ведь моя красота,— подчеркнула она,— не изменилась.

Скривил рот, что-то пробормотал. Отвернулся, вышел из зала. Забеспокоил его тот, который приставал к Дороте. Безусловно, имея транзитную визу, он мог подождать до вечернего самолета и вернуться в Мюнхен. Мог так же через четыре часа полететь в Копенгаген или в Стокгольм. Однако...

Поразмыслил минуту. Потом решительным шагом направился к другому зданию, где находился транзитный зал и билетные кассы. Дважды пересек сквер и тротуары, огляделся, не идет ли кто за ним; заметил только супружескую пару с ребенком и двух болтавшихся смеющихся девушек. Не заметил тех, которые следили за ним бдительным оком, готовые отреагировать в любую минуту на каждое его действие.

Большой транзитный зал был полон пассажиров, ожидающих своих самолетов. Группа чернокожих туристов или бизнесменов с цветами и пакетами из «Цепелии» стояла посередине, споря о чем-то с необыкновенным запалом.

Шульц обошел их, приблизился к монитору с расписанием полетов. Поизучал его, потом взглядом стал

искать необходимую кассу. Через сорок пять минут отлетал «Боинг-707» в Лондон.

*

— Покупает билет в Лондон,— сказал обеспокоенный Полоский.

— Вероятно, изменил план.

— Хочет как можно скорее убраться из Польши,— ответил Щенсный.— Это вполне понятно. Идем!

Дорота, в сопровождении сержанта Анджея, вошла в помещение охраны. Попросил ее сесть.

— Ведь я говорил, что мы еще встретимся,— произнес он.

Снова подал ей зажигалку. Теперь на его лице не было улыбки.

Оба офицера вошли в зал отлета в момент, когда происходило оформление билетов и таможенных формальностей для отправляющихся в Лондон. Черная папка Шульца уже лежала на транспортерной ленте «Хеймана». Солдат из службы контроля не обнаружил на мониторе ничего, что могло бы вызвать какие-либо подозрения, в папке находились лишь мелкие предметы, необходимые во время короткого путешествия. Пассажиры встали в очередь к дверям, в которых стюардесса аэропорта отбирала входные талоны в самолет. Шульц находился в самой середине, что осложняло действие группы.

Шеф вчера несколько раз повторил, чтобы по мере возможности действовали «спокойно и вежливо».

— Без скандала! — предупредил Данилович.

— Разве я когда-нибудь скандалю? — вскинулся Щенсный.— В случае чего — окружу самолет пушками и обстреляю.

— Шути, шути. Знаем твой горячий характер. Кстати, откуда возьмешь пушки?

Так переговаривались они вчера. Казалось, что,

когда Шульц прилетит на «Окенче», проще простого будет его задержать «вежливо и спокойно». Ситуация, однако, резко менялась. Имея двенадцатичасовую визу, Шульц неожиданно купил билет на ближайший самолет. И вот он подходит уже к дверям выхода, окруженный кольцом других пассажиров.

Поручик охраны шепнул что-то солдату, который проводил последнюю проверку паспортов. Тот посторонился. Офицер отдал честь, взял паспорт Шульца, посмотрел и сказал по-немецки:

- Будьте добры, задержитесь на секунду.
- В чем дело? — спросил, сморщив брови.
- Пожалуйста, подождите здесь рядом.

Пассажиры тем временем перешли на летное поле. Шульц мгновенно оценил ситуацию как критическую. Оттолкнул солдата, выскоцил на поле. Два самолета — «ТУ-134» и «Боинг-707» — находились поблизости, их реактивные двигатели уже работали. К «ТУ-134» как раз подали трап. Солдат, стоящий возле кабины пилотов, с удивлением посмотрел на бегущего в одиночестве мужчину в темном костюме. Услышал крик офицера:

- Стой! Хальт, хальт!

Мужчина не задержался. Солдат стянул с плеча пистолет. Не понимая ситуации, боялся стрелять без приказа. И совсем не хотел убивать. Прежде чем сориентировался, в чем дело, Шульц уже был на трапе «ТУ-134». Перескакивая через ступеньки, он вбежал в пассажирский салон.

Щенсный понимал, что ему остается только одно. Добрался до радиотелефона, соединился с внутренним аэропортом.

— Юрек? — крикнул, услышав знакомый голос. — Забирай свою группу и приезжайте в темпе в Международный. Не спрашивай зачем... Нет абсолютно времени... Да, похоже на захват. Быстро!

Стюардесса Моника находилась как раз в салоне и первая увидела Шульца.

— Не двигайся! — прохрипел по-польски и схватил ее за горло.

«Сумасшедший», — подумала она поначалу, увидев его дикие, налитые кровью глаза. Пыталась схватить его за руку, однако он придинул ее к стене, ударил коленом в живот. Ей стало плохо.

По ступенькам уже вбегал солдат с пистолетом, увидел испуганное лицо стюардессы и остановился, не зная что делать. На шум выглянул первый пилот, и глаза его расширились от удивления. Следом за ним в салоне появились второй пилот, штурман и радиооператор.

Шульц крикнул:

— Если кто-либо ко мне подойдет, задушу девушку!

— Понятно, — ответил командир корабля. — Не приблизимся, только не надо так сильно давить, можете ее задушить. В чем дело?

— Слушай, у меня нет времени. Летим, и как можно скорее, в Мюнхен. Убрать трап, закрыть люк. Этого, — движением головы он показал на солдата, — вон! У меня взрывчатка. Если меня не послушаешь, вся эта ваша штуковина взлетит на воздух.

— Вместе с тобой! — Пилоту уже не доставляла радости эта беседа.

— Вместе со всеми и со мной. Жду пять секунд, потом сам знаешь, что будет.

Пилот сказал солдату:

— Прошу покинуть самолет.

Солдат прекрасно знал, кого он должен теперь поставить в известность. Выскочил на летное поле, бегом бросился к зданию аэропорта.

— Ну, а с этой взрывчаткой — брехня? — Пилот не верил, но не хотел и рисковать. Хотел выиграть времени.

— Нет!

Шульц, не разжимая пальцев на горле Моники, согнулся ногу в колене. Пальцами правой руки манипулировал несколько секунд возле каблука, вытащил оттуда белый брикет. Двумя пальцами придерживая брикет, остальными достал из верхнего кармана пиджака что-то типа тонкой авторучки. Это была скорее всего короткая металлическая трубка с зеленым, обернутым в фольгу антенным кабелем.

Штурман поначалу хотел было приблизиться к террористу, но командир задержал его. Он уже был уверен, что слова о взрывчатке не были шантажом, понимал, что трубка с зеленым кабелем — это детонатор. Не ориентировался еще, откуда может пойти сигнал тревоги.

Шульц своими сильными, тренированными пальцами мгновенно сделал углубление в пластиковом брикете, вбил в него металлическую трубку. Гrimаса триумфа пронзала его лицо. Отпустил девушки и сказал:

— Взрыв будет направлен радиосигналом. Достаточно нажать микроскопические контакты в моих часах. Все ясно?

— Да, — ответил командир корабля. — Кажется, мы не имеем другого выхода. Куда хотите лететь?

— Я уже говорил — в Мюнхен. И немедленно!

— Хорошо, летим в Мюнхен. Только думаю, что без воздушной карты и без метеосводки это невозможно будет осуществить, надеюсь, вы это понимаете. Поэтому прошу разрешения на то, чтобы контрольный пункт дал нам эту информацию, а соответствующий сотрудник ее сюда доставит.

— Не согласен! Если кто-либо откроет двери, взорвут самолет. Вылетел сегодня из Мюнхена около четырнадцати часов при хорошей погоде. Ничего не предвещало ухудшения. Давай, рули на середину стартовой дорожки, подальше от строений!

Трап был уже отставлен, двери закрыты. Самолет

потихоньку стал выруливать на стартовую дорожку номер три. Потом задержался на середине. Второй пилот и команда перешли в свою кабину.

Шульц стоял еще возле кресла, держа в правой руке белый пластиковый брикет с воткнутым детонатором. Левую, на которой были часы, немного приподнял над собой. Смотрел то на Монику, то через окно самолета. Стюардесса растирала гортань, проглотила слону и тихо спросила:

— Можно сесть?

Отрицательно замотал головой. Предпочитал иметь ее перед собой, чем где-то сзади. Достаточно, что в конце салона при входе в туалет оказалась другая стюардесса. Обе были перепуганы, и не стоило опасаться, чтобы какая-нибудь из них могла броситься на него, пытаясь предотвратить захват самолета. И все-таки пусть каждая остается на своем месте.

— Открой дверь в пилотскую кабину, — потребовал он. — Только без глупостей, предупреждаю!

Моника подошла к двери, открыла. Командир корабля как раз говорил с центром. Когда увидел, что произошло, сейчас же перешел на шифр:

— Дай мне погоду в Мюнхене. Четыре, девять, пять, шесть, одиннадцать.

— Понимаю. Сейчас дам прогноз погоды.

— Не употреблять шифра! — крикнул Шульц в сторону пилота.

— Хорошо, не будем.

Все необходимое уже было сказано. Эти цифры означали, что террорист имеет взрывчатый материал с детонатором, управляемым радиосигналом с часов на левой руке.

— Почему задерживаешь полет? — крикнул Шульц.

Второй пилот вышел из кабины, задержался у порога и спокойно произнес:

— Полетим, как только получим прогноз погоды из

Мюнхена. Будьте хоть немного рассудительны. Ведь никто из нас не сопротивляется, все идет так, как вы хотели. Через полтора часа, а может и раньше, приземлимся в Мюнхене. Мы отказались, согласно вашей просьбе, от воздушной карты, хотя это значительно затрудняет полет. Вы, наверно, понимаете, что в этой ситуации мы можем столкнуться с другим самолетом, че-го никому бы не пожелал. Поэтому хочу попросить вас дать нам возможность спокойно руководить полетом, ведь нервы могут довести до катастрофы.

Говорил вежливо, стараясь растянуть свою речь. Сделал при этом отрешенное лицо, как бы отдаваясь целиком в руки террориста. Мысленно считал секунды и минуты, во время которых специальная группа народной милиции по борьбе с воздушным терроризмом, называемая еще милицейскими командосами, успеет прибыть и приступить к акции.

Шульц, обдумав ситуацию, вдруг успокоился. Действительно, теперь уже не имело смысла нагонять страх, грозить и нервировать пилотов, ему ведь больше всего необходимо было без препятствий долететь до Мюнхена. Кивнул головой, это означало, что принял к сведению слова пилота и согласен с ним. Имея перед глазами его и стюардессу, отошел на несколько шагов. Положил брикет с детонатором на кресло с правой стороны, сам занял место на другом, слева. Таким образом видел, что делается перед ним и по сторонам. Стюардесса в конце кабины не представляла опасности, просто как-будто ее не было.

— Можешь стартовать в направлении три запятая три, — отозвался центр. — В Мюнхене погода нормальная для приземления.

— Понятно, — ответил командир.

Развернулся самолет, подождал секунду.

— Скорость шестьдесят километров, под конец до ста, — услышал из центра.

Вздохнул с облегчением. Штурман понимающе посмотрел на радиооператора. Они знали, что, когда центр обозначит скорость, это будет знаком, что группа командосов приступила к акции. Теперь очень многое будет зависеть от экипажа.

*

От внутреннего аэропорта мчались два автомобиля со специальной группой народной милиции.

Одеты они были в темно-серые мундиры без пуговиц, воинских отличий и нашивок. На ногах черные ботинки парашютистов. На боку — штурмовой нож и шестизарядный кольт, калибр тридцать восемь, называемый спецдетективным. На голове — береты. В первом автомобиле сидел командир в звании капитана. Коллеги дали ему псевдоним Гвоздор.

Щенсный ожидал их при въезде. Капитан выскочил прежде, чем затормозил автомобиль.

— Коротко, что произошло? — Смотрел не на майора, а на летное поле и на стартовую полосу, на которой «ТУ-134» не спеша набирал скорость.

— Это тот? — указал на самолет.

— Да. Пассажиров нет, только террорист из ФРГ. У него пластиковый брикет с детонатором, радиосигнал может подать со своих часов, которые на левой руке. Сидит спиной к хвосту самолета.

— Центр передал скорость выезда на стартовую площадку?

— Да, сначала шестьдесят, потом сто.

— Хорошо. Скажи, что, когда окажемся под моторами, пусть сократит скорость до восьмидесяти.

Вскочил в автомобиль. Обе машины держались позади «ТУ-134». В транзитном зале радио сообщило о задержке по техническим причинам всех рейсов на двадцать минут.

Пассажиры, стоя у дверей, напирали на стюардессу

и пограничника, засыпая их вопросами о том, что, собственно говоря, случилось и когда они смогут улететь. Подошел офицер, объяснил, что обнаружены неисправности на двух стартовых полосах. Серьезного значения они не имеют. Однако пока их не устранит, вылеты разрешить нельзя, старт должен быть безопасным.

Только один из пассажиров, который уже несколько минут напряженно наблюдал, что происходило на аэродроме, отдавал себе отчет о серьезности ситуации. Это был журналист из военной газеты.

Пилот из своего кресла не мог видеть, доехали ли милиционские машины до стартовой полосы. Остальные члены экипажа боялись подняться со своих мест, чтобы не спугнуть террориста. Они сидели почти недвижимо и время от времени украдкой бросали взгляд в пассажирский салон. Моника стояла около стены, низко опустив голову. Она догадывалась, что в любую секунду может случиться. Боялась, что по выражению ее лица террорист сможет догадаться, что в конце салона началось какое-то действие. Достаточно было ему заметить легкое дрожание губ, блеск в глазах... Сконцентрировала взгляд на коврике на полу, считала треугольники и кружки узора, хотя временами у нее голова шла кругом.

Стюардесса Барbara тоже сообразила, что помочь может прийти только со стороны люка багажного отделения. Она стояла на границе между салоном и коридорчиком, где находились туалеты. Далее был люк, двери туда закрыты. Если бы она могла отойти назад на пару шагов, открыть эти двери... Однако нельзя былоничем привлечь внимание бандита к задней части самолета.

— Держись двести метров от хвоста, — сказал руководитель группы шоферу; вторая машина ехала сразу за ними. Посмотрел на часы: семнадцать пятьдесят. Сгущались сумерки, тучи закрыли солнце, вот-вот нач-

нется дождь. «Может быть скользко,— подумал он.— Надо торопиться».

По бокам стартовой полосы загорелись красные сигнальные огни. Это также был условный знак для пилотов.

— Восемьдесят.

Пилот выровнял скорость движения. Моника прикрыла глаза. Вторая стюардесса с бьющимся сердцем старалась услышать сквозь гул двигателей какой-нибудь шум со стороны люка.

— Подъезжаем! — бросил Гвяздор.— Марек, приготовься.

Мгновением позже оба были уже под фюзеляжем самолета.

— Так держать! — Командир невольно улыбнулся; приказ прозвучал как команда для рулевого.

Марек, он же Кинджи, тонкий в пояссе, как девушка, и сильный, как атлет, поднялся, расставил ноги на сиденье машины и протянул руки к дверцам, ведущим к заднему багажному люку. Оба автомобиля не высовывались из-под «ТУ-134», и никто из находящихся в самолете не мог их обнаружить.

Дверцы не поддавались. Марек, поддерживаемый товарищем, ударил ботинком в дверную ручку. Она отскочила, дверцы подались на несколько сантиметров, после чего постепенно поднялись вверх. Образовалось отверстие не более метра, по этого было достаточно.

— Отодвинься!

Гвяздор пошел первым; так уже было не впервые, брал на себя первое столкновение с террористом. Легче всего было просто молниеносно сделать один или два выстрела, у него был специальный пистолет, пули которого не рикошетили. Однако Щенсный успел ему сказать, что бандит «необычный» и нужно, совершенно необходимо взять его живым.

«Хорошо,— подумал сейчас капитан группы.— Только как это сделать?..»

— Попробую,— прошептал Кинджи на ухо командингу.— Я подползу к креслу.

— Хватай за правую руку! Тогда ему невозможно нажать контакт на часах.

— Может, прижать левую к поручню кресла,— также шепотом обратил внимание Паркер (такие они однажды выдумали псевдонимы).

— Не успеем,— буркнул Кинджи.

Он был наиболее гибким среди всех, во время тренировок он пролезал под такими низкими препятствиями, что, казалось, кот не проскочит. Он, однако, пролезал, не касаясь барьера или же проволоки.

Командир отодвинулся, пропустил его вперед к дверцам, ведущим в коридорчик, где были туалеты. Не напомнил: «Будь осторожен», каждый из них знал, на какой службе находятся и как необходимо рисковать. Несторожность одного могла повлечь за собой смерть или увечье многих.

Кинджи открыл дверцы. Барбара слегка дрогнула, но не повернула головы, только бесшумно сдвинулась вбок. Шульц сидел в кресле, уже спокойный, уверенный, что победил. Белый кубик с воткнутым детонатором лежал на сиденье. Террорист положил левую руку с часами на поручни кресла, правую опустил вниз. Смотрел на Монику, думал, почему у нее все еще опущена голова; решил, что, паверное, болит шея. За иллюминаторами все чаще мигали, во всяком случае ему так казалось, огни стартовой полосы, самолеты, прикованные к земле, где-то далеко зеленые поля и строения. Кинджи бесшумно полз по ковру, держась ближе левой стороны кресел. Он видел макушку головы бандита и его руку, свисающую над проходом, пальцы на расстоянии восьми, может быть, десяти сантиметров от пола. «Эту руку,— думал он, приближаясь осторожно.— Па-

льцы? Лучше всего сзади. Сильным захватом». Вдруг он сориентировался, что командир тоже ползет следом. Повернул слегка голову, а капитан шепнул: «Давай справа, а я слева!»

Они поднялись одновременно, выросли за спиной Шульца как привидения. Кинджи железной хваткой сжал правую руку бандита, а командир зажал пальцы на запястье левой, выше часов. В этот момент Паркер проскользнул рядом, встал напротив Шульца с пистолетом, направленным на него и скомандовал:

— Не двигаться! Милиция. Одно движение — и стреляю.

Моника бросилась в кабину летчиков, но самолет уже тормозил, члены экипажа вскочили с кресел, побежали в салон для пассажиров. Шульц, застигнутый врасплох в ту минуту, когда ему казалось, что он полностью овладел ситуацией, озлобленный, пораженный последствиями всего, что будет дальше, застыл на месте. В кабину зашли трое остальных из группы. Кто-то осторожными движениями отстегнул часы с руки Шульца, другой с детонатором в руке ожидал, когда остановится самолет. Потом выпрыгнул, побежал далеко за стартовую полосу, лег на траву. Он должен был теперь остаться при взрывном механизме до тех пор, пока подъедет шофер, возьмет его, и саперы взорвут этот заряд в специальном бункере.

Командир держал на ладони часы бандита. Смотрел на маленькие металлические контакты, по два с каждой стороны корпуса циферблата. Осторожно уложил смертоносный механизм в подготовленную специально коробочку. Когда в бункер привезут белый пластиковый кубик, тогда можно будет спокойно нажать радиосигнал. Или же обезвредить кубик без его помощи.

К самолету подъехала милицейская машина с радией. Барбара открыла двери, приехал трап. Щенсный с

Полонским вбежали в салон. Майору достаточно было одного взгляда, чтобы полностью оценить ситуацию. Подошел к Гвоздору, протянул руку.

— Поздравляю, Ежи! — сказал он, пожимая ладонь. — Это была прекрасная работа.

Капитан группы показал на Кинджи, Паркера и других.

— Поздравь их, — ответил он. — Без них я ничего бы не сделал.

Шульцу надели наручники, повели к машине.

— Я протестую! — возмутился он. — Я есть... — оборвал фразу. С этой минуты он уже не говорил по-польски, как будто забыл этот язык.

В помещении комиссариата на аэровокзале внутренних линий, куда они поехали, Щенсный вытащил из бумажника террориста знак «Летучих мышей» и сказал, улыбаясь, с состраданием:

— Не велика была бы вам польза от этого документа. Мы не рисковали, господин Шульц! Настоящая визитная карточка с римской шестеркой находится по-прежнему в безопасном укрытии. Этот знак является фальшивым. — Он небрежно бросил карточку на стол. — «Малое ночное млекопитающее из семейства CHIROP-TERA»... Знаете, кого мне жаль? Настоящих летучих мышей. Что вы так осквернили их название.

Анна Клодзинская

Летучие
Мыши

перевод с польского

Ведущий редактор *С. М. Луконин*
Художник *Г. Ю. Корнышев*
Технический редактор *Т. Г. Иванова*
Корректор *С. Л. Колганова*

Сдано в набор 04.04.89. Подписано в печать 20.06.89. Формат 70×108¹/32. Бумага
тип. № 1. Печать высокая. Гарнитура об. нов. Усл. печ. л. 8,40. Усл. кр.-отт. 8,66.
Уч.-изд. л. 8,35. Тираж 115 000 экз. Заказ № 4678. Цена 2 р. 50 к.

Польско-советское издательско-полиграфическое общество «Орбита».
Московский филиал.
125047, Москва, ул. Горького, 50.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий»
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

2 р. 50 к.

A vertical strip of aged, yellowish-brown paper, likely a book cover or endpaper, showing signs of wear and discoloration.